ДОН_новый 16/2

Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Орган Союза писателей России, министерства культуры Ростовской области и Ростовского регионального отделения Союза писателей России

Главный редактор Г.В. Студеникина

Общественный редакционный Совет:
А.Г. Береговой, Ростов-на-Дону
В.А. Воронов, Ростов-на-Дону
А.И. Глазунов, Сальск Ростовской области
Н.И. Дорошенко, Москва
Г.В. Иванов, Москва
И.С. Капаев, Черкесск
И.Н. Кудрявцев, Ростов-на-Дону
В.И. Лихоносов, Краснодар
Б.А. Орлов, Санкт-Петербург
Г.Т. Селигенин, Ростов-на-Дону
Б.М. Стариков, Тихорецк Краснодарского края

Учредители: Союз писателей России
Ростовское региональное отделение СП России
Журнал выходит при поддержке министерства культуры РО

Издатель: ООО «Издательство «Донской писатель»

СОДЕРЖАНИЕ:

МЕМОРИАЛ

Василий Воронов. *Поэт и летописец.* К 200-летию со дня рождения Н.М. Карамзина. 12+ 4

Маргарита Григорьева. *Такая короткая долгая встреча.* К 100-летию со дня рождения А.В. Калинина. 12+ 7

Людмила Андреева. *Калинину.* Стихи-посвящение. 12+10

ЮБИЛЕИ

К 80-летию писателя.

Геннадий Селигенин. *Братья по разуму.* Рассказ.12+ 11

К юбилею поэтессы.

Клавдия Павленко. *Сезон дождей.* Стихи. 12+ 15

К 65-летию писателя.

Николай Дорошенко. *Золотой век.* Отрывок из романа «Душа». 12+ 19

К юбилею писательницы.

Тамара Привалова. *В последний раз.* 12+ Эссе. 42

К юбилею писательницы.

Надежда Васильева. *«Хохол».* Рассказ. 12+ 55

ПРОЗА

Алексей Глазунов. *Узел.* Роман. 16+ 141

Ольга Лозбенева. *«Зорька моя, ясная...»* Рассказ. 14+ 170

Светлана Вьюгина. *Тарзанка.* Рассказ для детей. 0+ 196

Александр Цыганов. *Клюква.* Рассказ.12+ 198

Антонина Сытникова. *Антрацит*. Святочный рассказ. 12+ 201

ПОЭЗИЯ

Светлана Супрунова. *Катится народ...* Стихи.12+ 37

Ольга Немыкина. *Галактические дали...* Стихи. 12+ 52

Борис Орлов. *Буги-вуги, тити-мити...* Стихи. 12+ 60

Игорь Кудрявцев. *Детство зрелости.* Стихи. 12+ 104

Геннадий Сазонов. *Зелёная долина.* Стихи. 12+ 169

Ярослав Кауров. *Остаться огнём.* Стихи. 12+ 193

ПУБЛИЦИСТИКА

Николай Коняев. *Киммерийская Русь.* Главы из книги «Кочевые империи». 14+ 63

Юлия Жура́влева. *Мой Египет*. Дорожные заметки. Окончание. 14+ 161

Насипхан Суюнова. *Поэтика пьесы Исы Капаева «Маскарад по-ногайски».* Рецензия. 12+ 180

Журнал «ДОН_новый» распространяется на территории России и стран СНГ

***

Содержание журнала не всегда отражает точку зрения редколлегии на затронутые авторами темы

***

За точность имён, фактов и чисел ответственность несут авторы

***

Редколлегия оставляет за собой право не разъяснять авторам причины отказа в публикации их произведений

***

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

***

Все произведения в журнале публикуются пока на безгонорарной основе. Авторам предоставляются бесплатно по 2 экземпляра номера журнала (с их публикациями). Присыл авторами своих произведений для печати в журнале «ДОН_новый» считается их согласием на безгонорарную публикацию

«КРУТОЯР»
Михаил Шолохов. *Илюха.* Рассказ. 14+ 110
Григорий Рычнев. *Память станицы.* Очерк. 12+ 115
Геннадий Селигенин. *Продлись, очарованье...* Эссе. 12+ 118
Анатолий Павленко. *У калитки.* Рассказ. 12+ 122
Алексей Глазунов. *Конокрад.* Стихи. 12+ 128
Ксения Баштовая. *Молоко и хлеб.* Рассказ. 12+ 129
Алина Фролова. *Моё счастье.* Стихи. 12+ 139

КРЫМСКАЯ ТЕТРАДЬ
Елена Осминкина. *В этом мире откровений.* Стихи. 12+ 175
Николай Ильченко. *Карапушки.* Стихи. 12+ 178

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ
Алексей Горобец. О *неизбывных глупостях любви.* Стихи. 14+ 203
Владимир Моисеев. *Как дикий сад...* Стихи. 14+ 206

Условия набора и присылки литературных материалов в журнал «ДОН_новый»

Свои произведения авторы присылают в журнал только электронной почтой по адресам: **donpisatel@yandex.ru** или **don_new@rambler.ru** в программе «**WORD**» без архивирования и макетирования.

***

Рукописи для публикации в журнале «ДОН_новый» принимаются только при соблюдении следующих правил набора:

1. Обязательное использование в наборе буквы «Ё»
2. Не допускается использование знака «дефис» (-) или знака «нижнее подчёркивание» (_) вместо знака «тире» (—) и наоборот.
3. При наборе прозы и публицистики использовать знак «длинное тире»(—), при наборе поэзии знак «короткое тире» (–).
4. Не допускается установка абзацев текста при помощи кнопки «Табулятор».

Рукописи, не соответствующие условиям набора, рассматриваться не будут.

***

По вопросам подписки на журнал «ДОН_новый» обращаться по адресу:
344000, Ростов-на-Дону, пр. Шолохова 1, ООО «Издательство «Донской писатель», тел. 8-918-599-67-51.

ББК (2Рос-Рус)59
Д-180
ISBN 978-5-87612-071-5
©Литературно-художественный и общественно-политический журнал
«ДОН_новый» № 2, декабрь 2016 г.
Издатель: ООО «Издательство «Донской писатель»
Над выпуском работали:
Баштовая К.Н., Береговой А.Г., Журавлева Ю.И., Зяблицкая Д.А.,
Лозбенева О.В., Студеникина Г.В., Ханин Д.И.
Фотографии А. Аникина, Н. Бородулина, В. Хлыстова
Главный редактор Студеникина Г.В.
Директор издательства Береговой А.Г.
Тираж 990 экз. т/ф. 8-918-599-67-51; 8-918-854-80-59.
e-mail: don_new@rambler.ru

200 лет со дня рождения Николая Михайловича Карамзина

ПОЭТ И ЛЕТОПИСЕЦ

Он перешагнул через два века и явился перед нами со своими трудами, как современник — насущный и востребованный.

Николай Михайлович Карамзин сегодня издаётся, изучается наравне с современными популярными историками, философами, писателями. Его «История….» — неисчерпаемый кладезь для драматургов, поэтов, краеведов, филологов, молодых историков и исследователей. Без Карамзина невозможно понять и представить Россию. Он законодатель и учитель. Поэт и летописец Российской истории. Его жизнь — высочайший нравственный пример человека и гражданина.

Карамзин родился в одном из самых богатых и живописных уголков России — в селе Знаменском Симбирской губернии, что на берегу Волги. В родовом поместье старинного дворянского рода, одна из ветвей которого происходила от татарского военачальника Кара-Мурзы.

До двенадцати лет мальчик воспитывался дома, где была богатая библиотека и хорошие учителя. И дальше он получал образование в частных пансионах Симбирска и Москвы. Семнадцати лет, по настоянию отца, поступил в Преображенский полк. Здесь явилась ему Муза, юноша трепетно и безоглядно присягнул ей. Скоро он вышел в отставку и вернулся в Симбирск. На берегах Волги, в родных пенатах началось его великое поприще. У начинающего автора не было периода ученичества. Он сразу «взял быка» за рога. За несколько лет перевёл трагедию Шекспира «Юлий Цезарь», трагедию Лессинга «Эмилия Галотти», написал свою первую повесть «Евгений и Юлия», а также множество стихотворений.

В 1789 году, ещё мало кому известным автором, он едет в Европу. Жаждет найти там ответы на многие насущные вопросы. Встречается и подолгу беседует с известными писателями, философами, историками Ш. Бонне, И. Кантом, Ж.Ф. Мармонтелем, И.Г. Гардером И.К. Лафатером. Кажется, сама история раскрывала ему свои объятия. Он воочию увидел начало Великой французской революции. Слушал выступления М. Робеспьера, О. Мирабо.

Главный урок, который вынес из Европы русский путешественник: русский ум, русская мысль нисколько не уступают европейским. Россия идёт по пути Просвещения, как и Европа. В общении с умнейшими людьми Европы Карамзин не чувствовал стеснения или недостатка ума и образования. В «Письмах русского путешественника» он сумел глубоко и предметно показать уровень просвещённой Европы. И там же, в «Письмах…», он впервые коснулся понимания русской истории. «Говорят, что наша история сама по себе менее занимательна: не думаю, нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и пр. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев… У нас был свой Карл Великий: Владимир; свой Людовик XI: царь Иоан; свой Кромвель: Годунов, и ещё такой государь , которого нигде не было подобных: Петр Великий».

После «Записок русского путешественника» Карамзин стал в первый ряд русских писателей. Последующие произведения — «Бедная Лиза», исторические повести, стихотворения, переводы, переложение на современный язык «Слова о полку Игореве», публицистика — только укрепили славу и авторитет Карамзина. Но теперь, чтобы он не делал, не писал — всё сводилось к истории. История догоняла его, преследовала и довлела над ним: «По уши влез в русскую историю; сплю и вижу Никона с Нестором».

Вплоть до 1803 года, до непосредственной работы над «Историей…», Карамзин долго и мучительно искал новый взгляд на историю, новую концепцию изложения материала. Его великие предшественники Татищев и Ломоносов, бесспорно, хорошие учителя, но их материал тяжёлый, рутинный, в старославянской архивной пыли. Поэту душно в монашеской келье Нестора. Карамзин искал на своей палитре такие краски, которые возвысят эпическую мощь повествования до эстетической красоты, до Поэзии. Он нашёл единомышленника в лице аббата Бартелеми, в его сочинении «Путешествие Анарсиса».

В рецензии на эту книгу Карамзин отмечает близкую для себя особенность: «Сие сочинение, над которым автор, господин аббат Бартелеми, более тридцати лет трудился и в котором умел соединить строгую историческую истину с приятностью изложения, есть редкое явление в литературе». И уже примеряет для себя, как руководство, как методику: «…выбрать, одушевить, раскрасить… Что неважно — сократить… но все черты, которые составляют свойство народа русского, характер древних наших героев… происшествия действительно любопытные описать живо, разительно».

Рецепт найден, инструмент готов. Карамзин первый пойдёт по этому пути, соединив, сплавив поэзию и летопись. Представим образец нового метода.

Исторический факт казни князя Владимира Старицкого, обвинённого в

попытке отравления Ивана Грозного. В примечаниях Карамзина приведены несколько скупых противоречивых источников. «По сказанию Гваньини кн. Владимиру отсекли голову; а Одерборы, называя его Георгием, сказывают, что он был зарезан». В летописи св. Дмитрия Ростовского свидетельствуется: *«В лето 7078 не стало в животе кн. Владимира Андреевича Старицкого…»* Была и версия отравления князя, которую взял историк.

И вот, внимание! — текст Карамзина.

«Ведут несчастного с женою и двумя юными сыновьями к государю: они падают к ногам его, клянутся в своей невиновности, требуют пострижения. Царь ответствовал: «вы хотели умертвить меня ядом: пейте его сами». Подали отраву. Князь Владимир, готовый умереть, не хотел из собственных рук отравить себя. Тогда супруга его, Евдокия (родом княжна Одоевская), умная, добродетельная, видя, что нет спасения, нет жалости в сердце губителя, — отвратила своё лицо от Иоанна, осушила слезы и с твердостью сказала мужу: «не мы себя, но мучитель отравляет нас: лучше принять смерть от царя, чем от палача». Владимир простился с супругою, благословил детей и выпил яд, за ним Евдокия и сыновья. Они вместе молились. Яд начал действовать, Иоанн был свидетелем их терзаний и смерти».

Исторический факт превращается в художественный акт, в трагедию. А вся «История…» наполнена исполинским дыханием русской жизни, нежными и суровыми метафорами русской поэзии. Явился Поэт, равный автору «Слова о полку Игореве». Современник сказал: «Карамзин — наш Кутузов двенадцатого года, он спас Россию от нашествия забвения, воззвал её к жизни, пока-зал нам, что у нас отечество есть, как многие о том узнали в двенадцатом году».

Кажется, впервые русские люди увидели монументальные портреты своих предков: князя Владимира, княгиню Ольгу, Никона, Нестора, Ивана Третьего, Ивана Грозного, Минина, Пожарского, Годунова...

В начале 1818 года были отпечатаны и поступили в продажу восемь томов «Истории…» Пушкин писал: «Появление сей книги… наделало много шума и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц». Три тысячи — это вся тогдашняя читающая Россия.

«История…» заканчивается 1612 годом в последнем двенадцатом томе, подготовленном для печати уже после смерти писателя. В позднейшие два десятилетия произведение Карамзина переиздавалось шесть раз.

Новые историки, вплоть до Костомарова, Ключевского и Соловьева не могли повторить опыт Карамзина. При несравненно более высокой историографической и научной ценности их трудов.

У Карамзина была одна неповторимая привилегия, он был Поэт и смотрел на историю сквозь свой магический кристалл. Волшебный камень он унёс с собой в могилу.

Двести лет читают «Историю…» Мимо не прошёл ни один образованный человек, ни один писатель. Заглядывая вперёд, завидую внукам и правнукам нашим, впервые взявшим в руки Карамзина и прочитавшим: «История в некотором смысле есть священная книга народов…»

Василий Воронов, член Союза писателей России,
ст. Старочекасская Ростовской области.

100 лет со дня рождения Анатолия Вениаминовича Калинина

22 августа 2016 года выдающемуся донскому писателю — прозаику, поэту и общественному деятелю, автору знаменитого романа «Цыган» Анатолию Вениаминовичу Калинину исполнилось бы 100 лет со дня рождения. Этой, знаменательной для всего писательского сообщества Ростовской области, дате был посвящён литературный конкурс, который проводило Ростовское региональное отделение Союза писателей России совместно с министерством культуры Ростовской области, Комитетом по молодёжной политике ЗС РО, комитетом по работе с молодёжью Общественной палаты РО.

Конкурс проводился в двух возрастных категориях по трём номинациям в каждой: проза, поэзия, публицистика. В конкурсе приняли участие более 200 человек — жителей Ростовской, Волгоградской, Воронежской областей, Краснодарского края.

Итоги конкурса подводились в хуторе Пухляковский, где много лет жил Анатолий Вениаминович, в день его столетия. При большом стечении зрителей, приехавших со всех концов страны почтить память писателя, победители конкурса со сцены, установленной на площади перед зданием Дома культуры, читали свои произведения, получали заслуженные награды. Церемония награждения впоследствии плавно и логично трансформировалась в праздник поэзии.

Журнал «ДОН_новый» в разделе «Крутояр» публикует произведения-победители. Редколлегией особо выделены два произведения, посвящённые непосредственно Анатолию Вениаминовичу Калинину. Они вынесены на эти страницы — страницы памяти писателя.

Редсовет

ТАКАЯ КОРОТКАЯ ДОЛГАЯ ВСТРЕЧА

Очерк

Воскресное утро 20 октября 2001 года застало меня в дороге. Оно было погожим и тёплым: не по-осеннему яркое солнце щедро золотило степь, а безоблачное небо слепило синевой. Я с жадностью вглядывалась в проплывающий за окнами такси пейзаж и всё никак не могла поверить, что вот эта обыкновенная асфальтовая дорога спустя каких-то полчаса приведёт меня к дому великого человека — живой легенды Донского края. Идея вывести меня «в люди» (познакомить с литераторами из других городов Ростовской области) принадлежала Татьяне Леонидовне Атыян, и по счастливому стечению обстоятельств наша встреча должна состояться у Анатолия Вениаминовича Калинина. Конечно же, я очень рада этому нежданному чуду, и всё-таки сердце иногда тревожно замирало: как примет известный писатель доморощенного поэта с окраины провинциального Новошахтинска?

— Ты посмотри, какая благодать! — прервала размышления моя спутница. — Это потому, что к святому человеку едем.

И вот перед нами заветная калитка с номером 118, а за ней — уютный двухэтажный дом, где уже более полувека живёт автор полюбившегося миллионам читателей романа «Цыган». Хотя мне больше по душе другое произведение Анатолия Вениаминовича — «Суровое поле», — которое с удовольствием перечитывала не один раз.

На пороге нас радушно встречает сам хозяин. С тайным трепетом всматриваюсь в его лицо и ловлю на себе быстрый, изучающий взгляд проницательных глаз. Так вот он какой, великий писатель! Такой земной, без капли высокомерия, искренне улыбается нам, как давним знакомым. На душе сразу становится легче, и я уже не чувствую себя незваной гостьей.

Не прошло и двух минут, как мы оказались в знаменитой калининской гостиной. Здесь всё соответствует духу этого слова: старое пианино, овальный стол под цветной клеёнкой, мягкие стулья, покрытые вязаными салфетками, высокая полированная горка и старомодный диван. На стенах — полотна именитых российских художников, и у каждого из них своя история. Картину домашнего уюта довершала пара безмятежно спящих котят.

Скромно устраиваюсь на краешке стула и с любопытством оглядываюсь по сторонам, не вмешиваясь в беседу старших. Просто слушаю, стараясь не пропустить ни единого слова…

А разговор шёл интересный. Несмотря на возраст и пошатнувшееся здоровье, Анатолий Вениаминович не оставался в стороне от жизни, вёл большую общественную работу. В этот день он рассказывал нам о недавно созданном при его активном содействии Раздорском этнографическом заповеднике. Затем речь зашла о судьбах донских писателей М.А. Шолохова и М.А. Никулина. Калинин сетовал, что всё чаще предпринимаются попытки очернить имя Михаила Александровича, принизить его вклад в отечественную лите-

ратуру. И с горечью добавил, что и сама русская литература переживает не лучшие времена, — вместо умных, добрых, полезных книг многотысячным тиражом издаются лишь бульварные романы, потому как все теперь пекутся не о духовности, а о выгоде. В таких условиях авторам, пишущим серьёзные произведения, очень трудно добиться признания.

После чаепития Анатолий Вениаминович обратился ко мне:

— Татьяна сказала, что вы пишите стихи. Может быть, прочтёте что-нибудь?

Вскакиваю — как школьница, которую неожиданно вызвали к доске, и с ужасом осознаю, что не могу произнести ни слова. Сейчас, в этой гостиной, перед лицом Калинина всё написанное казалось мне таким жалким и недостойным внимания, что стало нестерпимо стыдно. Наверное, Анатолий Вениаминович понял моё состояние по выражению лица и жаркому румянцу. Он похлопал меня по руке и ободряюще улыбнулся:

— Да не волнуйтесь так. Пожалуйста, читайте.

Набираю полную грудь воздуха и выдыхаю первые строки:

Дрожит в закатном мареве река
И солнце день за днём идёт по кругу…

На некоторое время в гостиной установилась тишина. Стою, не смея поднять глаз, и вдруг слышу:

— Девочка, вы поэт. Пишите.

Остаток встречи прошёл для меня, как в тумане, и детали не запомнились. Перед расставанием Анатолий Вениаминович подарил нам на память по экземпляру книги «Дом, где живёт любовь», выпущенной к 85-летию писателя. Для меня она стала не только самым дорогим подарком, но и самой высокой наградой, о какой только можно мечтать.

Уже у калитки, пожимая нам на прощание руки, Калинин прочитал как напутствие стихотворение Александра Блока «К Музе»...

С тех пор прошло немало лет. Но до сих пор в глубине души я свято храню то удивительное тепло, оставшееся от встречи с великим человеком. И эта встреча повторяется, стоит мне открыть заветные страницы написанных им книг. Сразу вспоминаю его проницательный взгляд и тихий спокойный голос, и появляются силы идти дальше по ухабистым дорогам нашей непредсказуемой жизни.

Низкий поклон Вам, Анатолий Вениаминович, и светлая память!

Маргарита Григорьева, член Союза писателей России,
г. Новошахтинск Ростовской области.

<u>От редакции:</u> очерк М. Григорьевой «Такая короткая долгая встреча» занял второе место в номинации «Публицистика» областного литературного конкурса, посвящённого юбилею писателя.

Калинину

Не стреножены горе-темами,
Блефом будней и беззаконий –
Принеслись к водопою Времени
Незабвенные были-кони.
В гривах – сочное многоцветие,
Лебеда да полынь кудрявая...
А на сёдлах – из лихолетия –
Пыль военная, стародавняя.
Ржут восторженно – сладкозвучные,
Ненасытно пьют воду синюю.
Ты почувствуй, как – неразлучная –
Рядом с ними – душа Калинина.
Ей отрадно, светло, немаетно:
Небо льётся в неё – безгрешное.
Сколько Жизни, Тепла и Памяти!
Всё по-прежнему.
Всё по-прежнему...

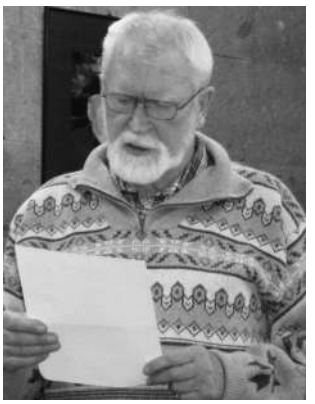
Людмила Андреева, член Союза писателей России,
г. Азов Ростовской области.

<u>От редакции:</u> стихотворение Л. Андреевой «Калинину» заняло третье место в номинации «Поэзия» областного литературного конкурса, посвящённого юбилею писателя.

Награждение победителей конкурса имени А.В. Калинина. Людмила Андреева г. Азов

К 80–летию со дня рождения писателя

Геннадий Селигенин



БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Рассказ-притча

Передвигались осторожно — вниз, вверх, по кривой. И совсем редко — прямо. Виной — пористая, с глубокими затесями поверхность, обугленные стволы, загнутые против движения, местами поваленные и скрюченные. Впрочем, что такое «прямо», для них было до конца нерешённым.

— Оно!— неожиданно и твёрдо заявил Стригун.

— Откуда ты зна?.. — Гребак не договорил, чихнул, поперхнулся. Край заскорузлого сруба, которого они достигли, был пропитан чем-то ядовитым, отвратным.

— Его знак!— сказал предводитель с тем же апломбом. Гребака замутило. Но не от крутых виражей и подъёмов. Любые перепады были нормой их жизни. Дурманил едкий наплывающий запах.

— Чей знак? Кого? — выдавил он.

— Кого же!.. Непомерного.

— Ты встречал… в-видел Непомерного? — Всезнайство и сомнительный при их опасном задании пафос Стригуна не столько забавляли, сколько раздражали и вызывали недоверие.

— Никогда! Видеть Непомерного — немыслимо. А знак — его!

Селигенин Геннадий Тарасович, член Союза писателей СССР, России с 1988 года, прозаик, публицист, родился 25 октября 1936 года в хуторе Скачки Морозовского района Ростовской области. В 1959 г. поступил на историко-филологический факультет Ростовского госуниверситета и, окончив его, избрал профессию журналиста.

Первыми публикациями Геннадия Селигенина стали рассказы, напечатанные в ростовской периодике, затем вышли его книги «Повозка с голубыми жар-птицами», «Санитарный час», «Зелёная корона» и другие. Г. Селигенин рос в окружении живописной природы Дона, и это наложило свой отпечаток на формирование творческого мировоззрения, а жизненность поэтического мира, красоту бытия придал ему труд, знакомый с детства.

Г. Т. Селигенин — лауреат премии «Творчество Дона», учреждённой администрацией области и Региональным общественным фондом поддержки писателей и литераторов Дона, лауреат Всероссийской литературной премии им. В. Белова 2011 года.

Живёт и работает в г. Ростове-на-Дону.

Гребак возразил:

— Иные говорят, он не злой…

— Не злой! Х-хы! — Стригун ехидно хмыкнул.— Пильщик растворился в космосе. А Скороног едва ноги приволок — помятый, с одним целым ребром.

— Но при чём тут Он?

— Может, откроешь секрет кто «при чём»?

Спутник по привычке насмешку проглотил. Продолжал всё тем же вибрирующим дискантом:

— А-а… А что сообщил Скороног?

— Загвоздка — не найти. Загвоздка — проникнуть, проползти, втиснуться незамеченным. Безопасней — по верхушкам стволов. Это успел открыть Скороног перед тем, как Семья приготовила из него поминальный ужин.

— А не горячку ли мы порем, не впустую ли тратимся, посягая определить Неопределяемое изнутри? — Густеющая опасная неизвестность подвигла Гребака к глубокомыслию. — Или есть приметы?

— Да вот же!

— Это?— прогундел сквозь стиснутые пальцами ноздри Гребак.

Они обследовали сруб по периметру, сопровождаемые всё тем же въедливым запахом. Свербение в носу и частый чих прямо таки валили Гребака с ног. Сказывалась малая, на скорую руку, подготовка. Главный зашикал на него, приказал надеть маску с фильтром.

— Он не может слышать наши голоса. Мы — в разных диапазонах. Н-но! Мы — шуршим… Да, приметы! Ты имеешь в виду этот гнилой запах?

— Да, гнил-лой, — эхом отозвался Гребак, натягивая маску.

— Это — не главное. Я же называл: проникнуть, проползти, найти тот единственный, для нас — потайной и спасительный, а для него — роковой, лаз.

— И зачем это нам? — отогнул маску Гребак.

— Что — зачем?

Гребак поздно сообразил, что проговорился, признавшись в точившем его сомнении. Но отступать не стал:

— Ну, проникнуть, проползти… Рисковать, в общем. Столько корма бесхозного вокруг…

— Опять — сто пять! — взорвался Стригун.— Вы, Гребаки, всегда слыли надутыми бурбонами. Дальше собственного носа не хотите и не умеете заглядывать. За то и гибнете целыми поселениями. Но всё невдомёк — почему?! Слово Свобода заставляет вас испускать такую же густую вонь, как этот поганый сруб. Что значит «бесхозного»? Откуда ты знаешь, что корм бесхозный?.. Слушай ещё раз и мотай на свой прокисший от страха ус. Показав нашу силу Непомерному, мы перестанем дрожать за каждый собственный шаг, прорвёмся в фиолетовый круг, почувствуем вкус полной Сво-бо-ды…

— Но в старинном своде указано, что Он и мы — Единое… Целое…

Продолжая откровенничать, Гребак не то, чтобы доверял Стригуну, просто любое произнесённое сейчас слово после *того* дела, на какое они шли, после любого результата, не будет иметь никакого значения. Победа вознесёт его к заоблачным вершинам, поражение в лучшем случае закончится тризной сородичей.

— В нашем теле и душе, кроме дребезга перед Ним, — ничего! — от-

резал Стригун. — В мире нет более жалкой участи, чем наша. И рабы не могут, просто не должны, жить в мире и согласии со своими властителями. Это — противоестественно. Ведёт к полной выморочи. Это — рабство. Ибо мы их над собой не назначали и не выбирали. Напугав Его, мы отучимся поклоняться страху перед Ним. А значит, обретём Сво-бо-ду.— Он умолк, изучая неровности сруба.— Ага, вот он! — дернулся Стригун, уткнувшись в гибкий козырёк.

— К-кто он?— Гребак чуть не задохнулся от страха.

— Вход. Тихо. Не отставай.

Не снимая защитных масок, они протиснулись в сруб. Щёлка оказалась гораздо уже их фактур. Но способность уплотняться, мимикрировать делала добрую услугу. Хотя как знать… Пробираясь на ощупь, они один за другим свалились в копошившееся месиво.

Здесь, в провале, тоже держался густой запах. Но иного свойства. Соблазнительный, вызывающий нутряные позывы рвать и глотать его носителей.

В ямке или в бункере, куда они проникли, царила кромешная тьма. Однако для них она не служила помехой. Их выпуклые глаза-линзы заключали в себе хрусталики, способные к жизни в самых непредсказуемых условиях. Опасность заключалась в рубчатых и, кажется, абсолютно незрячих существах, окружавших их со всех сторон. Не ведая того, они могли перемолоть непрошеных гостей тугими корявыми панцирями, словно мельница жерновами.

Гости в момент оценили обстановку и с жадностью оголодавших набросились на глупую дичь, безжалостно впиваясь острыми резцами в подвижные туловища. Защитная кожура хрустнула аппетитными вафлями. Дальше было проще. Дальше брызнул мякотный ароматный сок.

Их приятно поразила беспомощность обитателей бункера. При каждом прокусе те лишь уползали, пытались затесаться среди себе подобных, истекая мутноватой жижой, в судорогах замирали.

Этих дурней в бункере кувыркалось несметно. Пришельцам же, чтобы насытиться, с излишком хватило и одного бочонка-туловища. Тогда они учинили беспредел по принципу: если всё не съедим, то хоть понадкусываем. Это была тактика предводителя. Но что-то тут складывалось не так. Слишком разгульно и бестолково… И Гребак решил проверить свои подозрения:

— Это и есть Он? Это наша Победа?

— Я же говорил: Он — Непомерный. Он — Необозримый и Непостижимый. Это просто закрома с Его кормом. — Стригун сыто икнул.

Они выбрались из бункера, и двое суток шли по следу Непомерного. А следов в этих местах Он оставил немало. Так, подчистую было сметено пристанище гребаков. То есть, даже не сметено, а словно по нему прошлись гигантскими граблями или стальными дисками. Там и сям чудилось какое-то шевеление. Картина была жутковатой. Ещё попадались страшные ущелья и распады с поломанными и погнутыми, словно после тайфуна, стволами. Страшные не только этим буреломом, но и разрезами склонов, пропитанных кровью и смрадом.

А Непомерный лежал в супонь-траве на берегу Кривого озера. На его обнажённое, лишь местами прикрытое, естество с надрывным воем пикировали сатаневшие от такого обилия и приманчивого запаха крылатые бестии. И он беспощадно раздирал зудевшую от их ядовитых укусов кожу до кровавых

воронок. Одна из таких воронок приглянулась другим бестиям — Зеленым Громилам, как благодатное место для закладки потомства. Теперь посеянное поколение ожило, проходило эволюцию. Так вот, эту воронку с шелестевшим в нём слепым племенем и обмотанную найденным в кустах лоскутком, Стригун и назвал «закромами Его корма», а полосы разодранных ног они принимали за ущелья и распады, подгоревший на солнце волосяной покров — за стволы деревьев. Ну, а когда Непомерный чесался, то в запале калечил всё, что попадало под ногти.

Сразу за головой Непомерного с колышка свисала уходящая в воду леска. А на ней — колокольчик с лепестками ржавчины. У камышового куренька кособочилось продавленное складное кресло. Под ним располагалась антрацитового цвета кастрюля с остатками перловой каши. Эти остатки также видоизменились. Они обратились в полузасохший голубоватый корж, и в нём деловито трудился какой-то темноватый народец. Перед креслом воткнутый в землю сачок улавливал худой мотнёй неровный ветерок, изображая что-то вроде флюгера. Окрест погасшего костерка вперемешку обретались сапоги-заброды, подгорелая алюминиевая кружка, специфического запаха и чахоточного вида носки, задубелая горбушка хлеба, а также загадочного цвета плавки. На плавках враскорячку громоздилась зеленая лягушка. Как и флюгер-сачок лягушка оживляла пейзаж, придавала ему достоверность.

Непомерный страдал. Но не столько от комариных потрав и зудежа под пропитанным гноем лоскутком-срубом, который производило эволюционирующее потомство. Это были в общем-то обычные издержки вольной охоты и жизни. У Непомерного воспалились, покраснели глаза. Он маялся коньюктивитом. И все же вопреки этим проколам оставался любопытным натуралистом. Он уже больше часа внимательно прислушивался, как по его шее, будто по испытательному полигону, шныряли шустрые существа, зигзагами, но методично поднимающиеся к самым щекотным и уязвимым органам.

Несомненно, в их сумбурных движениях был замысел. Движения представлялись рассчитанными и направленными к какой-то цели. В первый раз он не понял этого. Но сейчас вдруг осенило… В тот раз он поспешил. Правда, одного изловил, но по неосторожности стёр в порошок (это был Пильщик). А второй, похоже, убёг, спасся. Он-то, скорей всего, и дал наводку новым диверсантам, а также болезненно-ироничным рассуждениям: «Братья по разуму? Но, судя по крылатым бестиям, контакты с этими посланцами иных сфер также могут подорвать…».

Теперь Непомерный собрался выдержать паузу. Он дал им взобраться на самую мочку уха. И чуть дальше — в углубление раковины. И… опоздал. Упустил момент. Он сунул в ухо палец, но было поздно. Они успели зашмыгнуть на недосягаемую глубину.

От непростительной промашки, от стыда за неё, а главное — дикой кутерьмы, разламывающей череп, он впал в буйство, сокрушая всё, что составляло сферу его обитания.

А насекомые продолжали жить. Проникая все глубже и глубже, они торжествовали Победу. Теперь они были *свободными*. Ибо страх был не внутри них, а внутри Него.

Им было невдомёк: учинив погром Ему, они учиняли его себе.

К юбилею поэтессы

Клавдия Павленко

СЕЗОН ДОЖДЕЙ

***

Придорожной траве
одиноко и тошно
В мельтешенье машин
и людской суете.
Мошкара вечерами
зудит заполошно. –
С ней, при жизни такой,
подружиться несложно,
Но – фактура не та.
И масштабы – не те!
Придорожной траве
надоело пылиться,
А нагрянут дожди,–
в топкой грязи тонуть.
Вот и хочется ей
чисто-чисто умыться
И, набросив наряд
изумрудного ситца,
Изумрудной листвой
к силе сильной прильнуть.
И тогда – может быть (может быть!)
возродиться,

Павленко Клавдия Ивановна, поэт, член Союза писателей России (2008 г.).

Автор поэтических сборников «Не оставляй меня одну», «Смотреть на дорогу», «Ах эти шаткие мосты» и семи детских книг.

Живёт и работает в г. Ростове-на-Дону.

Чтоб сияли восторженно
все фонари!
И настоем хмельным – до зимы –
насладиться,
Чтобы пели все-все
молчаливые птицы
По ночам непроглядным
до самой зари…

***

… и никаких гвоздей!..
(В.Маяковский)

Любовь,– «и никаких гвоздей»!
Ну, что? Ну, что мы все нашли в ней?!..
Сезон дождей, сезон дождей, –
Безумно-сумасшедших ливней.

Уже кружит снежинок рой.
Пора, зиме на милость, сдаться.
Ведь не угнаться за весной,–
За ней бессмысленно гоняться.

И всё ж, хлестнёт по окнам дождь –
Обычный дождь, которых много, –
И ты опять с ума сойдёшь
И лета вымолишь у Бога…

СИНЕЕТ СЕНТЯБРЬ СЕНТЯБРИНАМИ

Несносен с друзьями
старинными,
Синеет сентябрь
сентябринами!
То кажет натуру
спесивую,
То манит поспевшею
сливою,
То глянет луной
круглоликою…
То спутает вдруг
повиликою.
А то – воспылает
закатами,

На счастье и горе
богатыми!
Он, рыжеволосая
бестия,
Не лучшие дарит
известия. –
Чтоб стаи поднять
журавлиные,
Дожди насылает
полынные!..
А мы, по-апрельски
беспечные,
Не помним про капли
сердечные.

***

Утопила в объятьях
лиловая хмарь,
Перепутав
хореи и ямбы.
Второпях, растерял
все листки календарь.
И – тебе возвратиться
пора бы!..
Ты всегда возвращаешься.
Как бумеранг.
Вновь заполнишь, как воздух,
пустоты,
Опьянишь и подлечишь,
как иланг-иланг,
Отберёшь все земные
заботы…
Акварелью зелёной
распишешь листву,
Ярко-синей
лиловые тучи.
Брызнув золотом, выведешь
жизни канву
На цветущей
безоблачной круче.
В сотый раз позовёшь
полетать в небесах
Несравненною, сказочной
птицей…

В сотый раз не заметишь
вопроса в глазах:
«Как мне, рухнув с небес, –
не разбиться?!..»

***

Молчат в унисон телефоны,
Ты снова и снова – «вне зоны».
Увы, ты не молод, не холост.
А мне бы – услышать твой голос,
Подобный ворчащему грому…
Зачем же ты так, – по живому?!

Считает секунды будильник.
На кухне урчит холодильник.
Поссорились снова соседи,
А сын их на велосипеде
Трехлетнюю жизнь «прожигает»,–
Гоняет, гоняет, гоняет!..

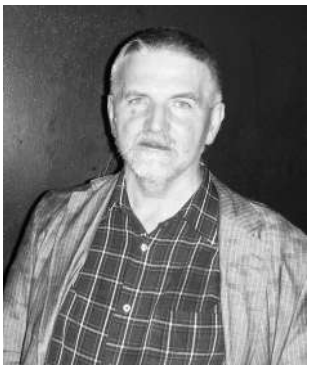
Молчат в унисон телефоны.
Ты снова и снова – «вне зоны»…
А я всё не верю, не верю,
От окон слоняясь до двери,
Что наше озябшее лето
Как грустная песня, – допето.

***

Ветка ясеня мокрой
перепуганной птицей
Бьётся в мокрые стёкла,
к людям в окна стучится:
«Помогите мне, люди,
ветки-руки озябли!
Ночью хуже мне будет, –
льдом становятся капли»!
Вечно заняты люди.
Ну, какое им дело,
Что молитва о чуде
ветки-руки – согрела…

К 65–летию со дня рождения писателя

Николай Дорошенко



ИЗ РОМАНА «ДУША»

Часть первая
ЗОЛОТОЙ ВЕК

Глава 1
О том времени, когда меня во мне не было

В тысяча девятьсот шестьдесят первом году в свои десять лет я почему-то никак не решался заглянуть в личико только что привезённого из роддома племянника — ещё красненькое, ещё словно бы недосотворённое, но уже обрамлённое тем белым, с тонюсенькими кружавчиками, чепчиком, который сшила моя старшая сестра Нина, а теперь, значит, уже — его мать.

А тётя Фрося очень уж настойчиво меня подбадривала:

— Ты не бойся, ты подойди поближе, оно же тебя не видит! Ему пока ещё ангелы небесные поют!

Да и Нина при этом мне улыбалась так, как будто я уже и не я, и она уже — не она. А её муж Алексей попытался было спичкой поджечь свою папиросу, но тётя Фрося сразу же прогнала его.

Видимо, сколько-то шагов я всё-таки сделал в приближении к племяннику, но потом тихонечко отступил и вышел во двор к Алексею, одиноко и с папиросой в оскаленных зубах сидящему у порога. Он меня тут же подхватил за пояс, рядом с собой примостил, совсем не по-взрослому спросил:

— Ты-то хоть его разглядел?

И я, уставясь на мысок его до блеска начищенного хромового сапога, вдруг понял, что и он, до сих пор одним только своим встрёпанным чубом, одною

Дорошенко Николай Иванович, прозаик, публицист, член Союза писателей России, Секретарь Союза писателей России, главный редактор газеты «Российский писатель».

Почётный член Ростовского регионального отделения Союза писателей России.

Живёт и работает в Москве.

только своею совсем уж занебесной улыбкой всегда повергавший меня в щенячий восторг, может оказаться таким же неприкаянным, как и я.

И с этого мига я полюбил его уже как обыкновенного человека, а не только как того вихря, который на своём редком по тем временам мотоцикле или иным способом вдруг возле нашего двора появлялся и столь весело да напористо с нами разговаривал, что каждый раз, когда Нину, им всё-таки завоёванную, он уводил прогуляться до клуба, то и я, и даже мои родители какое-то время должны были приходить в себя.

— А правда, что ангелы ему поют? — спросил я у Алексея.

— Да так поют, что даже, ты ж видишь, тётка твоя меня прогнала! Только возле роддома сегодня утром дали чуть на руках подержать! — жарко и отчаянно ответил он и сунул в зубы новую папиросу.

Впрочем, в дальнейшие их церемонные у нас гостевания был он уже более спокойным, но — и не прежним парубком, а всего лишь весёленьким мужичком с тёплыми и волглыми, как согретый воск, глазами в тёмных и острых ресничках. И едва мой племянник успевал хныкнуть с нашей кровати, поперёк которой его укладывали, Алексей тут же устремлял к Нине свой вдруг весь заострившийся, как и его реснички, взгляд. И у меня сердце начинало щемить от этого его беспокойства, а Нина Алексею в ответ улыбалась как-то очень уж снисходительно; и мне казалось, что это от одной лишь её улыбки, медленной, для меня пока непривычной, племянник мой опять затихал. Алексей же, нашарив в просторном кармане своего пиджака папиросы, устремлялся на волю двора.

И я по своей щенячьей привычке вслед за ним выходил. А он то ли приобнимал меня за плечи, то ли даже меня ощупывал; и с восхищением мне сообщал:

— Вот станет он таким же, как и ты, хлопчиком с косточками, буду я его от мамки даже и на покосы с собою брать!

Мой отец тоже выходил к нам. Садился рядом с Алексеем, чтобы с торжественной оцепенелостью помолчать.

— Что ли и вам не позволяют его на руки взять? — начинал допытываться у него Алексей.

Отец ничего не отвечал. Потом, опамятовавшись, приказывал нам:

— К столу надо идти, а то всё стынет там…

Потом, как самое неважное, добавлял:

— А чё тебе, Алексей, его на руки брать, пусть растёт себе оно и растёт… А когда ты понадобишься ему, то никуда денешься…

Потом, на Алексея не глядя, строго добавлял:

— Ты ото папиросы свои выкинь… Какой пример будешь подавать, когда оно вырастет… Ты ж с сих дней уже перестал быть парубком…

И за столом, чтобы не потревожить Колю (племянника назвали, как и меня, Колей), он в женские тихие разговоры не встревал.

А я уже вполне смело подкрадывался к племяннику, стремясь снова и снова увидеть, как он безмятежно посапывает в своем — словно бы от всех нас далеком-далеком — сне.

И казалось мне удивительным то, как он, всё-таки уже почти настоящий

человечек, в своей далечине пока ещё не догадывается, что я на него — уже смотрю.

А вот теперь я много отдал бы за то, чтобы вспомнить пение также и своих ангелов.

Может быть, пение это ещё не истаяло; может быть, где-то в самых уже неразличимых потёмках моей памяти оно хранится. Может быть, я теперь всего лишь не могу различить его сквозь тесную толщу своих прожитых лет, а оно, уже и неслышное, само во мне потихоньку длится и длится.

Однако же, хоть и смутно, но помню тоненькое посверкивание голоса моей матери над, должно быть, моею, подвешенной к потолку люлькою. Или — это даже не столько голос матери мне запомнился, сколько впервые запечатлённый в моем сознании её образ, от которого всё-таки сберeглось во мне вот это, как вечный небесный жаворонок, невесомо и неумолчно звучащее мерцание.

Трудно мне теперь угадать, что обнаружил я рядом с собой, впервые открыв глаза.

Да уже и стал я путать то, что запомнилось мне увиденным наяву, с тем, что увидел я в своих первых и причудливых сновидениях. Потому что, едва я просыпался, мать всегда с певучей радостью спрашивала: «А что моей пчёлочке золотенькой присни-и-илося?» И я невольно оглядывался в свой сон прежде, чем успевал его забыть.

К тому же рождение моего первого племянника окончательно спутало всё, что я о своем младенчестве в тогдашние десять лет не успел забыть, а что из забытого, на нового Колю глядя, вдруг припоминал.

Например, когда мать по своей крестьянской простоте советовала Нине пеленать Колины ножки потуже, «чтобы они у него не кривенькими выросли», то я вроде бы как вспоминал собственные колени, стиснутые пеленками или — уж не знаю, во что меня заворачивали в послевоенной нищете моего тысяча девятьсот пятьдесят первого года рождения. И когда племянник приучился ползать, я, сострадая его ненасытному упрямству, обнаруживал, что мои ладони и коленки всё ещё хранят память о бугорочках узелков на наших самотканых половичках, о гладких, утром холодных, а к полудню горячих камнях у порога нашего дома, о шершавом, в гусином помёте и пухе, пространстве нашего двора и о ласковой, как тонкий шёлк, земляной пыли у амбара, в которой, видимо, издревле купались и нежились все поколения наших кур.

Моя младенческая память оказалась живучей ещё и по причине того, что слишком долго на мне, как на самом младшем, было сосредоточено в нашей семье всеобщее внимание. Не давали моей памяти обесцветиться постоянные, из года в год, рассказы и пересказы о том, как и по каким причинам я рыдал, чем меня от рыданий можно было отвлечь, чему я, «делая губы колечком», внимал наиболее охотно и радостно.

Брат Саша был старше меня на пять лет, а сестра Катя — всего лишь на три года. Но именно они оказывались моими сторожами и пастухами после того, как мать, убаюкав меня, спешила на огород. И когда я просыпался, то они должны были со мною изо всех сил играть. Но я уползал от них в поисках

матери, я начинал плакать, когда они моему устремлению препятствовали. И пока я полз, брат и сестра, видимо, играли в то, что вот я всё-таки ползу, а они мне, как пленённой божьей коровке, не позволяют выбрать неверный путь.

Хотя не могу я теперь понять, как эти малыши, сами нуждающиеся в опеке, меня опекали. Да и через много лет однажды нашёл я на чердаке сплетённую из тонкой лозы наподобие корзины «стоячую люльку», в которой, как оказалось, мать всех нас в нашем беспомощном возрасте, спящих или бодрствующих, вслед за своими заботами по хозяйству переставляла, в том числе и на огороде. Может быть, всего лишь несколько раз она меня оставила на попечение сестры и брата, а я это на всю жизнь хоть и смутненько, но запомнил.

Да и предположим, что аж до полутора лет — но ведь не дольше же? — ползать мне было сподручнее, чем ходить. Но — ладони мои и колени всё ещё отчётливо помнят гладенькую тропочку огородной межи, мягенькие кудряшечки травы по её обочинкам (эта трава почему-то называлась «гусиными лапками»), а также вездесущий молочай и суховатые, всегда припылённые листки подорожника. И невольно чуть ли не вздрагиваю я до сих пор, когда вспоминаю, как вдруг обжигал моё голенькое плечо свирепейший наждак стеблей или листьев подсолнухов, высаженных по обе стороны этой моей первой и, как мне тогда казалось, бесконечно длинной дороги. Ещё помню, как вдруг под, видимо, особо крупными листами подорожника обнаруживал я внимательно вглядывающиеся в меня круглые и влажные глаза огромной лягухи, как пережидали мы вместе с нею свой осторожный друг к дружке интерес, и как она вдруг упрыгивала с межи в свою тайную лягушечью жизнь. И ещё помню, как не без удивления поглядывали на меня ногастые кузнечики своими цяточками глаз, как я пытался хотя бы одного схватить, как эти кузнечики в сей же миг неизвестно куда пропадали. И помню, как брат опережал меня, когда я пытался сунуть себе что-нибудь или кого-нибудь в рот. Помню, с каким трудом проглатывался мною воздух, настоянный на тёплой земляной влаге, на душных запахах картофельной ботвы, на медяном гуле пчёл, на прозрачном и призрачном стрёкоте и шорохе всяких иных насекомых; как сонный, но хладенький ветерок эти запахи и шумы то ли шевелил, то ли взламывал и тем помогал мне их всё-таки вдыхать и выдыхать. И, помню, как уже в полном изнеможении я начинал различать голос матери: «А кто это мамочку свою нашё-о-ол, кто это к мамочке припо-о-олз, а кому я огурчик, а кому я самую красненькую морко-о-овочку тута нашла-а!»

В теперешней своей взрослой жизни, когда день пролетает, как единый миг, мне, наверно, за многие годы не выпадает столько умственных и переживательных усилий, сколько испытывал я, проползая от порога дома до той огородной грядки, где мать и Нина ловко орудовали своими тяпками. Каждая былиночка была для меня удивительной и своим стебельком, и своими боязливо замершими листиками; каждые встречные муравей или жучок меня завораживали ниточками своих лапок, своими, похожими на посверкивающие бусинки или даже на сундучки, тельцами.

И, конечно, отчётливо помню себя уже не на четвереньках, уже самостоятельно поедающим неподалеку от матери то ли первую завязь огурца, то ли с первой краснотцой помидор, то ли огромный, скрученный в бараний

рог, стручок сочнейшего сахарного гороха; то ли уже на полуголом огороде терпеливо ждущим, когда брат наконец-то выкатит палочкой из костра нестерпимо горячую картофелину или, например, обскоблит такой же обугленный корень сахарной свёклы, который я затем поедал как самую огромную и самую сладкую конфетину.

А вербы в конце огорода — таинственные, тёмные и чужеватые — обозначали границу, про-двигаться за которую мне не позволялось. И что было там, за вербами, а также — что таилось за всеми нашими плетнями, за воротами, за всеми доступными мне пределами, я не знал. Да, вроде бы, и не стремился узнать. Иной раз мать выносила или выводила меня на улицу, но на всё, что там мне встречалось, я глядел так, как теперь гляжу лишь на бесконечно далёкие звёзды, для жизни моей посторонние. Какая-нибудь старуха подходила ко мне, чтобы беззубо прошепелявить: «А вот заберу я тебя у мамочки! А вот заберу-заберу!», но мне достаточно было отвернуться, чтобы разглядывать уже не её усохшее лицо, а цветастую мамину кофту. Если же старуха не отставала, то я прижимался к маминому плечу и весь пропадал в нём — таком бесконечно тёплом и мягком, что лишь в его укромнейшую тишину я невольно вслушивался и врастал.

Заметную часть времени проводил я, конечно же, и во дворе, где отец в иной день с утра до вечера тюкал и тюкал своим острющим топором по звонким брёвнам, а я подбирал длинные, в кольца свитые щепы и тоже что-то своё из них то ли городил, то ли мастерил. А когда начинался дождь, отец меня ставил рядом с собой под скат соломенной крыши сарая, и мы, молча глядели, как тонкие водяные струи стекают перед нами, слушали, как чуть в сторонке от нас вкрадчиво ропчет под колкими дождевыми каплями наш, как мне тогда казалось, бесконечно просторный сад.

Отец чаще молчал со мной, чем разговаривал. Потому что всегда так выпадало, что вместе с ним мы либо каждый в своём деле копошились, либо, «для передышки», смотрели на скачущих у собачьей миски воробьёв, на кур, безруко слоняющихся у плетней, или — на беззвучнейшие по-жарища заходящего солнца, или — даже на восходы огромной и красноватой луны. При этом я вцеплялся в полу отцовского пиджака или в его штанину, а он накрывал мою голову рукою, как большою и теплою шапкою.

Да вечно же мне было на что-то глядеть. Например, на огромную мосластую лошадь, которую отец приводил с колхозной фермы, чтобы вспахать огород или мало ли для чего другого. Или на собаку, вылезающую из будки и во весь свой алый рот зевающую. Или на петуха, зорко и грозно с плетня на всех нас посматривающего. Или на нашего гусака, который всегда на меня шипел, всегда пытался меня ущипнуть.

Впрочем, вряд ли я тогда гусака боялся так, как, например, уже в школьном возрасте страшился свирепейшего колхозного быка. Утром я стремился прокрасться на порог раньше, чем гусей выпускали к пруду; и не успевал как следует угреться на солнышке, гусак вдруг вскидывал голову, а завидев меня, начинал своим гусыням что-то гортанно кричать, а они ему что-то на своём гусином языке отвечали, а гусята тоже начинали пищать, мол, мы видим, мы тоже этого Колю видим! А нагоготавшись, гусак расправлял паруса своих могучих крыльев, и, уцелив в меня свой тяжеленный клюв, неспеша да

косолапо ко мне устремлялся. И сердцу моему становилось так жарко, что я уже на месте усидеть не мог и заворожённо полз или шёл гусаку навстречу. Но тут чьи-то руки меня подхватывали, я взлетал над гусаком и с выси своей глядел, как он, победно крича, возвращался к стаду. Гуси же все разом встречали его такими истошными криками, что уши у меня закладывало.

Но, помня вот этот жестяной и надсадный гусиный звон в ушах, я не помню себя тогдашнего.

И свои оцарапанные коленки, и свои, вечно в занозах, пятки, и свои ладони, и свои обожжённые подсолнуховыми наждаками плечи я помню. И как сердце мое, когда гусак на меня наступал, будто кипятком ошпаривалось, я помню, а себя, того человечка, который моими глазами на гусака при этом глядел, я не помню.

Как на фотографиях остаётся всё, что увидел фотограф, но нет самого фотографа, так и в картинках моей памяти нет воспоминаний лишь о том, кем я в своём младенчестве был и что теплилось в моей душе.

Например, вроде бы я частенько плакал. Но было ли моей душе горько при этом? Или — ещё чаще я чему-нибудь удивлялся либо радовался. Но — чем отличались все мои плачи от всех моих радостей?

Что ли они, как вихри в поле, хоть и во мне, но ко мне непричастно зарождались и сами неизвестно куда пропадали?

Или — кого-то я, например, нетерпеливо звал, кому-то о чём-то кричал. Но почему кричал? Какая у криков моих была причина?

По рассказам матери, я громко гыгыкал брату: «Гы! Гы!». — «Гы-гы», — охотно и на моём языке отвечал брат, видимо, передразнивая меня. И потом мы, нагыгыкавшись, сияли друг другу глазами.

Но не из пустоты же сияли мои глаза брату Саше в ответ на его сияние?

Вот же, отчётливо помню себя в более старшем возрасте и уже от всех отдельного, уже во что-то своё погружённого, уже от кого-то уворачивающегося, а кому-то стремящегося попасться на глаза. Как, например, дядьке Максимычу, нашему соседу. Мол, гляди ж, дядька Максимыч, это я тут по улице иду, я! Чтобы он вдруг с восхищённым изумлением объявил чуть ли не на всё село:

— Люди добры! А поглядите, какой Мыколище тута вышагивает! Ещё б усы ему под нос прицепить, да шашку сбоку подвесить — и от истинного казачка было б не отличить! Ай да хлопец у Григорыча уродился, ай да парубок у нас на селе появился!

И я при этом тайно пузырился и чуть не лопался от ощущения великой своей значимости. И понимал, что это я шлёпаю по дорожной пыли босыми пятками, а не кто-то другой.

Но ведь и раньше все обязательно обращали на меня внимание, а вот что за существо ответно из меня выглядывало на всех наших сельчан, а также и на всех всматривающихся в меня кузнечиков, воробьёв и ласточек, кто глядел из меня на наши огненно рдеющие помидоры, на надсадно орущего с плетня петуха — вспомнить я не могу.

Но — не могло же быть во мне тогда так пусто и тихо, как бывает пусто и тихо лишь там, где пока ещё никого и ничего нет?

Или и на самом деле во мне в ту пору пока ещё не душа теплилась, а со-

хранялась нетронутой та первозданная тишина, в которой только и можно было различить чистое и прозрачное, как сам невесомый воздух, пение небесных ангелов?

Глава 2
О том, как в начале жизни я, подобно Адаму и Еве, пребывал в райских кущах

Теперь даже в переполненном вагоне нашего московского метро, где все мы, как шпроты в банке, друг к дружке притулены, если нечаянно за чей-то взгляд зацепишься, тут же куда-то в сторону свои глаза отвернёшь, дабы не выглядело так, что покушаешься на частность такого же, как ты сам, человека. И если он спросит о чём-то, ответишь вроде охотно, но именно не пространным своим ответом, вроде как проявишь уважение к этому человеку. И на улице если кто заговорит о чём-то неопределённом, вроде того, что, мол, как же надоела эта жара, то точно так же, как если бы этот человек споткнулся, а ты его за локоть осторожненько поддержал, ты отвечаешь ему вполне участливо: «Да, дождик не помешал бы…» — «Уже ж и трава на газонах вся выгорела!» — не унимается, допустим, этот неизвестный тебе человек. И ты вроде бы не молчишь, разговор продолжаешь вполне душевно. Но так и голубь, бывает, садится на подоконник моей кухни, и мы друг на друга смотрим, пока он не улетит или пока я сам не шагну к плите, чтобы снять с неё на-конец-то зашумевший чайник. Но если б двойных стёкол в окне не было, то и голубь, наверно, на мой подоконник не сел, а если бы и сел, я бы машинально его прогнал.

Вот и все люди в тесноте наших нынешних тротуаров и где угодно теперь друг на друга если и поглядывают, друг с другом если и вступают в разговор, то словно бы сквозь двойное стекло.

А иной раз идёшь по улице, а навстречу женщина малыша за руку ведёт. И малыш этот на тебя своими глазками глядит, и, допустим, пусть он при этом даже не улыбается, пусть он даже вроде бы куксится, но — всё равно, весь он ясненький, так что и вся его кукса сквозь него просвечивает, как нити жилочек в кленовом листике, попавшем под ослепительный солнечный луч. Так что вдруг захочешь ты ему хотя бы подмигнуть, чтобы тем самым обрадоваться его пока ещё легкой, как пух, жизни. Но, из приличия, эту свою радость утаишь, мимо, как и подобает уличному прохожему, пройдёшь.

Хотя — всё-таки нечаянную светлотцу от этого ребёночка в себе ощутишь и далее уже с этой светлотцой сколько-то минут проживёшь.

А в ту далекую пору, когда я был таким же малышом, все мои односельчане по своему простодушию стремились мне в лицо заглянуть, все пытались меня либо погладить, либо даже потискать, либо, по крайней мере, сунуть мне конфету или пряник. И в памяти у меня остались ласковейше притишенные голоса этих со всех сторон устремляющихся ко мне односельчан.

Пройти мимо птичьих мельканий их рук было невозможно. Даже глухой на оба уха дед Яшка — мне особо запомнившийся своей приземистостью, необыкновенно широкими и кверху, как у орла, вздёрнутыми плечами, а также тонкой и длинной шеей, а также носом увесистым, вытянутым далеко вперед,

и губами впалыми, будто проглоченными, — даже вот этот удивительнейший дед Яшка если заходил к нам во двор и, громко прокричавши моему отцу: «Иван Грыгорыч! Не одолжишь ли бурав на часок? А то, будь оно неладно, дырку кой-где пробуравить надо!», — то затем же и непременно спрашивал: «А твоего меньшенького почему не видно?» А обнаружив во дворе и меня, руки длиннющие растопыривал и, как гусак, шёл мне навстречу. А затем, с растопыренными руками, обмирал, и непонятные губы его раздвигались в улыбке, а глаза умилительнейше зажмуривались. Отец подавал ему свой плотницкий, свой тяжеленный, не магазинный, в кузне выкованный и на каменном круге заточенный, бурав, что-то и сам кричал ему в ухо, но дед Яшка не сводил с меня своих восхищённых глаз и уже как не глухой, уже голосом обыкновенным, тихим, пытался со мной заговорить. А я, может быть, даже рот раскрывши и не дыша, зачарованно глядел на его огромный нос, на его пожамканное, в глубоких и тёмных рвах морщин, лицо, на его будто проглоченный рот, на его огромный кадык, на его орластые плечи.

Полагаю, что в деде Яшке и во всех моих, в возрасте, односельчанах лишь с наибольшей непосредственностью проявлялось общее для всех много поживших людей стремление узнать в каждом детском лице то чистейшее мерцание, из которого когда-то вылепились и их собственные души, — затем, может быть, жизнью обугленные, болящие, но и хранящие, всё-таки хранящие в себе хотя бы самую малую искру изначального покоя и ничем не замутнённого первородного счастья.

Потому как, где бы ни родился человек — в избушке ли, по пояс в землю вросшей и со слепыми окошками, или в вызолоченном дворце — в начальную пору жизни для него это были такие же райские кущи, как и те, в которых обитали самые первые люди — Адам и Ева — до их изгнания.

Когда твоя душа ещё не знает ни добра, ни зла, когда твоя душа, как утренний воздух, абсолютно безмятежна, то вкус картошки так же приятен, как и вкус любого самого изощрённого яства; и не было у меня тогдашнего гордыни, ради которой вкусу простого сахара предпочёл бы я сладость более редкую. Да и вручную сколоченная и непокрашенная, воистину деревянная наша табуретка с её за многие годы отполированными до янтарного блеска жилами, с буграми её твердейших сучьев, с её, между толстых ножек, перекладинками, о которые можно упереть свои не достающие до пола пятки, была для меня тем же самым, что и для кого-то иного дорогущее кресло; да и ничто, — ни золото, ни серебро — так завораживающе не блестит под солнцем, как живая капля на промытом дождём оконном стекле, ничто так не драгоценно, как тонюсенькие розовые лепесточки обычного для тогдашних сельских изб цветка, называемого «семейной радостью», ни-что так не удивительно, как неутомимый маятник жестяных часов, приржавевших к стене рядом с семейными фотографиями, как огонь, жарко мерцающий сквозь щели меж чугунными блинами грубки, как посапывание ветерка в печной вьюшке, как отцовский карман, в глубинах которого, едва отец возвращался с работы, нетерпеливо добывал я гостинчик, переданный мне летом от «ласточки», а зимой от «зайчика», и ничто меня так не насыщало уютным покоем, как несмолкающий голос матери, и ничто меня в моей жизни уже так не воодушевляло, как, например, вот эти «ласточки» и «зайчики», никогда обо мне

не забывающие, вечно обо мне помнящие и вечно меня одаривающие если не конфетой, то необыкновенно вкусным кусочком хлебушка, который я не разжёвывал, а — дотаивал во рту до его сладчайшей и воистину чудесной сути.

Мне довелось родиться хоть и в избе старинной, подслеповатой, по тому времени вполне обычной для нашего Курского края, но — установленной на высоком кирпичном фундаменте; и, конечно же, со светлицей, с кухней, которая почему-то называлась «чёрной комнатой», с просторнейшей печкой, с тёмным и широким жерлом подпечья, с множеством печурок, с широкими за-печными полатями, а также с сенцами, с кирпичным подвалом, с чуланом — притягательно сумрачным, освещённым лишь сквозь, величиной с кулак, отдушину.

Теперь непонятно мне, как мы все — мои отец, мать, брат, две сестры и я — в теснотушечке такой не наступали друг на друга, как помещались в чёрной комнате ещё и другие полати, более широкие, чем запечные, а также накрытый клеёнкой стол, посудница, лавки, табуреты, а в часы ежедневного «поранья» — ещё и деревянное корыто для мойки картофеля, стада чугунов, вёдер, кувшинов… Или — как в комнате «светлой» помещалась старинная, с резными спинками, кровать, всегда украшенная вышитыми подзорами и кисейным да кружевным покрывалами, самодельный, отцом выструганный диван, широкий и толстоногий стол, стулья, сундук такой, что на нём даже спать было можно, и сундук другой, в виде большого фанерного чемодана, ножная швейная машинка, дощатый шкаф, а также все те мелочи, которые уже не перечислить.

Но можно же было мне вместе с котом надолго от всех затаиться под просторным столом, можно же было мне подползти к подпечью и украдчиво заглянуть в его тьму, как в бездоннейшую пещеру, или подкрасться к самой нижней печурке и вытащить оттуда гребешок со сломанными зубьями, пустой спичечный коробок, катушку без ниток, или совсем уж крошечный пузырёчек, или почти нержавый гвоздочек, или отливающую перламутром пуговицу, или совсем уж драгоценные, но, как ты их внимательнейшее ни разглядывай, совершенно ненужные бусины, или даже расписной, может быть, братом забытый глиняный свисток, или даже шпульки от того ткацкого станка, который отец зимой ненадолго устанавливал в «светлой» комнате, — так что, пока мать ткала половики или рядна, взрослому человеку можно было пройти мимо неё только боком, переступая через массивные и древние балки станочных стоп.

Даже при том, что на всю глубину печурок длины моей руки не хватало, богатства мои приумножались бы с каждым днём, если бы я их тут же не терял или если бы я благополучнейше не забывал о них, где-то вроде надёжно припрятанных. Но с ненасытной надеждой на будущие свои поживы всякий раз я поглядывал и на печурки верхние, мне пока недоступные.

А в одной из печурок я однажды нашёл, видимо, часть той конопляной кудели, из которой мать пряла нити для своего тканья. И когда я эту кудель попробовал вытащить, отец мне усмешливо сообщил, что это какой-то бородатый дед давным-давно к нам заходил, но бороду свою забыл, и вот теперь она его тут, в печурке, дожидается. И я уже к этой печурке не приближался.

Хотя частенько глазами своими упирался в жутковато выглядывающие из неё волосья бороды, и, не будучи в состоянии осмыслить эту тайну, щупал собственный подбородок, с которого, (на котором) как пообещал мне отец, когда-то у меня вырастет борода такая же.

Помню, однажды, обнаружив фанерный сундук открытым, я вытащил оттуда отцовские, от войны, медальки, а мать, удачам моим обычно радующаяся, эту находку у меня отобрала, и я было разрыдался, но брат вдруг извлёк из своего кармана куда более важное сокровище — складной ножичек. «Хочешь увидеть, как он режет?» — спросил он торжественно, подобрал у печки оставшуюся от растопки щепочку и начал её строгать. Я, конечно, рыдать перестал, потянулся к ножичку, а брат с великою важностью меня предостерег: «Этот нож такой сильный, что у тебя он из рук, как царапучий кот, вырвется, и сделает тебе бо-бо…» И осторожненько уколол меня кончиком лезвия в ладонь. «Бо-бо! Бо-бо!» — с не меньшей важностью стал я показывать всем свою тронутую удивительным ножичком ладонь. Но напрочь забыл и о медальках, и о ножичке, когда увидел, что отец, вооружившись самодельным совком, отправляется в чулан за зерном для гусей. О, у меня мурашки по спине ползли то ли от холода, то ли от жути в этом нашем сумеречном чулане, где вдоль одной стены простирались массивные и, чтобы мыши их не прогрызли, окованные железом закрома, а над ними свисали с потолочных крючьев мешочища и мешочки с сахаром, с маком, с горохом и фасолью, с сушёными для взвара фруктами и мало ли с чем ещё. А вдоль другой стены были полки, и кроме отцовских столярных и плотницких инструментов, которые я уже мог отличить, всё прочее на этих таинственных полках мне было непонятным и то ли виделось, то ли жутковато мерещилось.

Лишь в подвал мне долго не удавалось заглянуть, потому что, если его открывали, чтобы извлечь из него, допустим, банку с вареньем или капусту, или мочёную в капусте антоновку, то меня тут же кто-то подхватывал на руки, на что-то другое отвлекал, и я, по простоте своей, даже об этом таинственнейшем подвале в единый миг забывал.

Родительские или Нинины руки, а также Сашины и даже самые незамысловатые Катины хитрости, подобно явлениям природы, сверху и сбоку, и отовсюду чинили препятствия всем моим устремлениям, но и тут же прицеливали на что-то другое. Все меня переставляли и передвигали с места на место, как табурет, вечно откуда-то меня выманивали и куда-то заманивали, и я, насытившись в кочевьях своих по дому, иногда садился поближе к матери на половичок и начинал хныкать, возможно, по тем же причинами, по которым, например, люди взрослые и степенные даже во время самых весёлых застолий вдруг с особым наслаждением начинают петь какую-нибудь свою самую что ни на есть печальную, самую заунывную песню. Сестра Катя пыталась на что-то меня отвлечь также и от этого моего хныканья, а мать ей говорила: «Если ему так сподобилось, то пусть же он погудит...»

Ещё не зная жажды добра, я никого, из не позволяющих мне покрутить колесо прялки или достать из кошёлочки первого и особо приманчивого цыплёночка, не мог заподозрить во зле, а не зная горя, я не понимал, что счастливей, чем я, быть уже невозможно. Как сытая рыба-кит блуждает по океану, так и я блуждал под столом и вокруг стола, а также от чулана к печке,

а от печки в светлицу, например, к совсем уж волшебной швейной машинке «Зингер», чтобы, не успевши вздрогнуть от прикосновения к ней хотя бы кончиком пальца, вдруг обнаружить, что Нина под ту табуретку, у которой в сиденье была дырочка от выпавшего сучка, ставит устланную тряпицей кошёлочку с цыплятками, чтобы я, жёлтеньким и писклявеньким комочкам этих цыпляток не причиняя вреда, как Нина меня уже научила, кидал им сквозь дырочку пшённую кашку, а потом глядел, как пушистенькие цыплятки эту кашку склёвывают своими крошечными клювиками. Ах, вряд ли кто-нибудь и для кого-нибудь, как для меня моя удивительная сестра Нина, создаст такую же — из табуретки с дырочкой, из застеленной тряпицей кошёлочки с цыплятками и пшённой кашки — фабричку по производству той нежности, которою я согревался и насыщался, то кашку сквозь дырочку прокидывая, то под табуретку на удивительные живые комочки цыпляток, кашку склёвывающих, заглядывая.

Да и уже мало кто, видимо, помнит, что когда-то каждый сельский дом был истинным Ноевым ковчегом, странствующим в вечных потопах крестьянского бытования. В пещере подпечья иногда вдруг появлялся в качестве жильца купленный отцом на базаре опасливый и глупенький поросёночек, которого невозможно было обнять так же, как и, например, кота, но, если удавалось почесать его за ухом, то он вдруг этой ласке подчинялся, становился покорным и смирным.

А ещё иногда всё пространство возле печки мои родители выстилали золотою, пахнущей морозом соломою, а потом вносили на рядне только что родившегося телёночка и укладывали на эту солому. И он тут же пытался встать на свои дрожащие ножки. И я заворожённо на него глядел. Я пытался погладить его мордочку, а он пытался поймать своими мокрыми и теплыми губами мои пальцы, полагая, что это, может быть, коровье вымя. И мать давала мне бутылку с соской: «На, покорми своего дружка…». И вместе мы кормили жадного к молоку телёночка. Мать при этом бутылку держала, а я осмеливался её лишь касаться.

Все те несколько первых дней жизни телёнка, пока его не переселяли в коровий хлев, я не отходил от него, то трогал его шёлковую шёрстку, то просто глядел в его сказочные, в длинных ресницах, глаза.

А к весне под кроватью светлой комнаты и под полатями чёрной комнаты вдруг поселялись гусыни. Они сидели в своих плетённых из ивовых прутиков гнёздах, и перед каждой стояли мисочки с водой и едой. И так было для меня в охотку дотянуться до тёплых и с каждым днём всё более бледных их клювов. «Чавш-чав-чавш», — шершавым шёпотом они отвечали на мою ласку к ним. И ночью, засыпая, я слышал, как они мне вышёптывали: «Чавш-чав-чавш». И так таинственна была их спрятанная под кроватью и под полатями жизнь. А потом вылуплялись под ними их шустренькие гусятки. Из гнёзд мать пересаживала этих гусяток в просторнейшую кошёлину. И мне, опять-таки, позволялось лишь глядеть на них, поскольку я, однажды одного выхвативши, чуть его от восторга не задушил…

А едва началось настоящее лето, из дома я выбирался, блуждал по необъятным просторам нашего двора, нашего сада, нашего огорода. И, как пчела добывает мёд во мреющих огнях цветущих подсолнухов, так и я упрямо

напитывался либо долгими созерцаниями вот этой пчелы, либо первыми сронёнными с веток яблоками белого налива, либо накалённою солнцем, во рту жарко и сладко тающею малиной, либо — мало ли ещё чем.

А недавно мне довелось найти в Интернете весьма добротное кинопоевествование о жизни того народца, который пока ещё из лабиринта амазонских джунглей в наш нынешний взрослый мир из своего золотого века не выкарабкался и свой младенческий образ пока ещё не утратил. Когда глядел я, как трое первобытных и бесштанных мужчин заострёнными палочками ради пропитания неторопливо выкапывали анаконду из неким зверем покинутой норы, то в их воистину безмятежных лицах я считывал то, что в свои незапамятные детские времена испытывал и сам, когда с отцом мы кормили кур или гусей, когда возле матери я пасся на огороде, когда вместе с братом мы пекли в нашем осеннем костерке картошку и сахарную свёклу, когда с сестрой Катей мы щепочками проковыривали из дождевой лужи тонюсенькую ниточку собственного укромного ручейка.

Вот же, даже и изгнавши нашу пытливую человеческую породу из рая, Господь всё-таки даёт нам возможность оглядываться из своей уже отнюдь не райской жизни на покинутые нами райские кущи.

И орлиный дед Яшка с его длиннющим носом и огромнейшим кадыком, с его великой, сквозь первую, гражданскую и вторую войны, сквозь голодоморы проросшей жизнью, — вот этот дед Яшка если растопыристо устремлялся ко мне, ещё младенцу, то — только потому устремлялся, что понимал, что я пока ещё тот Адам, который из рая не изгнан, который жизни в крови и в поте лица ещё не знает.

Глава 3
О том, как я себя в себе обнаружил

Потом я всё-таки стал иногда прокрадываться аж к краю огорода, почти под вербы. Но огромные, сталисто посверкивающие кроны этих верб так незнакомо встречали меня, и с такою могучею и тяжкою ко мне безучастностью шумели на высоком ветру, что я, прозрачнейше постояв у них на виду с полминуты, помимо своей воли возвращался к тому месту среди огорода, где в своей цветастой кофте и с тяпкою склонялась над кудрями картофельной ботвы вместе с Ниной или без Нины моя мать.

При всём том, что мать никогда не упускала меня из виду, очень уж радовалась она моему возвращению или, вернее, моему всё-таки бегству от далековатых и тревожных верб. Но вот только я, никогда не успевающий оголодать без её ласки, всегда этой её лаской пресыщенный, делал вид, что мать даже и не слышу, что сам собою я тут на огороде живу. А вернее, под защитною сенью её голоса я действительно жил-поживал так, как хотел. Лишь когда мать умолкала, когда на лице её обнаруживалось одно только строгое внимание к лезвию тяпки, стремительно подрезающему сорняки и заодно пеленающему картофельные стебли мягеньким порохом нашей живородной землицы, я, опять же помимо своей воли, приближался к ней, и либо утыкался носом в её бок, либо просто цеплялся рукою за её юбку.

«Да как же птяшеняточко по мамочке своей соскучилось!» — опять радовалась она. И, оставив тяпку, начинала меня целовать и обнимать. А я из её объятий опять выпутывался, уходил, например, к густо усыпанной жёлтыми чашечками цветков огуречной грядке, чтобы проверить, не появился ли там огурец хотя бы толщиною с мой тонкий палец.

— А было ж времечко, когда тебя отлепить от себя не могла, — жаловалась мне мать на меня самого. — Да для чего же я тебя в капусте искала, если к тебе теперь уже и не приласти́ться?

И кое-когда со стороны верб мимо нас в сторону двора, как вспугнутый заяц, очень уж шустро пробегал по меже мой брат Саша. И мать, с трудом разгибая натруженную спину, кричала ему: «Там на окне кувшин, дак ты хоть заодно молочка попей!» Он на её голос оглядывался, но лицо его оставалось и для меня, и для матери посторонним. И мне казалось, что это когда под вербами пробегал он с того лужка, на котором паслись наши гуси, то, может быть, ледяной вербный шум всё его лицо выпил. Мать же опять начинала мне жаловаться: «Неужели и ты, пчёлочка моя роднёсенькая, к товарищам из своего гнездочечка вылетишь, и таким же, как Саша, малахольным станешь?..» А вскоре брат мчался обратно — уже с куском, толсто отрезанным от самопечной паляницы и обмакнутым в сахар. «Хлеба всухомятку наешься, а скоро обед!» — опять пыталась докричаться до него мать. А у меня тоже вдруг возникало желание откушать нашего ржаного хлебушка. И мать охотнейше уступала: «Ну, пойдём же, пойдём, отломлю и тебе кусочек, а заодно хотя бы разогнусь…»

Лишь отец оставался невозмутимым, когда Саша даже и на обед опаздывал, а прибежавши, еду в себя запихивал наспех и ни на кого не глядя. Мог отец лишь спросить: «А гуси где?» «Да в пруд я их загнал! — отвечал Саша вроде как недовольно. — Там хлопцы уже, небось, с обеда вернулись и купаются, так что и я побегу!» «Вот так растишь, растишь этих деток, а они, ещё и не выросши, от сердца твоего уже спешат отлепиться…» — опять начинала жаловаться мать. — «Ему в эту осень в школу идти, а ты его у подола хочешь удержать. Пусть же приучается жить положенной ему жизнью», — сурово отвечал отец и меня, пока ещё от их сердца не отлепленного, поглаживал по голове своей шершавой, как подсолнух, ладонью.

А я и сам страдал оттого, что Саша прибегал с завербного лужка столь чужим. Помню, в один из ясных и, видимо, воскресных дней, отец не на работе пропадал, а, пользуясь погодой, разостлал по двору все наши самотканые рядна и высыпал на них зерно для просушки. А затем приказал Кате сменить Сашу возле гусей на завербном лужке, чтобы, значит, Саша тут во дворе прогонял от зерна очень уж вороватых воробьёв.

Воробьи же сидели всюду: на плетнях, на ближних яблонях сада и даже на соломенных крышах сараев. И отважно поглядывали они на отца. А едва отец отходил от ряден, сразу они серыми тучами устремлялись к зерну. «Пырр! Пыррр!» — кричал на них отец с такою свирепостью, что я и сам пугался. И, чтобы отец поскорее становился обыкновенным, я собственными криками начинал прогонять этих крылатых грабителей: «Пырль! Пырль!»

Саша обиженно и как-то боком-боком вернулся с лужка и, ни слова не вымолвив, уселся на угол крайнего рядна.

«Ты не сиди, ты и зерно иногда шевели, чтобы оно быстрее проветривалось. А после обеда будем с тобою его засыпать в закрома», — велел отец Саше и, напоказ пошуровав по золотому зерну своею ладонью, ставшей похожею на лопату, ушёл. И воробьи тут же и с крыш, и с плетней, и с яблонь на рядна спикировали. Но брат, вскочивши, эту атаку их молча и мрачно отбил. Когда же они на свои прежние позиции вернулись, он принялся швырять в них всем, что под руку ему попадалось. И лишь после того, как в зоне нашей видимости ни одного воробья не осталось, опять он стих и скукожился. И на меня даже не взглянул, когда я попробовал ему показать собственное умение зверски супить брови и комья земли кидать. Не обратил он своего внимания и на мою попытку шевелить золотое зерно выпрямленной наподобие лопаты ладонью. Так что уже ничего мне не оставалось иного, кроме как подойти к Саше, да и притулиться лбом к его остренькому плечу.

— Вот же, ещё и с тобою тут нянчиться… — вымолвил брат вроде и не сердито, но обращаясь явно не ко мне, а к собственным хмурым мыслям.

И в этот миг во мне, где-то под сердцем, вдруг впервые вспухло и зашевелилось нечто пока ещё для меня незнакомое. Может быть, позже из этого горячего, перехватывающего дыхание комка, вдруг обнаружевшегося в моей груди, затем выткутся по отдельности и моя грусть, и моя щемливистая тоска, и мои самые жгучие обиды, и мои леденящие одиночества, но тогда это всё было слеплено в единый под сердцем комок, и я, не сумев ни захныкать, ни расплакаться, всего лишь потвёрже упёрся лбом и носом брату в плечо и затих, полагая, что уж брат-то знает, как дальше мне быть.

То-есть, всегда было так, что и отец с его топором, и мать с её либо чугунами возле печи, либо с тяпкою на огороде, и Нина с её весёлым да ласковым нравом, и Саша с его всегда участливыми ко мне выдумками, и Катя, пытающаяся Сашу предо мною пересиять, до сих пор жили-поживали только ради меня, а теперь вот впервые я обнаружил, что у Саши есть та своя завербная жизнь, по которой он только-то и тоскует, в сравнении с которой я уже для него мало что значу.

То есть, получилось так, что душа моя мною различимою стала лишь тогда, когда впервые оказалась отдельной от Сашиной, уже завербной души.

— Ты чё, так и будешь тут носом своим в меня дышать? — спросил брат, уже, видимо, ко мне потеплевши. — Иди к матери, там хоть гороха наешься…

Я послушно от Саши отлепился, но не на огород отправился, а в сад, к кустам смородины, в которых вроде как воробей какой-то всё-таки затаился. Жалобным и уже одиноким голосом вскрикнувши: «Пырль! Пырль!», я и ком земли докинул в кусты, но оказалось, что серел в них не воробей, а досрочно пожухший лист.

Потом, брату ненужный, я прокрался и на огород. Мать, собиравшая созревшие помидоры в большую корзину, тут же, конечно, начала радоваться моему появлению. Но именно обыкновенность этой её радости показалась мне предательской.

И я вдруг разрыдался так, как, может быть, ещё никогда не рыдал.

И мать перепуганно поставила корзину меж помидорных кустов, ко мне подбежала, стала взволнованнейше допытываться: «А что случилось?

А кто моего пташеняточку обидел? А никому да я не позволю моего Колечку обижа-а-ать!»

Но эти теперь уже не ко мне прежнему относящиеся и потому напрасные её причитания лишь прибавили мне обиды даже и не на Сашу, и даже не на тот помидор, который мать в отчаянии начала мне совать со своими обычными, горячими, но — ко мне нынешнему всё-таки безучастными причитаниями: «А ты ж да глянь, какой приберегла я помидорчик тута, а ты ж да только откуси чуточек, а ты ж да и выплюнь, если тебе не понравится…»

И чем больше она старалась утешить меня, тем с большим отчаяньем я рыдал.

Она подхватила меня на руки и попыталась к себе прижать, но я с яростью, до сих пор мне не-ведомой, принялся визжать и вырываться.

И неизвестно, чем кончилась бы эта наша борьба, с её стороны, наверно, абсолютно слепая, да и моя такая же, если б не подошёл к нам отец.

— Это почему он так орёт? — расслышал я его хрипкий голос.

— Да сама не знаю, отчего вдруг будто сказился он… — с жалобною беспомощностью ответила ему мать.

— А ты его отпусти, — строго велел отец.

— Да куда ж такого его отпускать…

— А куда он хочет, туда ты его и отпускай… Не будешь же ты его вот так до скончания света держать…

Мать осторожно поставила меня на землю, и на этом не только мои рыдания в миг прекратились, а и вообще прекратилось всё.

Потому что, когда отец, уходя, напоследок сказал матери свое хмурое: «Ты ж кого хочешь можешь довести до скажения своими вечными причитаниями…», то я, сам не понимая зачем, поплёлся вслед за ним. Да так потом и пробыл возле него. Отец шёл в чулан возиться с закромами, а я стоял возле чулана. Он уходил в глубь двора вытряхнуть мешки от пыли, а я останавливался от него, хоть вроде бы, и в сторонке. Он туда, я сюда, но и — вслед за ним.

И он, наконец, спросил:

— А ты чего тут?

И я плечи свои угнул, я был, наверно, как рыба, готовая отчаянно занырнуть в для всех невидимую океанскую глубину.

А поскольку деваться мне было некуда, то я из своего одиночества и в куриные причитания, и в гусиные гоготания, и в пчелиные жужжания, и в воробьиные чириканья, и в ветровые совсем уж безъязыкие шумы, и впервые под небесами вдруг различил тонюсенькие, но очень уж беспокойные и настойчивые завербные голоса Сашиных товарищей. Словно бы, пока тут Саша молча томится у ряден с зерном, пока воробьи сторожат ту минуту, в которую он от зерна отвлечётся, пока отец копошится то ли опять в чулане, то ли опять во дворе, пока мать собирает в кошёлки помидоры, эти голоса, как искры из невесть когда и зачем потревоженного костра над всею землею вдруг взметнулись, да вот же теперь и не могут ни потухнуть, ни каким-то иным способом достичь для себя того мига, после которого можно успокоиться и утихнуть.

Мать, вернувшаяся с огорода и заметившая, что я стою, как вкопанный,

и впиваюсь глазами в далекие, застившие своею шеренгою половину неба заогородные вербы, тоже прислушалась и со вздохом пояснила:

— Это там наши хлопчики, наверно, в лапту или в свой футбол никак же не наиграются...

И в сердце у меня стало нестерпимо пусто оттого, что у меня самого нет повода таким же всполошённым криком от земли оторваться и взвиться под самые небеса.

А тут ещё и со двора вдруг пулею улетел мой брат, всё-таки отцом досрочно отпущенный на свободу.

Вечером же, пригнавши гомонливых гусей во двор, Саша уже никуда не спешил, был обыкновенным, даже сам подошёл ко мне и с привычной, чуточку насмешливой ласковостью спросил: «А хочешь, покажу тебе собаку?» И действительно, его ладонь силуэтом своим стала похожей на собачью голову, и при этом пальцы его раздвигались так, словно собака ещё и зевала или лаяла. И не успел я убедиться, что мои пальцы меня не слушаются, растопыриваются невпопад, он опять спросил: «А что у тебя в кармане есть?» В карманах моих большеватых штанов, от брата доставшихся, в три заворота засученных и на помочах подвешенных, всегда было много чего припрятано. И я долго выуживал то, что было менее драгоценно. Нашёл, может быть, ржавую гайку, где-то во дворе подобранную. Брат не менее долго тряс её в своих сомкнутых ладонях, при этом успевал ладони размыкать и почёсывать себе то ухо, то ногу, то где-то в боку, а потом вдруг показал мне два кулака и спросил: «А теперь угадай, в какой руке твоя гаечка?» После некоторых размышлений я ткнул пальцем в один из его кулаков. Он разжал кулак, но гайки в его ладони не оказалось. «Ну, а теперь где она?» — нетерпеливо спросил Саша. Я, конечно же, ткнул пальцем в другой его кулак. Но и там было пусто. И не успел я запереживать о потере гайки, он, от удовольствия даже и носом пришмыгивая, предложил: «А теперь в вот этом моём кармане пошарь, вдруг эта гайка такая, что сама и невидимо в мой карман запрыгнула!» И сунул мою руку в свой карман, где я свою потерю вдруг обнаружил.

Катя, завидуя моему восхищению Сашей, тоже пыталась меня чем-нибудь удивить. Но придумать ничего не могла. И потому ей оставалось лишь уличать брата в обмане.

Я же с каждым днём всё крепче убеждался в том, что за вербами, где брат и его ровесники пасут гусей, одни только чудеса и творятся.

Особенно же меня поражало то, что Саша мог сомкнуть свои губы каким-то особым манером и свистеть ими гораздо ловчее, чем даже настоящим, купленным у ганчурника, свистком. В то время как из моих губ, сколько я ни старался, вылетала вместо свиста сплошная слюна. Иной раз от долгой натуги голова у меня разбаливалась, но — получалось только: «Сссю, ссю, сю…».

А когда я затем, стремясь быть похожим на брата, расхаживал по двору или по огороду в рубашке, расстёгнутой аж до пупка, тут же кто-нибудь, вроде бы как даже пугаясь своего недогляда за мной, за маленьким Колей, торопился застегнуть меня до самой верхней пуговицы. Но, словно бы полагая, что аж с лужка, аж из-за верб брат и его неведомые мне товарищи меня видят, я опять,

как у Саши, пуговицы расстёгивал, кулаки, как Саша, в карманы совал, ноги пошире, как Саша, расставлял, мол, не одни хлопцы там на лужке, а и я тута не абы кто и не абы какой.

И сосед Максимыч мне кричал из-за плетня, разделяющего наши дворы:

— Мыкола! Да ты всем Мыколам Мыколище! Ах, какой же паренёк у нас уродился, ай, какой же у нас в селе казачёк появился!

И я глядел на Максимыча и с благодарной враждебностью, и с ощущением своей торжественнейшей от него отдельности.

И ночью мне засыпать было уже одиноко. Но мать напоследок после ушедшего дня с жаром целовала меня, а отец, хоть и скупо, но и с невольною теплотцою говорил мне: «Теперь же ты засыпай», и я, укутанный их голосами, засыпал, одиночества своего уже не замечая, но и понимая, что я уже одинок...

Глава 4
О том, как я решаюсь за пределы своего рая шагнуть

Да, именно в тот день, когда Саша, отозванный во двор сторожить зерно, столь сильно тосковал о своей, мне пока неведомой завербной жизни, что даже и на меня не обращал внимания, я помимо привычных куриных кудахтаний, ласточкиных безмятежных чириканий и всякого прочего шума стал различать в воздухе ещё и голоса Сашиных товарищей, тонко да настойчиво с лужка доносящиеся.

Да, что-то под сердцем у меня набухло и вызрело, когда Саша, меня не замечая, не только ушами, а словно бы даже и ноздрями впивался в очень уж ненасытную тревожность далёких завербных криков.

И в последующие дни, подкрадываясь к краю огорода, я отчаивался и содрогался уже не от чужеватости холодных, ветром выстуженных вербных крон, а оттого, что крики Сашиных товарищей, пронзающих мрачноватую вербную шеренгу, были мне непонятными.

Но однажды, покружив возле матери по огороду, я к вербам невольно приблизился и сквозь их заслон прошёл, а затем, наверно, не дыша, лишь цепко хватаясь за траву, росшую по краям пред-ставшей предо мною глубокой канавы, выбрался и на сам лужок.

На меня обрушилось огромнейшее, воистину бесконечное и мне пока неизвестное пространство, пред которым даже высокие вербы, теперь оказавшиеся за моей спиной, присмирели, и за которым стали видны в совсем уж головокружительной далечине синие, подобные присевшим на землю облакам, наши холмы.

К Сашиным товарищам, кружком, кто на корточках, кто по-иному присевшим и игравшим, наверно, «в ножичек», я, понимая всё своё ничтожество, шёл медленно.

Но и заметил, что чуть поодаль от их кружка стоят в таких же, как и у меня, штанах на помочах, и в меня глядят мои ровесники.

И ещё более оробел.

И вдруг все братовы товарищи от игры своей отвлеклись, тоже стали в меня глядеть.

— О, Сашко, да это ж твой Колька появился! — вскричал кто-то моему брату, и я зашагал в их сторону более осмысленно, всё-таки уже как Сашин брат.

И — как всегда и везде, рука невесть откуда взявшейся матери меня подхватила, и я взмыл так высоко, что далёкие синие холмы от меня отпрянули.

Но тут и брат из играющего «в ножичек» кружка вынырнул и радостнейше вскричал:

— Да ты, мамо, не бойся, пусть с малышнёю он тута побудет, а я его простерегу!

И мать, подчиняясь радости его голоса, не просто покорнейше опустила меня на лужок, — нет, она поставила меня на мои босые ноги в мягенькую, гладко остриженную гусями траву с такою же обреченностью, с какою, наверно, яблоня перед морозами роняет на землю свое самое последнее яблоко.

Сашины товарищи сразу продолжили свою игру, а такие же, как и я, со штанами на помочах, ребята стали ко мне приближаться, стали меня окружать и ко мне примериваться.

А я, оглохши от простора или непонятно от чего, ног под собою не чувствовал.

То есть, никаких мыслей в моей голове не появилось, ничего я не понял из нового своего положения и ни о чём не задумался.

Я просто стал на своих ровесников глядеть из последних сил, уже готовый увидеть всё, что мне, если уж на то пошло, было суждено в них увидеть.

Или, может быть, я тогда от волнения не различил ни зелёного лужка, ни наших широченных, за лужком, полей, ни наших далёких и прозрачных, с небом сливающихся холмов, ни вот этих своих погодков. Может быть, я всего лишь с опаской ухватился за подол своей матери; может быть, затем она сама меня подтолкнула к ребятне, мол, иди уж.

Может быть, это потом, во все следующие дни, я наконец-то разглядел и уже на всю жизнь запомнил наши заогородные, наши завербные просторы, а тогда я, может быть, сквозь мглу самого великого в своей жизни волнения даже и лиц своих будущих товарищей не мог различить.

Но — именно так, а не как-то иначе, началась та моя новая и уже вольная жизнь, в которой я помню себя среди своих вдруг обретённых товарищей то в обмороке безмятежнейшего с ними единения, то в самых трагических противостояниях с ними и, наверно, — похожим на муравья, упрямо шевелящего всеми своими лапками ради каких-то своих уже одиноких, уже никому, в том числе и самому ему, муравью, неведомых смыслов, объятого одним только слепым и жадным азартом к жизни такой, какая она есть на самом деле.

Светлана Супрунова

КАТИТСЯ НАРОД…

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сел в трамвай – тепло и сухо,
Катится народ,
И кондукторша-старуха
Денежку берёт.
В тёплом свитере, хромает,
Щурится слегка,
Мелочь сыплет – как считает
Сдачу с молока.

Песенку из доброй сказки
Я тебе спою, –
Закрывай, малютка, глазки,
Баюшки-баю…

Супрунова Светлана, член Союза писателей России, автор четырёх поэтических сборников. родилась в 1960 году в г. Львове. После окончания ленинградского медицинского училища работала медсестрой в хирургическом отделении Нестеровской районной больницы Львовской области. В 1985 году по направлению военкомата уехала в Афганистан, в медсанбат провинции Баграм. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении. С 1995 по 2000 год проходила воинскую службу в Таджикистане, затем девять лет работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (г. Калининград), сейчас возглавляет редакцию научного журнала Калининградского государственного технического университета. Печаталась в отечественных и зарубежных изданиях, лауреат ряда российских и международных конкурсов. Некоторые стихи переведены на болгарский и венгерский языки.

Постоянный автор журнала «ДОН_новый».

Живёт и работает в г. Калининграде.

Хлебушек сегодня горек –
Невесёлый век,
И метёт наш тихий дворик
По утрам узбек.
Неуютно, одиноко,
И поёт узбек.
Тянет сквозняком с востока,
Выпал первый снег…

Всё присыпано порошей,
Зябко воробью.
Спи, мой сладкий, мой хороший, –
Баюшки-баю.

Снова сверху: «Здрасьте, здрасьте!» –
Едет в кабинет,
Крепко так примазан к власти,
Пухленький сосед.
Шандарахнет из стакана –
Вспомнит про народ,
Улыбнётся нам с экрана,
Что-нибудь соврёт…

На иконке взгляд лучистый, –
Русь в святой горсти.
Спи, мой светлый, самый чистый…
Не спеши расти.

***

Зачем смотрю – сама не знаю –
В глаза соседей и друзей,
Чужие жизни наблюдаю,
Забыв на время о своей?

Зачем, в глаза пустые глядя,
Я слушаю эфирный бред?..
И снова нам мордастый дядя
Наобещает светлых лет.

А света нет, – ложатся тени
На жизнь чужую и мою…
Болит душа, болят колени,
Когда под образом стою.

Взметнулись птицы, откричали.
Всё чаще плач, всё реже смех…
Какие разные печали,
И только крест – один на всех.

НА КАЛИНИНГРАДСКОМ «БЛОШИНОМ» РЫНКЕ

Пылища осела за ворот…
Опять пулемёт застрочил…
Он взял эту крепость и город –
И после медаль получил.

Вернувшийся из медсанбата,
Себе улыбался: живой!..
…Вчера схоронили солдата
И выпили за упокой.

Бежавший в кровавую схватку,
Подстёгнутый криком «Вперёд!»,
Упал он на эту брусчатку…
Где правнук медаль продаёт.

БРОНЗОВЫЙ СОЛДАТ

Донбасс в крови. Опять летит снаряд,
И доползти до дома нету силы…
Стоит за шахтой бронзовый солдат,
И зеленеют братские могилы.

Он видит всё: огонь и чёрный дым,
Как чьи-то тени к погребу метнулись…
Уже под флагом жёлто-голубым
Они идут, они опять вернулись!

Чеканят шаг – они сегодня злей,
Они заматерели за полвека;
Прицелятся – не слышат матерей,
Курок нажмут – не видят человека.

Как на посту, прервав когда-то бег,
Стоит солдат под холодом столетий,
И за его спиной – ушедший век,
За плащ-палаткой – снова сорок третий.

И он сжимает верный автомат…
Такое время жуткое настало,
Что кажется: не выдержит солдат, –
Из бронзы выйдя, спрыгнет с пьедестала.

***

О как, спрошу, свой век дожить,
В толпе не затыкая уши,
Чтоб этот мир не осудить,
Не растоптать чужие души?

Как отдавать не напоказ,
Не избегать молящих взоров
И не жалеть, что всякий раз
Была печальницей просторов?

Как обойти земной успех
И все дары с большой дороги
По-божьи разделить на всех,
Совсем не думая о Боге?..

***

Двери тёмные, стальные.
Постучать ли, позвонить?
Я живая, вы живые,
Так давайте говорить –

Всё о том, о чём хотели
Говорить бы целый век,
Что вчера ветра шумели…
А сегодня падал снег…

Что отпелось, отгулялось –
Ни души на берегу…
Что от осени осталась
Россыпь яблок на снегу.

Что летят опилки к дому,
Что в стволах текут года. –
Пилят, пилят по живому,
Расширяя города…

Вспоминать бы всё, что мило,
Вспоминать под шум дождя,

Как растерянно кружила
Птица, ветки не найдя.

Может, вспомним, что живые! –
С душ озябших смоем грим.
Все свои мы, все родные…
Но об этом промолчим.

БАБА ОЛЯ

Докучают в лесу комары.
Выйдешь в поле – надышишься вволю,
А за полем ютятся дворы…
Кто не знает у нас бабу Олю!

Снег и ливни… менялись вожди…
Неохотно расскажет, бывало,
Как, дитя прижимая к груди,
От пылающих изб убегала.

А потом тишина, трудодни. –
Жизнь покатится по нормативу.
Отдышавшись маленько в тени,
Заспешит на созревшую ниву…

Вроде, скорби её далеко,
Только чёрный платок не снимает.
Как живётся? – ответит легко:
«Да на хлеб и одёжу хватает!»

В огороде редиска, лучок,
И ни сорной травинки на грядке.
Приезжает на лето внучок…
Всё по кругу идёт, всё в порядке.

Нынче вьюга следы замела,
До могилы не стёжка – аллея.
Никого не ругая, жила
И ушла, ни о чём не жалея.

Кто плеснул бы на мир белизны! –
И когда загибаюсь от боли,
Всё глядит на меня со стены
Матерь Божья с лицом бабы Оли…

К юбилею писательницы

Тамара Привалова

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Эссе

Прежде чем покинуть день, солнышко позволило себе понежиться на копне сена, и пообщаться с ветром. Что уж там бродяга ему нашептал, — не ведаю. Только оно покраснело, как юная девица, сползло с копны, и поспешно начало клониться в сторону горизонта.

Длинные тени потянулись от кустов и деревьев. От ленивых прудов поползла лёгкая прохлада, приводя в чувство разморенные дневным зноем травы.

Лёжа на спине, любуюсь смачной голубизной неба и вереницей двуцветных облаков, — нежно-розовых с одного края и дымчато-серых с другого. Как они мне напоминают цыганский табор! У них всё по правде. Даже есть свой вожак — барон-Ветер. От его капризов зависит их маршрут. Он решает, куда идти им, и где разбить лагерь для отдыха. От его прихоти зависит их настроение.

В данный момент, облака в добром расположении духа лениво бредут впереди него, не оставляя за собою следов пребывания на просторах вечности.

Прислушиваясь к шагам ночи, отмечаю, что она уже совсем близко. Ведь недаром лягушки начали свою распевку, заглушая песни цикад. Да и от трав исходит особенный дух, присущий только вечерней поре.

Заржал Печенег, звонко, радостно. Наконец-то! На дальнем бугре появились два всадника — Ахмед и Анчок. Ещё вчера мы с ними договорились встретиться у трёх прудов, чтобы совершить марш-бросок до Новосвободней

Привалова Тамара Ивановна, член Союза писателей России (2013 г.), прозаик, родилась в селе Беноково Краснодарского края. Имеет среднее педагогическое образование.

Автор книг прозы: «Один день моего детства», «От звёзд до синих васильков», «Бредущие из ада», «Помоги немощным, утоли скорбь нашу», «Сказание о роде Белых Лебедей», книг для детей: «Средь других чудес на свете…», «Белкин огород», «Цыплята», «Ышка», «Басик» (истории из жизни лесного поросёнка)».

Живёт и работает в городе Таганроге Ростовской области.

и обратно. За повседневной суетой совсем забыли о своих друзьях, а те и рады стараться, — нагуливают жирок, что верховым коням непростительно. Приподнимаюсь на локте, и любуюсь лошадьми. Издалека они смотрятся игрушечными, но до чего же хороши стервецы! Гнедой Ахмеда в белых чулочках, Анчока, — серый в яблочко. На приветствие Печенега ответил только конь Анчока. У Ахмеда конь гордый. Лишний раз в твою сторону не посмотрит, не то, чтобы дать себя взять под уздцы. С хозяином держится на равных. Его имя Ахмед держит втайне от всех. Даже Анчоку оно неизвестно. А мне ведомо! Коня зовут Карай. Однажды, зайдя в сарай за уздечкой, я услышала, как хозяин, поглаживая его по холке, нежно шептал: «Карай, Карай…» Услышав мои шаги, Ахмед резко обернулся, и что-то со злостью проговорил. Скорее всего, выругался на своём языке. Мне ничего не оставалось делать, как снять с крюка узду и выйти вон. В течение всего дня, Ахмед подозрительно посматривал на меня, пытаясь понять, — слышала я имя коня, или нет. Ни взглядом, ни поведением не выдаю своей тайны. Постепенно Ахмед успокаивается. Но во время вечернего чаепития, я всё же не выдерживаю.

— Дедушка, почему вы держите в тайне имя коня?

Он насторожённо вскинул на меня взгляд.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Так, просто, любопытство берёт.

— Любопытство говоришь? Это не самое лучшее качество в человеке. Без него, конечно, многие бы добрые дела не свершились, но знаешь, скольких людей оно погубило? Причём, зря. Во всём должна быть мера. Ты, как я понял, обижаешься на меня. Напрасно. Мои предки придерживались этого правила на протяжении многих веков, и не мне его нарушать.

Он подул на горячий чай, и, отхлебнув глоток, продолжил:

— На рабочих коней оно не распространяется. Но если ты хочешь иметь верного друга-воина, то это совсем другое дело. Чтобы у него выработать нужные тебе качества, ты должна его правильно воспитать.

Ахмед умолк, продолжая неторопливо пить чай. Я терпеливо жду. Зная характер своего собеседника, а вернее закон гор, не смею первой нарушить молчание, ибо для старика, это было бы проявлением дурного тона с моей стороны. Десятки вопросов вертятся на кончике моего языка, с каждой минутой всё сильнее, и сильнее разжигая любопытство.

Кончив пить чай, Ахмед перевернул чашку вверх дном, и, положив на него огрызок сахара, привалился к столбу веранды.

— Брать жеребца надо только из табуна, — неожиданно начал он.

— А почему жеребца и только из табуна?

Ахмед поморщился.

— Умей владеть собой. Это первое правило воина…

«Ну, я же им быть не собираюсь», — едва не ляпнула я.

— Кобыла связана материнскими чувствами, — продолжал Ахмед, — и недобрые люди могут ими воспользоваться. Жеребец в отличие от неё, свободен, как ветер. Хороший конь-воин — подарок судьбы. Но чтобы он таковым стал, придётся приложить немало сил. Из табуна надо брать того коня, который ни разу не ходил под седлом, и не чувствовал на своей шее петлю аркана. Он

должен быть в той поре, когда уже не сосунок, но и не взрослый конь. Одним словом, — если перевести на человеческую мерку возраста — юноша. С выбором тоже спешить нельзя. Надо сесть в стороне и наблюдать за поведением лошадей в табуне, причём, желательно, не один день. Здесь спешка не к месту. Ошибка впоследствии может стоить тебе жизни. Запомни: — твой избранник должен быть уверен в себе. Ни коим случаи он не должен бояться сильных и нахальных собратьев. Уметь отстаивать облюбованный им клочок земли с нежной травой, когда другие попытаются вытеснить его оттуда силой. В тоже время, не прогонять слабого собрата. Он также не должен задираться с взрослыми лошадьми. Молодёжь обязана уважать стариков. На красоту не обращай внимания, она здесь неуместна. Это не первое достоинство коня. Знаешь, иногда косматый замухрышка стоит намного больше, чем весь табун. Внимательно приглядись к шагу своего избранника. При движении хорошая лошадь задними ногами перешагивает след передних. Бабки должны быть тонкими и сухими. Спина прямая, короткая. Шея длинная, грудь широкая, с впадиной, а голова маленькая и сухая. У хорошего коня круп слегка опущен, но широкий. Это очень важно, ибо, именно он, является мотором лошади. Обрати внимание на копыта, они не должны быть растоптышами, их форма должна напоминать форму стакана. Но самое главное — ты должна почувствовать своего будущего друга.

— Это как? — срывается с моих губ.

— Объяснить трудно. Каждый человек к этому приходит самостоятельно. Могу только дать совет. От твоего первого прикосновения к коню зависят ваши отношения. Поэтому, будь осторожна. Искра понимания и доверия начинает робко загораться именно в этот момент. Впоследствии, если вы, оба, почувствуете тягу друг к другу, то она вас свяжет навечно. Никогда не спеши. В выборе коня, ошибки не должно быть. Поняв, что он тебе по душе — бери. Желательно самой набросить аркан на его шею, но можно привлечь табунщика. В данном случаи, он выступит перед конём злодеем. Когда конь окажется в станке, сразу не трогай его, дай ему успокоиться, прийти в себя. Подходи только спереди. Не спеши с прикосновениями. Сначала посмотри в глаза, скажи ласковое слово, и, только тогда погладь по морде. Не пугайся, и не одёргивай руку, если он оскалится, этим ты дашь ему понять, что не из робкого десятка. Действуй без резких движений, но, в тоже время, уверенно и ласково. Делая осмотр, не унижай его достоинства. Представь: тебя поймали, поставили так, что ты не можешь даже пошевелиться, и начали ощупывать грубо, нагло. Представила?

У меня по спине побежали мурашки. Ахмед продолжал:

— Осмотр начинай с зубов. На этом задерживаться не буду, тебе это знакомо, а вот то о чём сейчас поведаю, знают единицы. Обрати внимание на скулы. Проведи пальцами по своим. Чувствуешь на них щербинку?

Действительно, она существует. Странно, раньше я её не замечала.

— Так вот, у породистого коня она должна быть резко обозначена, это немаловажно. В холке он должен быть чуть ниже твоего роста. И ещё, расстояние между ядрами — ладонь взрослого мужчины. Если конь соответствует всем данным, и ты готова стать ему другом, заметь, не хозяином, а другом, отведи

его в сарай, где ему придётся провести долгое время. В сарае должен быть лёгкий полумрак. Коня нужно не кормить и не поить приблизительно, день.

— Ну, это же издевательством попахивает, — возмутилась я.

— Это не издевательство, — это начало долгой учёбы. Но зато, когда ты принесёшь ему ведро воды (смотри, не больше) и напоишь его, он проникнется к тебе благодарностью. Затем покорми его. Запомни, к коню никого не пускай. Он должен слышать только твой голос. Как можно больше разговаривай с ним. Неважно о чём, хоть сказки рассказывай. А спустя месяц, можешь выводить его на прогулку во двор, держа за гриву. Но помни, двор должен быть пуст. Конь будет уверен, что кроме его и тебя на земле никого нет. Своё имя он обязан слышать только от тебя.

Ахмед вздохнул, и стал смотреть на верхушку раскидистой кроны ореха, обласканной сонным солнышком.

— Дедушка, а что дальше?

Ахмед с подозрением посмотрел на меня.

— Тебе что, и взаправду интересно? Ты же девочка, и эта наука вряд ли тебе пригодится.

— Как знать. Моя бабушка говорила, что ни от чего нельзя зарекаться. Жизнь любым боком может повернуться.

— Мудрые слова. Но я думаю, что для девушки такие знания не столь важны. Их должны постигать мужчины. Видишь ли, обучение коня длится очень долго. И если ты хочешь, чтобы он стал тебе верным другом то надо набраться терпения, — его понадобиться немало. Я дам тебе два дельных совета, которые уже сейчас могут пригодиться. Запомни, — никогда не бей коня плёткой, не причиняй ему боли. При необходимости, подгоняй его гибким хлыстом, на конце которого находится кусочек кожи в виде лопаточки. Такой хлыст не причиняет боли, а своим хлопком пугает коня, заставляя ускорять шаг. Битый конь никогда не станет тебе другом, он будет твоим рабом. Второй совет. Надо с любовью ухаживать за ним. Твой Печенег неплохо ухожен. Всегда вычищен, грива и хвост расчёсаны, но этого мало.

Я удивлённо подняла брови.

— Каждый день разводи в тёплой воде соль, затем макая в растворе руку, ты должна с силой втирать его в шкуру своего друга от крупа к голове. От этого шерсть коня становиться блестящей и гладкой, и в шкуре не заводятся паразиты. К тому же укрепляются мышцы коня, да и жир под кожей не накапливается, — это первое. Второе, — твоя рука обретает силу. Запомни, левая рука должна работать наравне с правой. Для мужчины-воина это не маловажно.

Ахмед взял палку, пошевелив ею горящие поленья в очаге, подбросил дров в огонь, вновь повернулся ко мне.

— Знаешь, в глубокой древности соль была чуть ли не на вес золота. Однако горцы, отказывая себе в этом лакомстве, отдавали её коню.

Старик умолк, затем пошарив в кармане, извлёк пару леденцов, и, протянув один из них мне, продолжил:

— Впервые встречаю девочку, которая интересуется чисто мужскими делами. Неужели тебе интересно? Или просто из вежливости слушаешь,

чтобы не обидеть старика, зная, что этот разговор для меня, что стакан водки для пьяницы?

— Как вы могли так подумать! — возмутилась я.

— Ну-ну, не сердись. Думаешь, не вижу, как ты тянешься к лошадям. Даже мой конь тебя в свои друзья записал, хотя вы с ним встречаетесь не так часто.

— С трудом верится. Только подойдёшь к нему, как он начинает фыркать, пятиться, сахар из рук отказывается брать.

— Однако не кусает, и под копыта не бросает, когда ты пытаешься взять его под уздцы.

— И на том спасибо. Утешили.

— А вот если возьмёшь его за повод, — продолжал Ахмед, — то я, уверен, он позволит тебе это сделать. Скажу больше, если ты поведёшь коней на водопой, он покорно последует вместе со всеми.

— А если я попытаюсь сесть на него?

— Не советую. Не позволит, пока я не разрешу.

— Дедушка, а сколько уходит времени на воспитание такого коня?

— Много. Таковым конь становиться, примерно к семи-восьми годам своей жизни.

— Ничегошеньки! — удивилась я. — Что же получается? Значит, пока воспитываю одного коня, у меня должен быть другой, на котором могу ездить?

— Другой не понадобиться. Выбранный тобою конь становиться помощником с того момента, как ты первый раз сядешь на него. Но, прежде чем это сделать, ты должна его подготовить к столь важному событию в его жизни. Нельзя всё делать с наскока. Конь, это тот же человек. Рождённого, ещё на ноги поставить надо, а потом понадобятся годы, чтобы научить его премудростям жизни.

— Каким?

— Отличать плохого человека от хорошего. Прятаться среди низкого кустарника, высокой травы, а то и просто ложиться, замерев среди камней. Научиться взбираться на гору, спускаться с неё, не переломав себе ноги. Не бояться выстрелов, а если надо, то улёгшись на землю позволить хозяину использовать свою голову, как подставку для винтовки, во время стрельбы. А ещё конь должен уметь защищать и помогать своему хозяину в бою, …

— Как? — забыв всякие приличия, перебиваю я своего собеседника.

Покачав головой, Ахмед продолжает:

— …при столкновении с врагом, твой конь должен толкать грудью коня противника, чтобы сбить его в бок. Этим он оказывает тебе неоценимую услугу, подставляя бок противника. Правильно воспитанный конь не оставит раненого хозяина на поле боя. Он обязательно вынесет его из рубки.

— Разве такое бывает?... — растерянно спросила я, — а если всадник уже упал на землю?

— Если он в сознании, но не может самостоятельно сесть в седло, то конь опускается на колени, или ложиться на землю, чтобы тот взобрался на него. Бывали случаи, когда конь брал своего друга, потерявшего сознание, за одежду, и волоком вытаскивал в безопасное место. Если же воина убивали,

то конь, зачастую, становился добычей врагов, потому что не хотел уходить от его тела. Конь, как и собака, верен своему хозяину. После пленения, доставшись умному человеку, со временем становился ему помощником, но другом — никогда. Плохому — рабом, но не надолго. Обычно такое противостояние для обоих кончается печально.

— Ну почему я не мальчишка! Я бы себе воспитала такого коня, как у вас, — вздохнула я.

— В том, что ты девочка нет ничего плохого. Ты будущая мать. Родишь сыновей, и они сделают то, что не смогла сделать ты.

— Да, но это будет их заслуга.

— Ошибаешься, в первую очередь она будет твоей. Пойми, конь не игрушка. В наше время, хорошо воспитанным коням не обязательно знать и половины того, что знали их предки. Давно миновали те времена, когда человек коню доверял больше, чем самому себе….

— Дедушка, а помните, вы как-то сказали, что Печенег не виноват в том, что не послушался меня, мол, виновата его природа. Что это значит?

— А,… это когда он остался возле пегой кобылки, а тебе пришлось пешком тащиться от Рязановой горки? Как же, помню, помню. Действительно, он тогда не был виноват. Печенег жеребец, а жеребцов интересуют кобылы. В старые времена воины никогда не ездили на жеребцах, их всегда холостили,

— Зачем?

— Да чтобы на кобыл не зарились. Мерин в разведке никогда не подведёт, не откликнется на призывное ржание красавицы, а жеребец он и есть жеребец. В старые времена, конокрады умело выманивали их из табуна кобылой. Этим методом до сих пор пользуются цыгане.

— Да, но они здорово рискуют. Если хозяин опознает коня, то им не поздоровиться.

— Воры и цыгане не дураки. Они перекрашивают свой товар до неузнаваемости, используя природные краски, или варварский метод.

— А что за метод?

— Я не вдавался в подробности, мне это было не чему. Слышал только, что используют волосяной аркан, намоченный в кипятке.

— Господи, да каким же надо быть гадом, чтобы так издеваться над животиной.

— Человек ради денег и не на такое преступление идёт.

Пока я предавалась воспоминаниям, мои друзья, минуя седловины между буграми, неторопливо направляются в мою сторону. Вскочив в седло, спешу им навстречу. Подъехала. Поздоровалась. Казбек тянется к Печенегу, шумно втягивая в себя воздух. Я улыбнулась. В этот момент он напомнил мне тётку Таньку, которая обнюхивает своего мужа, чтобы удостовериться, что тот трезв.

Карай, пофыркивая, мотает головой. Здоровается, что ли? Ну, как бы там ни было, сразу видно, что у него хорошее настроение.

Обмениваясь новостями, выезжаем на дорогу. Четвероногие друзья начинают проявлять нетерпение. Пританцовывая, дёргают повода, а так, как мы сдерживаем их порыв, грациозно изгибая шею, начинают идти боком.

Первым даёт волю своему любимцу Ахмед, за ним мы с Анчоком. Кони с места идут галопом.

Разрывая в клочья ветер, мы спешим вслед за солнцем, навстречу ночи. Моментами кажется, что вот-вот, ну ещё чуть-чуть, ну самую малость, и… ты взлетишь навстречу голубым проталинкам неба, к розовым макушкам облаков, минуя их светло-серые подножья. Лёгкий сумрак спешит навстречу. Ему не терпится побрататься с нами.

Не сбавляя скорости, минуем хутор, задав темп собачьему хору. Ишь, как надрываются, храбрецы цепные! Вылетев за околицу, скатываемся к реке. Не сбавляя хода, разбрасывая по сторонам веер брызг, выскакиваем на противоположный берег. За спиною сердито клокочет возмущённая речка, пытаясь восстановить свой размеренный бег. Чтобы создать дополнительную нагрузку коням, мы сходим с укатанной дороги и сворачиваем на тропинку.

Начинается подъём. Он довольно крут. Переводим коней на шаг. Они не против такой перемены. Встряхивая гривой, пофыркивают, вздымая влажные бока. Раскидистые кусты орешника наступают на нас с двух сторон. Самые смелые ветки, преграждая дорогу, пытаются сбросить с коней, но силёнок, как видно, на это у них маловато. Скользнув по телам, они возмущённо качаются позади. В лесу стоит густой сумрак, несмотря на то, что солнышко ещё не полностью скрылось за горизонтом. Кони, в такт шага, потряхивая гривами, бойко взбираются по склону.

Наконец подъём закончен, мы снова на полотне дороги. Поворот, и… — с правой стороны, на открытом месте, возвышаются три мои любимицы. Высокие, статные, стволы толстенные, стройные, — одно загляденье! Ветви от земли расположены высоко. Захочешь в жаркий день понежиться возле стволов в тени, — не получится. Располагаться надо там, куда крона бросает свою тень. Меня давно мучит вопрос: — «Почему другие деревья не желают расти рядом с ними»?

Место, конечно, красавицы выбрали царское. Во-первых, — до дороги рукой подать. Кто, куда, и зачем едет или идёт, им завсегда интересно. Во-вторых, — в этом месте лес между полем и дорогой сходит на нет. Значит, целый день их ласкает солнышко. Живи и радуйся.

Эти деревья относятся к одной из разновидностей черёмухи. Таковых в округе, — раз-два и обчёлся. Ягоды у них крупнее, чем у обычной, но, к сожалению, горькие. Есть невозможно, но зато, как говорят старики, если в нужном количестве бросить в самогон, получается то, что надо. Травка вокруг них невысокая, густо населена луговыми цветами. Поваляться на ней одно удовольствие. У меня разом пропадает желание ехать в Новосвободнюю. Но маршрут намечен, и сворачивать с него никто не собирается. Солнышко уже сравняло свою макушку с горизонтом, выкрасив его в насыщенный оранжевый цвет с добавлением алого.

Дорога резко сворачивает влево, уходя в зелёный тоннель, созданный дубами, грабами, буками. В нём царит тишина и покой. Где-то рядом ухнул филин, и сразу умолк, словно кто-то ему горло перехватил. Печенега заинтересовал странный крик. Он остановился и прислушался. Затем шумно

выдохнул, и, повернув голову, посмотрел на меня, словно хотел спросить: «Что это с ним»? Я бы рада, друг, отозваться на твой немой вопрос, но сама не знаю ответа.

Кони неторопливо меряют расстояние, помахивая хвостами. В седле равномерно покачиваются всадники. Благодать! Но вот Ахмед встряхивает повод, и, Карай ускоряет шаг. Наши скакуны резво присоединяются к своему собрату.

До границы дубовой рощи кони идут размашистой рысью. Ступив на заветную территорию, Карай с Казбеком, переходят на шаг, а вот Печенег никак не хочет останавливаться. Натягиваю до отказа повод. Да куда там! Словно бес в него вселился. Закусил удила, гнёт шею дугою, кружит на месте, приседает. Я начинаю нервничать. Но вдруг, сама не зная почему, во всю глотку кукарекаю. А у меня это здорово получается! Недаром же бабушка шутила, дескать, зачем петуха во дворе держать, если Томка лучше его поёт. Странное дело, Печенег мгновенно замирает. Я отпускаю узду. Он начинает крутить головой, то в одну сторону, то в другую, а потом поворачивает ко мне свою морду, мол, что это было?

— Ладно, топай, потом объясню, что к чему. Следующий раз ещё не то услышишь, — смеюсь я, трогая поводья.

Этот случай развеселил моих спутников.

— Не ожидал от тебя такого решения вопроса, — смеётся Ахмед — Интересно, почему он так быстро успокоился?

— А грец его знает! — улыбнулась я, — Но скорее всего он сейчас просто капризничал. Не по его желанию, видите ли, вышло. Не дали порезвиться. Вон намедни Райка, соседка моя, голосила как малахольная, никто успокоить не мог. А мать её, тётка Танька, в сердцах, как грохнет крышкой кастрюли об стол, малявка сразу умолкла. Вот и на Печенега петушиный крик подействовал, как на Райку стук крышки.

— Верно подмечено, — сказал Ахмед, и тут же перешёл на другую тему, — ну, что, где привал будем делать? Может, подадимся в сторону фермы, или у станицы возьмём вправо?

— Погодите, если вправо, то там берега крутые, да и вдоль речки одни каменья. Ноги повыверним, пока ходить по ним будем. — вмешиваюсь я. — Но это куда, ни шло. А чтобы коней на пастбище отвести, придётся крюк дать, и, потом, где дрова для костра брать будите? Если доверитесь, то мне известно одно хорошее местечко. За станицей надо взять влево, там Святой родник берёт начало. А, что? Вода рядом, травка молоденькая — просто объедение!

— Я не всякую ем, — засмеялся Анчок,

— Отвянь, я серьёзно предлагаю, сами потом благодарить будите.

— Согласен. А там можно добыть хворосту, или отсюда захватим?

— Огромной ивы хватит?

— Она сухая?

— Если не успела искупаться в речке до нашего приезда, то сухая.

— Тогда едем.

Ярко светит луна. Ветерок ещё не угомонился, старательно выискивая

место для ночлега. Но у него явно, что-то не срастается. Толи сучья дубов бока покалывают, то ли луна не даёт покоя, навевая приятные воспоминания. Копошась в листве он тяжко вздыхает, гоняя по дороге лунных зайчиков, а те, то носятся как сумасшедшие, то лениво ползают, выискивая что-то. И тут я поймала себя на мысли, что моё вúдение в действительности отражает моё внутренние состояние. Несмотря на внешнее спокойствие, в душе царит Вселенский хаос.

Станица нас встретила тишиной. Но стоило нам только въехать на деревянный мостик, как начался всеобщий собачий переполох. Лаяли псы остервенело,, до хрипоты. На дальней окраине их собратья вначале лениво поддерживали заводил, но постепенно войдя в раж, тоже стали драть свои лужёные глотки.

Сопровождаемые разноголосым хором, мы покидаем станицу. По узенькой тропинке, направляемся к роднику. Подъехав к его истоку, спешиваемся. Рассёдлываем коней и начинаем готовимся к ночёвке.

Анчок, захватив топор, направляется к высохшей иве. Моя обязанность накрыть «скатерть-самобранку». Ахмед, напоив коней, рассёдлывает их, и, отпустив в объятия вечера, присаживается у ручья. Гладя шершавой ладонью студёные воды, начинает что-то нашёптывать им на своём языке.

Происхождение ручья заслуживает особого внимания. Он вышел на свет незадолго до моего рождения, и его появление, кроме, как чудом, назвать нельзя. Место, где он обосновался, сухое, ни намёка на подземные воды, и вдруг….

Как рассказывают старые люди, в тот год выдалась ранняя, засушливая весна, но поздняя Пасха. И надо же такому случиться, что именно накануне вечером, невесть откуда набежали тучи, грозя испортить Светлый праздник. Погрозили, погрозили, да и исполнили, что задумали, — ливнем хлынул дождь, разбудив Перуна. Одна из молний с громким треском ударила за околицей станицы. Старики, каждый на свой лад, пытались разгадать загадку, грозы накануне Пасхи. Одни говорили, что Бог упреждает людей о каре небесной, другие твердили, что это знамение Господне. Но как там, ни было, поутру станичники увидели яркое солнышко и напоенную землю. Ко всему вдобавок, перед хозяевами околицы, предстала старая дымящаяся ива.

Когда любопытные приблизились к ней, то обомлели. Ещё бы! Огромное, в три обхвата дерево, было словно скошено. Высота пенька достигала пояса взрослого человека. Его сердцевина была аккуратно выжжена до самого корня. Стены нерукотворной бочки были толстыми и гладкими. Посмотрели станичники, поохали и разошлись, унося с собою ветки сломанной ивы, до которых были охочи козы, кролики и прочая живность. Ствол тоже разошёлся по дворам на топку печей. Случай с ивой стали забывать. И забыли бы. Но на Святую Троицу она сама напомнила людям о себе. Со дна выгоревшего пенька ударил ключ, да какой! Подобных в округе не наблюдалось. Его только можно было сравнить с тем, что бил в Барсуковой балке.

Новорождённый, не сомневаясь в выбранном пути, резво кинулся в сто-

рону речки. А уж как та обрадовалась нежданному гостю! Давно у неё не было такого болтливого собеседника.

С момента их встречи миновало около двадцати лет, а они по сей день, наговориться не могут. У пня тоже произошли перемены. В тот год, к середине лета, он брызнул в разные стороны тоненькими гибкими побегами. Нежно-зелёные струйки новоявленного фонтана, под своей тяжестью грациозно изогнулись, окунув макушки в разноцветье спелых трав.

У деревьев, как и у людей, — выживает сильнейший. Поэтому, более уверенные побеги вскоре заматерели, а слабые зачахли. Но на этом естественный отбор не закончился. Ещё не один год между ними шла упорная борьба за место под солнцем. Выжило трое. Молодые, крепкие. Как на подбор! Постепенно они превратились в славные деревца, и были удивительно похожи друг на друга. Но вот как поделили пространство над родником, остаётся тайной. Скорее всего, договорились меж собой. Вероятно, не захотели ссориться, а просто взяли, да и переплели свои ветви, образовав над родником густой шатёр.

С самого рождения ключ стал почитаемым в народе. К нему приходили за водой, веря, что она обладает лечебными свойствами. Ведь никто иной, а сам Перун выпустил его на белый свет!

Пока Ахмед разжигал костёр и готовил шашлык, я отправилась вдоль ручья. Отойдя на приличное расстояние, разделась, и, омыв тело ледяной водою, села на траву. Кошки старательно скребли по сердцу. Комок подкатил к горлу. Его никак не удавалось проглотить. Хлюпая носом, размазывая по лицу слёзы, я, сотрясаясь всем телом, пыталась удержать рвущиеся наружу рыдания, понимая, — всё, что меня сейчас окружает, вижу в последний раз. Послезавтра всё изменится, всё будет по-другому. Хрупкий сосуд детства разобьётся, оставив в сердце осколки памяти. В глубине души я знала, что не скоро, ох, как не скоро, я смогу посетить родные могилы. Долгие годы не увижу ярких звёзд, не услышу песнь родника и говор быстрой речки. Уже никогда мне не доведётся посидеть с друзьями у костра, вдыхая аромат печёной картошки, попутно слушая добродушное фырканье коней. Уже никогда мы с Печенегом не сможем попытаться обогнать ветер. Послезавтра нас ждёт разлука. Утром мне предстоит проводить его в дальнюю дорогу к другому хозяину, а вечером умчит меня поезд во взрослую жизнь. Туда, где царят белые ночи, а изогнутые мосты цепко держат гранитные берега, не давая им разбежаться в разные стороны. Где золотой купол Иссакиевского собора с высоты птичьего полёта похож на солнышко. Где шпиль Петропавловской крепости пронзает синюю высь....

За окном вагона в последний раз промелькнёт малая Родина, по просторам которой останется бродить моё босоногое неприкаянное детство....

Одно радует, — председатель продал Печенега в хорошие руки....

Ольга Немыкина

В ГАЛАКТИЧЕСКИЕ ДАЛИ…

СОН НА ДВОИХ

Между небом и землёю
Я столкнулась вдруг с тобою –
Легкокрыла.
И тебе, в свою дорогу,
Полететь навстречу Богу
Предложила. –

В галактические дали
Безоглядно улетали,
Им ведомы...
В золотом потоке света
Мы спешили за ответом:
Где мы? Кто мы?

И отыскивая мысли,
Что в пространстве сна повисли
Откровеньем,
Понимали, что дорога –
Это Истина и Бого-наполненье!..

Немыкина Ольга Владимировна, член Союза писателей России (2014 г.), поэт, родилась в 1962 году в селе Заплавном Волгоградской области. Окончила Тихорецкий техникум железнодорожного транспорта.

Писать стихи начала в возрасте десяти лет. Первая публикация — стихотворение «Разговор с рябиной», появилась в 1984 году в тихорецкой газете «Ленинский путь». Два года являлась слушателем литературных семинаров при Ростовском Союзе писателей России. В 2012 г. стала кандидатом в СПР, а в октябре 2014 г. была принята в Союз писателей России.

Живёт и работает в г. Тихорецке Краснодарского края.

ЗАЙДИ В МОЁ СЕРДЦЕ…

Зайди в моё сердце – без стука:
там место найдётся
Для тех, кому нужно
участье моё и тепло...
Услышь, как оно так легко и
восторженно бьётся;
Смотри, как уютно в нём,
как бесконечно светло!

Оно – словно маленький домик
с горячим камином.
У кресла на столике ручка
лежит и блокнот…
И ветер не страшен, что
гнёт за окошком калину,
Фальшиво играя, как старый
осипший фагот.

Войди в моё сердце, когда
одолеют печали,
И слушай мелодию дома...
Тебе ли не знать,
Что искренне другу предложат здесь
чашечку чая,
Жилетку для слёз, да заплатку,
чтоб раны латать.

РАСТЕКЛАСЬ НАДО МНОЙ СИНЬ…

Я упала в сухой стог
(Растеклась надо мной синь!..)
И прошу у Земли в долг
Жар любви и её стынь, –
Силу, ту, что хранит степь,
Где когда-то прошла рать...
Я займу у Земли крепь.
…Всемогущею чтоб стать?
Попросила всего впрок,
Чтоб хватило на весь век...
И по жилам потёк ток
Мощью сотен больших рек.
Мне подумалось: я – Бог.
В кулаке у меня мир. –

Не хочу возвращать долг!
Не хочу! И горой пир!..
Разбудила меня рань, –
Уползал под кусты мрак…
…И решила: душа – дрянь,
Если ей хорошо *так.*

ПРОСТО…

Может, силы твои дремлют…
Где, Создатель, твой свет горний? –
Без тебя не согреть Землю,
На которой идут войны.
Ты почувствуй: она, Отче,
Замерзать, как душа, стала.
Дай тепла ей, прошу очень! –
Людям здесь так тепла мало.
Ты же видишь – Земле больно.
Без тебя ей не жить просто. –
Помоги победить войны…
Помоги сохранить вёсны!
Слышишь, бьются сердца глуше,
И планета сильней стонет...
Мы сумеем спасти души. –
Это сделать, поверь, стоит!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Подобие колючего ерша,
Промёрзшая насквозь до крайней точки, –
В последние февральские денёчки
Моя отогревается душа.
Не потому, что солнце горячей,
И дольше день. Конец зимы – не лето…
Да просто сердце радостью согрето
Лишь оттого, что вдруг запел ручей.
Неумолимо близится весна –
Я чувствую в себе сокодвиженье!
И в жизнь свершаю новое вторженье,
Любви и сил до краешка полна…

К юбилею писательницы

Надежда Васильева

«ХОХОЛ»

Рассказ

Митрич заворочался на постели, пружинный матрас его железной кровати недовольно заскрипел. В голове противно шумело, будто всю ночь плыл на корабле в штормовую погоду. Эх, и перебрали они с братцем вчера! Оторвал опухшее лицо от подушки, зыркнул на брата Василия с какой-то досадой. Тот беспечно похрапывал, неуклюже свесив голову с раскладушки. Митрич тяжело вздохнул.

Всегда на второй день после его приезда какой-то тошнотворный осадок на душе. Не от выпивки. Закусь дочка всегда готовит отменную: и перцы нафарширует, и мяса нажарит, и салатов разных настругает. Хозяйство своё — в праздник столы от снеди ломятся. И в Питер братца отправит не с пустыми сумками. Кролика зарежет, масла своего, творога, овощей… — всего надаёт. У них, в городе, разве будет ложка в сметане стоять?! Пьют молоко из порошка. Умные кошки от такого молока морды воротят. Послушаешь передачи по телевизору — в магазины ходить перестанешь. В колбасе одна туалетная бумага со вкусовыми добавками. Мороженое — из грязного пальмового масла. И никому никакого дела. Ни над чем контроля нет. Травят

Васильева Надежда Борисовна, член Союза российских писателей, автор десяти книг, вышедших в издательствах «Карелия» и «Донской писатель»: «Живой души потемки» (1992г), «Судите сами» (1998 г), «Под созвездием Кассиопея» (2004 г), «Етишкина жизнь!…» (2006 г), «По прозвищу Гуманоид…» (2007 г), «Про Стасика, Дашу и бабушку Машу» (2007 г), «Ральф в гостях у Кристи» (2008 г), «Сказ об эльфийской принцессе» (2010 г), «Жили-были…» (2011г).

Повести и рассказы Надежды Васильевой печатались в региональных журналах: «ДОН_новый», «Север», «Карелия», «Кипиня», «День и Ночь», «Двина», в литературно-художественном альманахе Юга России «Дон и Кубань», в сборнике рассказов «Святочные рассказы. XXI век», в московских журналах: «Мы», «Крылья», «Кукумбер», «Семейное чтение», «Москва», в антологии писателей стран Баренц-региона, изданной на шести языках северных стран, в антологии современной русской прозы и поэзии «Лёд и пламень» (Москва, 2009г) и в антологии русской детской литературы Карелии «Я вам утро подарю» (2009г).

Живёт и работает в г. Петрозаводске.

нашего брата — ни стыда, ни совести. Их-то семья живёт, считай, натуральным хозяйством. В магазин ходят редко: за солью, сахаром да хлебом. Масло подсолнечное зятёк, Николай с Украины от родителей привозит. Ох, и вкусное! Сами делают.

Но от мыслей о семейном достатке на душе легче не стало. Будто дикие кошки в неё когтями впились. С чего бы это? Стал вспоминать о чём вчера со старшим братом хмельной разговор вели. И кровь ударила в голову, замутило, затошнило, да так, что свет белый не мил. Братец-то всё на зятя Николая, тянул. Его ли дело?! Хотя и сам-то он, Митрич, хорош гусь, тоже «подвякивал», какие-то свои мелкие обиды вспоминать принялся. Да всё виной тому брат Васька! Иезуит долбанный! Вечно всякую муть со дна души поднять вынудит! А самогонка — это тебе не водка. К тому же, пили не из рюмок, из гранёных стаканов, не за привычное: «за тя, за мя», а высокопарно: «За русский Дух!». И с пьяного языка стали срываться какие-то невысказанные доселе претензии. По трезвому делу всегда смело гнал прочь из головы все эти пакостные мыслишки. Да, видно, сумели затаиться в тёмных уголках души. И вот на тебе — ожили, зашевелились, выползли на белый свет. Братец хватал их так ловко, как ловит голодный пёс брошенную ему со стола кость. И подначивал, подзуживал, тащил за язык.

Зятька своего Митрич, вообще-то, уважал. Хозяйственный, к земле приучен. Сватов своих, правда, никогда в глаза не видел. Те жили где-то под Винницей. Дочка Варька с семьёй ездила на Украину раз в год в отпуск. Не обижалась. Принимали хорошо. Да и что говорить, не худая девка, всем взяла. Красивая, дородная, всё у неё в руках горит. И характером покладистая. Живут с мужем душа в душу, уж сколько лет. Общей дочери Настёне двенадцатый год пошёл. Вся в отца. Круглая отличница. От школы в Артек путёвку дали. А Варькиному сыну Максиму уж скоро пятнадцать. Он зятька папой зовёт. Замужем дочка не была. Как старухи шептались «в подоле принесла». Николай любил мальчишку, как родного. И за это он, Митрич, особо зятька ценил, хоть, если честно признаться, не всё и не всегда в нём нравилось. Были моменты. Но лишь бы дочке люб был. И он многое зятьку прощал, понимая, что трудно мужику в примаках ходить.

Приехал в их посёлок Николай сразу после армии, в леспромхоз на заработки. С Варькой снюхались. Да так здесь и остался. Стали все вместе в доме Митрича жить. Дом большой: трёхкомнатный, с верандой, кладовками, подсобным хозяйством. Во дворе и корова, и нетель, кролики, куры, поросёнок. Куда как с добром! Однако после смерти жены самого здоровье подводить стало. Дочка с зятем всё хозяйство на себя взвалили. Справляются. Николай — парень хваткий. Так и «мякитит», где бы деньгу сшибить, лентяем не назовёшь. Когда леспромхоз развалили, «Камаз» с погрузчиком купил, в частную фирму работать устроился. Всё больше по командировкам. Приезжает домой только на выходные. И, надо должное отдать, сложа руки не сидит. Баню, вон, новую срубили. Во всех делах толк знает. Да больно рано себя хозяином считать стал. Заматерел, конечно. Плечи в дверной проём едва проходят. Вот и стало мниться Митричу, что смотрит на него зятёк свысока. Потому и задели Васькины слова: «Что этот хохол у тебя по дому хозяином

ходит?» Значит, не показалось. Стал к зятьку присматриваться. Когда пошли гостю баню показывать, зятёк от гордости аж зарозовел весь. И нос выше обычного задрал. «Вагонку я по дешёвке достал. Полы решил бетонными оставить, с деревянными решётками поверху. А в углу душ хочу сделать…» И всё, значит, «Я» да «Я». А он, Митрич, стало быть, не причём! И брёвна не рубил, и печку не клал, и полы не бетонировал... До женитьбы зятёк не таким был. Тише воды, ниже травы. Всё с улыбкой тестю в рот заглядывал. А теперь вот — на-ка те!

Брат смачно зевнул, потянулся, открыл глаза, привстал на локтях:

— Время сколько? Ты чего такой смурной? Болит что?

Митрич отвернулся лицом к стене.

— Хорошо мы с тобой вчера, братец, посидели. Вот только не помню, кто нас спать укладывал? Варька, что ли? — Покачал головой. — Не должно быть. Она ведь скотину обряжала. Надо Максимку спросить. Он — ещё тот шнырок! Всё видит, всё слышит, всё знает.

Сказал, и будто притянул мыслью внука. Тот просунул лохматую голову в дверной проём и сморщил нос.

— Ну, деды, и аромат в вашей почивальне! Чиркни спичкой — синим огнём полыхнёт.

— Иди-ка сюда, — поманил внука пальцем Митрич.

Тот, притворно зажав ладонью нос, проскользнул в комнату.

— Чего?

— Батя-то дома?

— На дворе. Мамке помогает. А что?

— Драки-то вчера не было? — захохотал братец. Митрич швырнул в него подушкой.

— Заткнись! Без тебя тошно! — и, обращаясь уже к внуку, пробормотал: — Чего мы там вчера? — и затаил дыхание в ожидании ответа.

— Папку бить собрались! — и ткнул в сторону гостя пальцем. — Ты, дядь Вась, подстрекатель! Давай, говоришь, пойдём хохлу морду набьём! — кривлялся Максимка.

— Ладно тебе кривляться-то! — пристрожил дед и заворчал на внука. — Ну, а дальше-то что? Говори, не тяни душу!

В глазах у Максимки вновь забегали смешинки.

— Папка спал уже. Вы дверь в его комнату рванули. Но через порог перешагнуть не смогли, упали друг на дружку. — Внук больше не мог сдерживать смех. Аж за живот схватился. — На этом поединок и закончился. Ой, не могу! Умора!

— Ну, а хохол что? — продолжал пытать Максимку братец.

— А папка вас разом обеих взял под мышки и в эту комнату отнёс, спать уложил.

— Хитрый, гад! — снова смачно зевнул братец. — Все они, хохлы, такие!

— Заткнись ты! — гаркнул на него Митрич. — Наберись ума! Что при внуке городишь?!

Максимка понимающе ухмыльнулся и удалился. А братец продолжал разглагольствовать.

— А что, неправду говорю? Смотрю, зятёк твой хвост распушил. Быстро всё и всех под себя подмял. Умеют они, хохлы, на верхний шесток прыгнуть и ку-ка-ре-ку кричать. Вон и мою, бывшую, возьми. Тёщенька моя, бендеровка, как погостить приедет, меня иначе, как «чоловик» и не называла. Будто имени у меня не было. Взглядом ненавистным так всего и исколет. А лопотать что по-хохляцки начнёт — так слюной и брызжет, и всё в мою сторону. А жёнушка, хитрюга, при своих-то двух малых детях с директором спуталась. И сколько лет меня обманывала. После развода в свою Хохляндию с любовником укатила. А он год назад крякнул. Так она меня в Питере отыскала. И снова мне жизнь сломала, из-за неё ведь с Люськой разошлись.

Митрич вскинул на брата удивлённый взгляд.

— Это как?!

— Да так! Думаешь, я к тебе просто так приехал? Выгнала меня Люська.

— А говорил, что хорошо живёте…

— Не врал, жили хорошо. Пока хохлушка моя не объявилась. Подъехала ко мне, подмазалась, стала умолять дочек в Люськиной квартире прописать, мол, им учиться надо, в ВУЗы поступать. Ну, я и попался на этот крючок. Дочек повидать захотелось. Стал Люську уговаривать: и по-хорошему, и по-плохому. Она поняла, что дело керосином пахнет, мне чемодан со шмутками собрала. Вот, говорит, Бог, а вот порог. Вот так-то! Так что мне эти хохлы, как красная тряпка для быка! Телевизор смотришь, так знаешь, что они в Донецке да в Луганске творят.

Братец замолк, сузив глаза, что-то напряжённо вспоминал. Митрич озадаченно поскоблил затылок своей заскорузлой пятернёй.

— Ну, дела-а-а!

— А ты как думал?! — всё больше распалялся Василий, выкатив на Митрича от злости налившиеся кровью глаза. — Я этих хохлов на дух не выношу! Они нас всех «москалями» дразнят. Посуди сам: где мы? А где Москва? Короче, без жилья я теперь. Прикатил вот в родные края. Дома, говорят, и стены помогают. В посёлке оставаться не хочу. Может, кто в соседней деревне на постой пустит… Руки-то у меня хорошие, землю люблю. Не курю, водкой часто не балуюсь. Только вот у тебя, «на халяву»! — и захохотал, задвигал кадыком, будто поршень у него под кожей заработал.

Митричу стало не по себе. Что он всех хохлов под одну гребёнку гребёт? В каждой нации хоть одна да паршивая овца найдётся. И в том, что мы с Украиной «на ножах», простых ли людей вина? Недаром ведь говорится: «Баре ссорятся, а у холопов чубы трещат».

А братец всё успокоиться не может:

— Вот и зятёк твой, того же замеса! Обдерёт тебя, как липку. Занеможешь — в дом инвалидов сдаст.

— Типун тебе на язык! Что разошёлся?! Я и рад, что зятёк в хозяйство вошёл. Что с меня теперь? Еле по дому колыхаюсь, самому до себя. В прошлом году лёгкие застудил, от воспаления в лёжку лежал. Зятёк меня и в больницу, и из больницы на руках выносил. Всю зиму меня с дочкой выхаживали. Так что ты это брось!.. Ничего худого он мне не делал.

Входная дверь скрипнула. Слышно было, как в кухню вошли дочь с зятем.

— Максимка! Буди-ка дедов, завтракать пора! — с порога громко распорядилась Варька. — Парным молоком отпаивать буду, нацистов этих, доморощенных.

— Их молоком не поправишь, бутылку ставь! — усмехнулся зятёк и велел Максимке: — Притащи-ка с веранды банку с малосольными огурцами. — А сам открыл холодильник. Дух мороженого сала с чесноком защекотал ноздри. Братец вожделенно чихнул. Митрич тоже утёр нос кулаком.

К столу вышли, шатаясь, бессильно плюхнулись на табуретки. Взглянуть в глаза зятю стеснялись. А тот уже наливал в рюмки. С лукавой улыбкой произнёс:

— Ну что, отцы, мировую?

Чокнулись молча. А что тут скажешь? Глотнули. Но кусок в горло не лез. Зять налил по второй. Но сам не пил.

— Ты, Коль, выпей! На нас, дураков старых, обиды не держи. От водки дерьмо полезло… — глухо выдавил из себя Митрич.

— Да что ты, батя?! И в голове не держу. Понимаю. Мне просто за руль сегодня, а то бы поддержал компанию.

— А-а-а! — протянул Митрич. А Максимка, глядя на них, сотрясался от беззвучного смеха. Митрич шутливо двинул ему по затылку.

— Хорошо-о-о! — блаженно протянул братец, потирая ладонью свою петушиную грудь. — Чувствую, как лицо само расправляется, расправляется...

— Кто тебе это сказал, дядь Вась?! — съязвив, фыркнула в кулак Варька.

Братец принял подколку, довольно захохотал:

— Хороший ты мужик, Колька, хоть и хохол! И вчерась, вон, нами не побрезговал, спать уложил. Давай плохое вспоминать не будем. Как в той пословице: кто старое помянет — тому глаз вон!

Над столом нависла миролюбивая тишина. И дела ей не было ни до «москалей», ни до «хохлов». Только на экране телевизора всё ещё мелькали чьи-то разгорячённые лица. Но мудрая Варька, как всегда, вовремя выключила нагнетающий страсти ящик. Экран благополучно погас. И стало слышно, как клацают о тарелки вилки и, ласково мурлыча, трётся о ноги Митрича рыжий котёнок да переводит дух Максимка, напившись досыта парного молока.

Борис Орлов

БУГИ-ВУГИ, ТИТИ-МИТИ…

***

Дымим, как паровозы… Пьём до дна…
Со всех сторон нахлынули невзгоды.
Одна страна. И нация одна.
Но поколенья – разные народы.

Доверчивость ушла. Нахлынул страх.
Похожа жизнь на тараканьи гонки. –
Мы заблудились в рыночных делах,
Как в людоедских джунглях Амазонки…

***

Бранят Христа. Бранят Пилата.
Бранят и Кремль, и Божий храм…
Свободу тела и разврата
Телеэкран внушает нам.

Не труд в почёте, а халява.
Мы отдалились от сохи.
Но жизнь Господь даёт, а дьявол –
Нам предлагает впасть в грехи.

***

Я помню с детства теоремы,
Хотя не вспомню утром сна. –

Орлов Борис Александрович, член СП России, поэт, председатель Санкт-Петербургского регионального отделения Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России. Постоянный автор журналв «ДОН_новый».

Живёт и работает в Санкт-Петербурге.

С короткой памятью проблемы,
А память долгая – ясна.

Играют в наших чувствах ловко
Телеэкран и микрофон.
И наша жизнь − не стометровка,
А долгий трудный марафон…

***

В чём польза и в чём вред?
Проступит между строк
У атеистов – Фрейд,
У праведников – Бог.

Жизнь ёмка, словно клип.
В ней видим сквозь века
У праведников – нимб,
У грешников – рога.

***

Кто в барабан стучит, кто – в бубен:
Вокруг страны – чужая рать.
Мы – тигры. Мы свободу любим.
И в клетке нас не удержать.

Мы − тигры, а не колорады,
Мы – гвардия, где честь и долг
Всего превыше... Мы – не стадо!
И запаслись свободой – впрок.

***

Алексею Любомудрову

Твердили «Где нас нет…» про красоту мне…
Да, оценил я эту «красоту»!
И побывал в Париже. И не умер. –
Нахальный негр мочился на мосту.

И рококо я видел, и барокко.
И пил в кафе коньяк и кальвадос…
Там всё не так, как в песнях, – однобоко.
А покурить − широкий выбор… доз.

Меньшúнства. – И немало «чёрной расы»…
Уют в отеле, в сердце неуют. –
И лесбиянки там, и педерасты
Среди хиджабов во дворах снуют.

Я не плюгавый стихотворный нытик! –
Сажусь в автомобиль и на коня…
В Париже вы меня не хороните. –
Мать ждёт на сельском кладбище меня.

***

Хитроумные халдеи,
Русский – не бездельник!
Дайте русскому идею –
И не надо денег.

Буги-вуги, тити-мити…
Жизнь кружит в астрале.
Вы идею ту верните,
Что у нас украли.

***

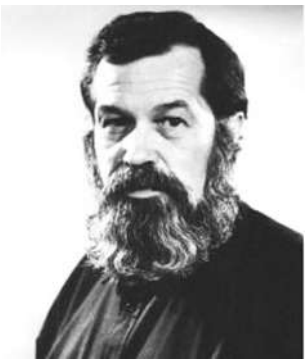
…И строить храм, и птиц кормить,
И жить, людей любя.
Россию надо отмолить,
И отмолить себя!

***

Спят облака, трава, листва и крыши.
Уснул на дачах поздний скрип дверей…
Такая тишина, что даже слышно,
Как падают пушинки с тополей.

В цветочном сне сады беззвучно дышат.
Всё замерло под сумрачной луной. –
Такая тишина, что даже слышно
Мне ангелов, поющих надо мной…

Николай Коняев



КИММЕРИЙСКАЯ РУСЬ

Главы из книги «Кочевые империи»

«Народы от имен не начинаются, но имена народам даются».

М.В. Ломоносов

«Все европейские преславнейшие историки, сколько бы о русской истории ни трудились, о многих древностях правильно знать и сказать без изучения наших не могут; например, о прославившихся в здешних странах в древности народах, таких как амазоны, аланы, гуны, овары, кимбры и киммерийцы, так же о всех скифах, сарматах и славянах, их роде, начале, древних жилищах и прохождениях, о славных в древности великих городах и областях исседонов, есседонов, аргипеев, команов и пр., где они были и как ныне зовутся, нисколько не знают, разве от истории русской изъяснённой неоспоримую истину обрести могут.

В.Н. Татищев

Глава первая
Киммерийские сумерки

Костёр мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.

Николай Михайлович Коняев родился 25 августа 1949 в посёлке Вознесенье Ленинградской области, русский писатель, секретарь Правления Союза писателей России. Председатель Православного общества писателей Санкт-Петербурга.

Живёт и работает в Санкт-Петербурге.

В гранитах скал – надломленные крылья.
Под бременем холмов – изогнутый хребет.
Земли отверженной – застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!
(Максимилиан Волошин)

Кто бывал в Ереване, тот в ясную погоду мог видеть белоснежную вершину Арарата, к которой после Всемирного потопа в 3269 году до нашей эры пристал Ноев ковчег.

В предисловии мы уже отмечали, что Кавказ с его Армянским нагорьем примыкает к полосе степей, в которых рождались великие евразийские империи, превратившиеся за несколько тысячелетий в страну, которую называли то империей Чингис-хана, то Российской империей, то СССР...

Если же мы вспомним, что Армения, хотя она и является сейчас независимым государством, на протяжении предыдущего тысячелетия входила и в состав империи Чингис-хана, а затем и в Российскую, и Советскую империи, это соседство приобретает символическое значение.

Получается, что территория нашей страны примыкает к одной из важнейших точек библейской истории, от которой начинается отсчёт истории человечества после Всемирного Потопа, но при этом остаётся чуть в стороне от неё...

Существует предание, что в августе 1916 года русский авиатор Владимир Росковицкий, исследовавший турецкую границу, оказался над Араратом и увидел в восточной части покрытой снегом вершины замёрзшее озеро.

На краю этого озера вмёрз в лёд каркас гигантского корабля. Бока его проступали изо льда и в некоторых местах были повреждены. Кроме того, видна была одна из створок двери.

Когда Росковицкий объявил начальству о своём открытии, император Николай II приказал отправить на Арарат казённую экспедицию. К сожалению, все обмеры и фотографии ковчега, а также собранные образцы погибли во время революции ...

1

В соответствии с научными представлениями последняя ледниковая эпоха, сформировавшая ландшафт и климат нашей страны, закончилась между 15 000 и 10 000 годами до нашей эры.

Ледники разделили континенты и прочертили реки...

Шла Божья работа...

Согласно Библии это время относится к Дням Творения или к тому Времени, постичь которое человек не может, хотя бы уже потому, что его тогда ещё не было, и протекавшие события никак не соизмеряются с ним.

Человеческое время начинается в Библии согласно Константинопольскому счету 21 марта 5508 года до нашей эры, хотя впоследствии начало истории и сместили на 1 сентября 5509 года.

У ватиканских историков, которые отсчёт выстраивали не по Септуагинте,

а по Вульгате , времени от Сотворения мира прошло меньше, но основные события истории по их подсчётам приблизительно совпадают с византийской хронологией.

Из этих пятидесяти пяти веков дохристианского времени два с четвертью тысячелетия занимает допотопная истории человечества.

Сюда вместилось и изгнание Адама из Рая, и убийство Каином первенца Адама — Авеля.

«И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?»...

И пошёл Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема.

И чрезвычайно умножился его род, и заполнили каиниты обширные земли и создали города.

И тогда снова «познал Адам жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф», потому что, говорила она, Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин.

Но и рождение Сифа не предотвратило распространения зла. Считается, что оно только усилилось в результате смешения между собой потомков Каина и Сифа.

«В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди.

И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своём»...

В принципе, всё это не противоречит археологическим раскопкам и тем многочисленным артефактам, которые выявлены и продолжают выявляться в различных уголках Земли...

Более того...

В двадцать два допотопных века Библии при желании можно уместить предания об Атлантиде, Гиперборее и других утраченных цивилизациях, что будоражили и продолжают будоражить умы людей на протяжении всех послепотопных тысячелетий.

Трудно определить, что является в древних преданиях вымыслом, а что было на самом деле, но, видимо, потому и оказались утрачены эти цивилизации, что велико было «развращение человеков на земле», а «все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время».

И вот тогда *«воды потопа пришли на землю.*

В шестисотый год жизни Ноя, разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей.

И вошли в ковчег Ной, и Сим, Хам и Иафет, сыновья Ноевы, и жена Ноева, и три жены сынов его с ними.

И все звери по роду их, и всякий скот, и все гады, пресмыкающиеся по земле, и все летающие, все птицы, все крылатые, тоже вошли к Ною в ковчег...

И продолжалось на земле наводнение сорок дней, и умножилась вода, и подняла ковчег, и он возвысился над землею; вода же усиливалась и весьма умножалась на земле, и ковчег плавал по поверхности вод...

Но пришёл срок и иссякла вода на земле...

И устроил Ной жертвенник Господу; и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых и принёс во всесожжение на жертвеннике.

«И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь в сердце Своём: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал: впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» .

Так началась послепотопная история человечества.

2

Ной после плавания на ковчеге прожил ещё 350 лет и умер, не дожив всего полвека до своего тысячелетия.

Считается, что от сыновей его и произошло потомство, которое заново заселило Землю.

Потомки Сима — семиты поселились на Аравийском полуострове с прилегающими к нему странами.

Потомки Хама — хамиты ушли в Африку.

Потомки Иафета — иафетиты заселили южную часть Европы и Среднюю Азию, где, как сообщает, например, епископ Вениамин (Пушкарь) в «Священной Библейской истории Ветхого Завета», образовали Арийское царство.

Более подробно эту версию расселения потомков Иафета излагает в книге «Библия и наука» геолог и богослов, протоиерей Стефан Ляшевский. По его соображениям, иафетиты образовали пять великих племён, от которых впоследствии произошли европейские романо-германо-славянские народы. Шестая великая их ветвь — греческая — отделившись по пути шествия в Европу, заселила Элладу и её острова, распространяясь из Малой Азии, а не наоборот, как обычно думают.

Можно напомнить тут, что многие исследователи отождествляют Иафета с персонажем греческой мифологии — титаном Иапетом, отцом Атланта и Прометея. Иапет участвовал в титаномахии и был сброшен Зевсом в Тартар.

Другие авторы, пытающиеся воссоздать арийскую историю в зыбком тумане языковых — словом «арья» обозначали себя индоиранские племена и от этого слова происходят и Арйана, и Эран, и Иран! — созвучий, располагают прародину европейцев то в Индии, то в южной части Туркестана, то в арктических широтах, на занятых Российскими Северами берегах Северного Ледовитого океана...

Эти работы базируются в основном на созвучии имён и географических названий, и повествуется в них, как после землетрясений, смыкающих ущелья и поглощающих города, после наводнений и оледенений, вызванных как земными, так и инопланетными катаклизмами, арийцы покинули прародину и отправились, как это и описано в Ведах — слово «арья» в позднейшем санскрите приобрело значение «благородный», «благороднорожденный»,

хотя первоначально обозначало «гостеприимца»! — в Индию, чтобы уже оттуда распространиться по всему миру народами, принадлежащими к группе индоевропейских языков .

Опровергнуть подобные утверждения столь же трудно, как и доказать их справедливость, поскольку рождаются они в зыбких сумерках полупрозрений-полудогадок, в неясном звучании разносящихся над оледенелыми берегами и выжженными пустынями названий.

И так же очевидно, что даже самые причудливые из перечисленных теорий не вступают в противоречие с Библейской историей.

Из так называемой «Таблицы народов», помещённой в Библии, явствует, что у сынов Ноя Сима, Хама и Иафета после потопа родились дети, от которых *«населились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих»*.

У Иафета, потомки которого заселили Среднюю Азию и южную часть Европы, было семь сыновей — Гомер , Магог, Мадай, Иаван, [Елиса,] Фувал, Мешех и Фирас.

И это от них, как сказано в Библии, *«распространились народы на земле после потопа»*.

От Гомера, сына Иафета и внука Ноя и произошли киммерийцы — древнейший известный науке народ, населявший территорию современной России.

В Библии этот народ назван народом гомер, который в аккадской клинописи записывается, как Gimirrai, а у греческих авторов превратился в киммерийцев (Κιμμέρισι или Κίμμερσι).

3

Археологи, более чем на Библию, полагающиеся на память земли, склонны связывать киммерийцев, населявших степи Северного Причерноморья, а также Поволжье, со срубной культурой бронзового века.

Это археологическая культура развитого бронзового века (вторая половина II – начало I тысячелетия до нашей эры) получила название по характерным бревенчатым сооружениям в могилах, и была распространена в степной и лесостепной зонах Европейской части России и Украины. Сохранились от неё курганные кладбища и клады металлических изделий. Некоторые исследователи склонны видеть в племенах срубной культуры древнейших иранцев или же, говоря более широко, общих предков всех ариев.

«Твёрдое, научно обоснованное отождествление всей срубной культуры с киммерийцами мифического и исторического периода стало возможным и убедительным лишь в наше время, — писал в книге «Киммерийцы» археолог Алексей Иванович Тереножкин. — *Срубная культура бронзового века и начала железа, как она раскрывается перед нами в свете современных достижений археологии, вводит нас в глубочайшее прошлое истории киммерийских племен. В соответствии с этим господство киммерийцев на юге Европейской части СССР должно было продолжаться с середины II тысячелетия до VII века до нашей эры, то есть в течение почти тысячелетия»*.

Согласно его предложению, в культуре «киммерийцев» выделяются несколько хронологических периодов, названных им ступенями.

Первый период — раннесрубная культура XVI – XIV веков до нашей эры. Родиной её было Нижнее Поволжье, и занимались здесь «срубники» и скотоводством, и земледелием. Считается, что киммерийские поселения растягивались тогда вдоль рек на несколько километров...

Сабатиновская ступень, продолжавшаяся с XIV до XII века до нашей эры, отмечена уже значительным ростом производительных сил. О высоком уровне бронзолитейного дела киммерийцев-срубников свидетельствуют великолепные клёпаные или комбинированные клёпано-литые котлы так называемого киммерийского типа, а так же бронзовое оружие и серпы.

VIII век и первая половина VII века до нашей эры названы черногоровской ступенью по кургану у хутора Черногоровский на Украине. Это уже переход в железный век, и характерно, что киммерийские кинжалы и мечи, изготовлявшиеся из железа и стали, получают всеобщее распространение.

«Можно сказать даже, что на территориях, куда достигали эти кинжалы, распространялось и железо как новый и более совершенный материал для изготовления предметов вооружения и орудий труда, — отмечал А.И. Тереножкин. — *Такое наблюдение точно подтверждается материалами кобанской культуры на Северном Кавказе и в Средней Европе».*

Окончательно железный век наступил для киммерийцев в позднейший предскифский период их истории, названный новочеркасской ступенью, по имени Новочеркасска, возле которого был найден клад киммерийских предметов.

Новочеркасские находки позволяют уверенно говорить, что в производстве орудий и предметов вооружения из железа киммерийцы значительно опережали своих соседей. Об этом свидетельствуют и следы найденных на Донбассе шахт и литейных мастерских.

Изначально, как мы и отмечали, киммерийцы совмещали скотоводство с земледелием. Однако логика развития табунного коневодства вела к отказу от оседлого быта и переходу к кочевому скотоводству. Трудно было отказываться от возможности неограниченного использования пастбищ степей, полупустынь и горных лугов...

От оседлого быта остались у киммерийцев зафиксированный греческими авторами старинный киммерийский обычай есть травы, да ещё — остатки городов...

Древнегреческий географ Страбон упоминал о главном городе киммерийцев — Киммерионе, построенном на Таманском полуострове, а римский географ Помпоний Мела называл киммерийскими городами Мирмекий, Пантикапей, Феодосию и Гермисий, относя к киммерийским землям всё восточное побережье Крыма .

4

Сохранились имена всего трёх киммерийских царей — Теушпы, Тугдаммы и его сына Сандаксатра.

Теушпа стоял во главе киммерийцев, вторгшихся в Ассирию, он тогда и погиб около 679 года до нашей эры. Его сменил Тугдамме (Дугдамме — в

ассирийских текстах, Лигдамис — в греческих источниках), умерший в 640 году.

Ещё известен сын Тугдамме — Сандаксатру (Сандакурру, Шандакурру), упомянутый уже после 640 года до нашей эры.

Но все эти цари правили во времена похода в Переднюю Азию, а до этого, похоже, царская власть у киммерийцев была просто почётной обязанностью.

Действительно, судя по срубным захоронениям, основная масса которых отличается предельной простотой погребального обряда, киммерийское общество было вообще весьма слабо дифференцированно. Только в предскифский период киммерийской истории возникает обычай вкладывать в руки погребаемого человека боевой молоток или топор, тем самым обозначая его сословную принадлежность...

Язык киммерийцев , от которого сохранились только перечисленные нами имена царей, зафиксированные к тому же в ассирийской транскрипции, принадлежал, по мнению большинства учёных, к индоевропейской группе.

Специалист по древним письменностям Востока Игорь Михайлович Дьяконов считал, например, что имя киммерийского царя Сандаксатра аналогично иранскому имени «Артаксеркс» и интерпретировал его как «власть бога Сандона».

Впрочем, и о верованиях киммерийского народа тоже известно немного.

Античные историки или не смогли ничего узнать об этой вере или не сумели понять её смысл...

Считается, что центральное место в киммерийском пантеоне отводилось богу войны и поклонялись киммерийцы Мечу.

Возможно, этот культ напоминал тот, что описан у Геродота:

«В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в три стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырёхугольная площадка; три стороны её отвесны, а с четвёртой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и потому приходится ежегодно наваливать сюда по полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружён древний железный меч.

Это и есть кумир Ареса.

Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже ещё больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом, как скот, а по иному обряду. Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь на верх кучи хвороста и окропляют ею меч.

Кровь они несут наверх, а внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем, после заклания других животных, оканчивают обряд и удаляются. Рука же остается лежать там, где она упала, а труп жертвы лежит отдельно.»

Геродот пишет здесь о поклонении Аресу, богу войны скифов.

Но возможно так же Мечу — своему богу войны! — поклонялись и киммерийцы.

Тем более, что этот бог и ввёл их в мировую историю...

«Царю, моему господину, твой слуга Синахериб. Да будет в благополучии царь, мой господин. В благополучии страна Ассирия. В благополучии — храмы. В благополучии все укреплённые города царя. Да будет сердце царя, моего господина, весьма радостным, — писал царю Саргону II его сын царевич Синахериб в 714 году до н.э. — *Народ уккаи прислал мне известие, говоря: «Когда царь народа Урарту выступил против страны Гамир, его войско подверглось разгрому, он сам и его начальники округов с их контингентами были отброшены назад, его... двое из его начальников округов... пришёл... посадил... кто пришёл... его страны... кто утвердит... Это новости от уккаи.»*

«Начальнику дворца, моему господину, твой слуга Арадсин.

Киммерийцы выступили из области Манна и в страну Урарту они вторглись... Иштардури... вестник наместника города Уези, прибыл к Урзане. Касательно... говоря ... отряды... пусть они придут. Вся страна Урарту крайне испугана относительно (судьбы) населения города Булии и города Сурианы. Они собирают войска, говоря: «Воистину наши силы подобны тростнику, направимся ли мы против него?..»

«Царь умер, народ ассирийский в печали», начальник удалил свою жену из дворца... Они пришли... начальник города Ашшура... страна Гимирраи...»

«Царю стран, моему господину, твой слуга. Да будут Бел, Набу и Шамаш милостивы к царю, моему господину. Когда звезда засияет во время восхода солнца подобно факелу, а на закате поблекнет, вражеская армия совершит жестокое нападение.

Когда южный ветер подымется внезапно и будет продолжать подыматься, превратится в сильный ветер и из сильного ветра вырастет в бурю, настанет день разрушения; властитель, в какой бы поход он ни отправился, обретёт богатство.

Хотя царь послал своим войскам следующий приказ: «Вступайте вглубь страны Манна», все войска да не вступят.

Пусть конница и дакку совершат нападение на киммерийцев, которые сказали, заявляя: «Манна принадлежит вам, мы не вмешивались».

Конечно, это — ложь.

Они — отрасль отверженного. Они не признают ни клятвы именем бога, ни человеческого договора.

Пусть колесницы и грузовые повозки займут позицию на одной стороне прохода; тогда с лошадьми и дакку пусть они вступят и примутся опустошать равнину Манна; и пусть они вернутся к проходу, и пусть они там бивуак... однажды и дважды да вступят они ... опустошили и киммерийцы... они приходят... войска, пусть выступят против городов страны Манна... Белхабу из страны Манна... они хотят. Они хотят перейти в руки царя,

своего господина... на пятнадцатый день месяц появится вместе с солнцем. Это — против них.

Удержишь ли ты стопы киммерийцев далеко от них? Если они приблизятся, разве я не узнаю об их выступлении и каком-либо движении? Я послал сообщение царю, моему господину. Пусть царь царей осведомится у человека, знакомого со страной, и путь царь пошлёт к своим отрядам воинов вдобавок к другим бойцам. Крепость, находящуюся там около врага, должен ты снабдить для самого себя. Пусть во все войска вступят гудудану. Пусть они выступят, и пусть они захватят своих жителей степей, и пусть они разведают, отступит ли Индаруа перед ними. Пусть войска отправятся против их городов. Пусть они низвергнут их...»

Эти голоса, что донесли до нас глиняные таблички с ассирийской клинописью, свидетельствуют о том изумлении, которое охватило три тысячелетия назад древний мир при появлении неведомого им народа...

О «киммерийском выходе» мы ещё будем говорить, пока же скажем, что уже сам факт, когда неведомый никому народ — Гамир, Гимирраи, как называли его ассирийцы! — выходит на арену мировой истории, сокрушая могущественные государства Передней Азии и решительно перекраивая политическую карту, говорит о многом ...

И словно в ответ полустёршемуся глиняному шороху зазвучал из посёлка Тель-Авив на реке Ховар голос томящегося в вавилонском плену пророка Иезекииля:

«И было ко мне слово Господне:

Сын человеческий! обрати лице твоё к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фувала, и изреки на него пророчество и скажи: так говорит Господь Бог: вот, Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала!

И поверну тебя, и вложу удила в челюсти твои, и выведу тебя и всё войско твоё, коней и всадников, всех в полном вооружении, большое полчище, в бронях и со щитами, всех вооружённых мечами,

Персов, Ефиоплян и Ливийцев с ними, всех со щитами и в шлемах

Гомера со всеми отрядами его...»

5

Из более молодых историков на родине киммерийцев почитают Гомера, который весьма красочно описал древнюю Кубань в своей «Одиссее».

Это, конечно, — Гомер рассказывает о стране народа гомер! — исторический каламбур, но заключён в нём, на наш взгляд, и более глубокий смысл...

За двадцать восемь веков, что отделяют нас от создания гомеровских поэм, среди исследователей сложилось устойчивое убеждение, что именно отсюда и начинается идеализация эллинскими писателями евразийских номадов, а некоторые полагают даже, что одним из побуждений для этого, было именно «спасение репутации Гомера» .

Для самого Гомера всё было проще, чем для его исследователей...

Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути,
а судно наше достигло пределов глубокого Океана.
Там народ и город людей киммерийских,
окутанные мглою и тучами; и никогда
сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами
— ни тогда, когда восходит на звёздное небо,
ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле,
но непроглядная ночь распростёрта над жалкими смертными...

Высказываются предположения, что Гомер потому и поместил на Тамани вход в область Аида, поскольку здесь расположены Таманские грязевые вулканы с их клокочущими кратерами, огненными извержениями, дымом, где рядом с кратерами наружу выходила чёрная, ярко горящая нефть...

Объяснение не очень убедительное, поскольку и в хорошо знакомом древним грекам пространстве, можно было обнаружить гораздо более впечатляющие природные диковины, и тут более прав древнегреческий философ-географ Страбон, утверждавший, что *«Гомер, муж некоторым образом многогласный и многоучёный, даёт нам основания полагать, что он прекрасно знал понаслышке даже и эти области, если только мы пожелаем сделать правильный вывод из двух его сообщений об этих областях, как из менее достоверного, так и из более правильного и правдивого».*

Менее правильно сообщение о том, что Тартесс был известен по слухам как «самый крайний пункт на западе», где, как он сам говорит, падает в океан *«...лучезарный пламенник солнца, чёрную ночь навлекая на многоплодящую землю...»*

А то, что ночь зловещая и находится в связи с Аидом, ясно, как и то, что Аид связан с Тартаром. Таким образом, можно предположить, что Гомер, услышав о Тартессе, назвал Тартаром самую отдалённую из областей подземного царства от имени Тартесса и присоединил мифический элемент, оставаясь верным своей поэтической манере.

Точно так же, зная, что киммерийцы обитали в северных и мрачных областях около Боспора, поэт поместил их вблизи Аида, хотя, может быть, он сделал это в силу некоторой неприязни, общей всем ионийцам, к этому племени: действительно, в гомеровские времена или немного раньше, как говорят, произошло вторжение киммерийев в страну вплоть до Эолиды и Ионии.

Никакой неприязни к киммерийцам, как мы это покажем далее, у Гомера не было...

Имеет смысл разобраться и с выражением Страбона, что Гомер «прекрасно знал понаслышке даже и эти области»...

Похвалу эту раздирает внутреннее противоречие «прекрасного знания» и «знания понаслышке».

Но других слов, зная, что сам Гомер едва ли мог быть в мрачных областях Боспора, Страбон не сумел найти, поскольку в своём тексте Гомер обнаруживает гораздо более глубокое знание Киммерии, нежели у учёных мужей, занимавшихся этой темой в последующие столетия.

Действительно, строки:

Там народ и город людей киммерийских,
окутанные мглою и тучами...

— были загадочными уже с самого начала.

Как справедливо отмечает А.И. Иванчик: *«Упоминание «народа и города» киммерийцев ни в коей мере не соответствует общему для античных авторов постгомеровского времени представлению о киммерийцах как номадах, образ жизни которых был знаком грекам благодаря их контактам со скифами Причерноморья»*.

И тем ни менее, оговаривая все эти поправки, следует признать, что насчёт поэтической манеры Гомера, Страбон, безусловно, прав.

Действительно, автор древнего эпоса искал для своих песен не просто подходящий для повествования пейзаж, ему необходимо было само то место, где истончается граница между дневным и иным миром...

И поиск этот происходил не столько рационалистическим путём, сколько мистическими приёмами.

«Именно на Понте Одиссей нашёл место, откуда он вызвал души Ахилла и других умерших и последовал за ними в Аид из страны киммерийцев», — пишет в книге «Скифия глазами эллинов» М. В. Скржинская .

И приводя описание Гомером страны народа гомер, исследовательница отказывается от строго научного перевода и переходит уже на прямую цитату из В.А. Жуковского: *«Скоро пришли мы к глубоко текущим водам Океана; Там киммериян печальная область, покрытая вечно Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет Оку людей там лица лучезарного Гелиос...»*

Сделано это, хотя, быть может, и не осознанно, но не случайно.

Из многочисленных схолий и толкований текста Гомера можно почерпнуть массу ценных подробностей жизни древних киммерийцев, узнать, например, что они натягивали тетиву лука не к груди, а к плечу, выяснить, что о хлебе они вообще не знали, принимая его за навоз, но всё равно Василий Андреевич Жуковский, который, быть может, и не знал обо всех изысканиях античных исследователей, сумел глубже передать в своём переводе столь созвучное его романтической душе ощущение иного у Гомера, которое пропадало в более точных с научной точки зрения переводах.

А пропажа эта весьма существенна.

Собственно говоря, вся поэма Гомера пронизана ощущениями иного, его герой приближается к иному во время своих странствий и в стране народа гомер, на киммерийском берегу, наступает кульминация...

Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Чёрная кровь полилася в неё, и слетелись толпою
Души усопших, из тёмныя бездны Эреба поднявшись:
Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
Дев молодых, о утрате недолгия жизни скорбящих,

Бранных мужей, медноострым копьём поражённых смертельно
В битве и брони, обрызганной кровью, ещё не сложивших.
Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный...

Вот тогда, охваченный «ужасом бледным» Одиссей и призывает «грозного бога Аида и страшную с ним Персефону», а сам, обнажив меч, отгоняет от жертвенной крови тени усопших.

Прежде других предо мною явилась душа Ельпенора;
Бедный, ещё не зарытый, лежал на земле путеносной.
Не был он нами оплакан; ему не свершив погребенья,
В доме Цирцеи его мы оставили: в путь мы спешили.
Слёзы я пролил, увидя его; состраданье мне душу проникло.
Голос возвысив, я мёртвому бросил крылатое слово:
«Скоро же, друг Ельпенор, очутился ты в царстве Аида!
Пеший проворнее был ты, чем мы в корабле быстроходном».

Эльпенор объясняет Одиссею, что он сумел перегнать его быстроходный корабль, когда, напившись вина, заснул на кровле и упал, сломав при этом шею.

«Бросивши труп мой со всеми моими доспехами в пламень,
Холм гробовой надо мною насыпьте близ моря седого;
В памятный знак же о гибели мужа для поздних потомков
В землю на холме моём то весло водрузите, которым
Некогда в жизни, ваш верный товарищ, я волны тревожил»...
Так мы, печально беседуя, друг подле друга сидели,
Я, отгоняющий тени от крови мечом обнажённым,
Он, говорящий со мною, товарища прежнего призрак.
Вдруг подошло, я увидел, ко мне привиденье умершей
Матери милой моей Антиклеи, рождённой великим
Автоликоном, – её меж живыми оставил я дома,
В Трою отплыв. Я заплакал, печаль мне проникнула душу;
Но и её, сколь ни тяжко то было душе, не пустил я
К крови: мне не дал ответа ещё прорицатель Тиресий.

Никаких описаний киммерийских варваров мы не найдём у Гомера, более того, сама страна, к берегу которой пристал корабль Одиссея как бы и не замечается героем, потому что её заслоняет иное.

И это непознаваемое иное, приняв личину сына пастуха Евера и нимфы Харикло, Тиресия, превращает череду необыкновенных, но случайных приключений в эпос.

Нелепо было бы сравнивать «Одиссею» Гомера и растиражированную комиксами, кинофильмами и компьютерными играми сагу Роберта И. Говарда.

Герой её, «с загорелого до черноты лица которого сквозь упавшую на лоб чёрную прядь волос проницательно смотрят голубые глаза», даже и в самых как бы эпических и как бы «киммерийских» ситуациях остаётся всего лишь брутальным персонажем губернатора Калифорнии, воплощающим всю полноту незатейливой американской мечты ...

Тем не менее сравнение это, исходя от противного, помогает понять саму суть гомеровского эпоса.

Иное является Одиссею из Аида, но вход в Аид, а значит и в иное, находится в Киммерии. Это оттуда, из царства мёртвых, поднимается то, что названо у Гомера «вечной темнотой».

Не этим ли обстоятельством и объясняется то, что воспитанные на поэмах Гомера древние греки и много веков спустя называли неясные события «окутанными киммерийской тьмой».

Невероятно трудно проникнуть в этот мрак, но в двадцать первом столетии благодаря трудам археологов и историков, великих русских мыслителей и поэтов, а главное, переплавленному в прозрение труду и неимоверным страданиям народов нашей страны, начала приоткрываться непроницаемая завеса тысячелетий, и в «киммерийской тьме» замерцал пусть и не различаемый ещё, то уже угадываемый душою свет.

Тот свет, который различал в «Киммерийских сумерках» Максимилиан Волошин...

Дитя ночей призывных и пытливых,
Я сам — твои глаза, раскрытые в ночи
К сиянью древних звёзд, таких же сиротливых,
Простёрших в темноту зовущие лучи.

Я сам — уста твои, безгласные как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне.

Киммерийские сумерки — это тот прикровенный сумрак, в который погружены первые послепотопные тысячелетия человечества, и возможно ли проникнуть туда иным путём, кроме того, чтобы самому раствориться в них, пусть хотя бы только в своих стихах, в своих песнях?

6

Георгий Владимирович Вернадский говорил, как трудно восстановить сломанную вазу из фрагментов, среди которых лишь немногие остались невредимыми. *«Из-за широких пробелов трудно поставить на свои места даже те кусочки, которыми мы обладаем...»*

Точно так же, восстанавливая киммерийскую историю, мы сталкиваемся даже там, где сохранилось достаточно много исторических свидетельств, с неразрешимыми проблемами. Что же говорить о веках и тысячелетиях истории, которые вообще скрыты неразличимыми сумерками?

Ведь между относящимися к бронзовому веку археологическими памятниками сабатиновской ступени «киммерийско-срубной» культуры и библейской хронологией — остается разрыв в две тысячи лет!

Чтобы перекрыть этот временной провал, попытаемся предположить, что изначально распространение народа гомер осуществлялось не только в Северном Причерноморье, но шло оно и на Восток.

К этому движению призывала сама степь, протянувшаяся через весь евразийский континент. Донские и приволжские степи превращались в степи Прикаспия и Приуралья и тянулись дальше в Сибирь, пока не упирались в Саянский хребет, но и там они не кончались, а продолжались степями Внутренней Азии, тянущимися до Уссурийской тайги...

Косвенно это движение подтверждается изысканиями уральских археологов, установивших, что на рубеже III – II тысячелетия до нашей эры в связи с аридизацией климата на территорию Южного Урала начали проникать носители индоевропейской (индоиранской) ямной культуры. Тогда на территории степей от реки Урал до реки Ишим сложилась синташтинско-петровская культура, которая датируется XX – XVIII веками до нашей эры.

Именно тогда и возникла знаменитая Страна Городов.

«Можно долго перечислять важные археологические открытия Старого и Нового Света, которые пришлись на ушедшее столетие. Одни из них поражали блеском золота и драгоценностей, другие — принципиальной новизной в осмыслении путей истории, — пишет создатель Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», доктор исторических наук, Геннадий Борисович Зданович. — *К последним — крайне редким событиям науки — относится открытие Аркаима и «Страны городов» в Южном Зауралье на самом пограничье Азии и Европы. Здесь, у восточных склонов Уральских гор была обнаружена группа укреплённых поселений рубежа III – II тыс. до н.э. Укреплённым центрам со-ответствуют могильники, неукреплённые селища, производственные площадки и рудники по добыче медной руды. Укреплённые поселения Южного Урала древнее гомеровской Трои на пять-шесть столетий. Они современники первой династии Вавилона, фараонов Среднего Царства Египта и крито-микенской культуры Средиземноморья. Время их существования соответствует последним векам знаменитой цивилизации Индии — Махенджодаро и Хараппы*».

Раскапывая Аркаим, археологи столкнулись не только с чрезвычайно высоким уровнем хозяйственной культуры — в Аркаиме выплавляли металл и занимались выведением лошадей, пригодных и к запряжке, и к верховой езде! — но и с непостижимым для современного человека непреодолимым стремлением ориентировать свою земную и загробную жизнь в соответствии с небесным устроением.

Уместно вспомнить тут, что во втором тысячелетии до нашей эры, когда строится Аркаим, на всей земле, как сказано в Библии, «был один язык и одно наречие». И так было до тех пор, пока люди на земле Сеннаар, усердствуя в стремлении ориентировать свою земную и загробную жизнь в соответствии с небесным устроением, не решили построить башню, высотою до небес, чтобы «сделать себе имя»...

И тогда сошёл Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.

«И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдём же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город.

Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле».

Считается, что этот библейский рассказ напрямую связан с традицией строительства в древней Месопотамии высоких башен-храмов, называвшихся зиккуратами. Вершины башен служили для отправления религиозных обрядов и астрономических наблюдений...

Нечто подобное мы видим и в Аркаиме.

«Круги Аркаима и Синташты, квадраты Устья и Чекотая — это, безусловно, модели Вселенной, — пишет Г. Б. Зданович. — *Вселенная в представлении индоиранцев повторяла магическую фигуру Мандалы — круг, вписанный в квадрат. Круг — небесное и женское начало, квадрат — земное и мужское. Борьба и единство этих начал отражены не только в планиграфии поселений, но и в погребальной практике аркаимцев».*

Геннадий Борисович Зданович вспоминает, что работая на поселениях «Страны городов», вскрывая тонкими пластами культурный слой, он постоянно ощущал некое смысловое значение каждой археологической детали аркаимского дома. Иногда это значение угадывалось легко, иногда оно так и оставалось непонятным и недоступным сознанию.

Что стоит за погребением грудных детей в полах некоторых жилищ, за грудой палеолитических изделий из кварцита, положенных на возвышении у очага, за кусочками медной руды, лежащих именно у левой стены дома и всегда в одном и том же месте?

Что стоит за многочисленными сожжениями посёлков и столь же многочисленными возвращениями, вероятно, одних и тех же людей, во всяком случае, их соплеменников, которые прекрасно знали планировку дома и заново, безошибочно восстанавливали его до мельчайших деталей?

Вопросов при раскопках Аркаима и других поселений «Страны городов» возникает так много, что некоторые исследователи выдвигают предположения, будто Аркаим являлся родиной Заратустры — автора учения о вечном возвращении...

По времени всё совпадает...

Деятельность Заратустры путём лингвистического анализа «Авесты» — старейшего памятника древнеиранской литературы — датируют как раз к XII – X векам до нашей эры...

Многое совпадает и по духовной сути.

«В отдельных археологических материалах, — пишет архиепископ Константин (Горянов), — *можно проследить зачатки зарождающегося зороастризма, связанные с культом Солнца (отсюда столь распространённое изображение свастики), небесных тел и огня. Вероятно, в этих условиях были рождены и устно зафиксированы древнейшие сюжеты «Авесты» и «Ригведы»* .

Что-то совпадает и по географии...

Перечисляя сотворённые Ахура-Маздой и испорченные духом зла Англа-Майнью страны, «Авеста» называет Арйан Вэджа затем долину Заравшана — Сугду, как бы обозначая движения арийских племён из приуральских степей через Среднюю Азию к Иранскому нагорью.

«Второй из добрых местностей и стран, которые я, Ахура-Мазда, создал, была обжитая область, населённая сугдами. Но смертоносный Англа-Майнью создал там саранчу, которая губит посевы и приносит смерть скоту».

Интересно, что в самом начале XX века Константин Бальмонт, ничего не знавший ни о Стране городов, ни об Аркаиме, ни о предположениях, которые будут выдвигать современные исследователи, написал стихотворение «Скорбь Агурамазды», в котором при желании легко прочитывается и скитальческая судьба арийских племен, и судьба народа гомер, и судьба города Аркаима, и судьба всего человечества...

Я царственный создатель многих стран,
Я светлый бог миров, Агурамазда .
Зачем же лик мой тьмою повторён
И Англамайни встал противовесом?
Я создал земли, полные расцвета,
Но Англамайни, тот, кто весь есть смерть,
Родил змею в воде и в землях зиму.
И десять зим в году, и два лишь лета,
И холодеют воды и деревья,
И худший бич, зима, лежит на всём.
Я создал Сугдху, мирные равнины,
Но Англамайни создал саранчу,
И смерть пришла на хлеб и на животных.
И я, Агурамазда, создал Маргу,
Чтоб в ней царили дни труда и счастья,
Но Англамайни создал зло и грех.
И создал я Нисайю, что за Багдхи,
Чтоб не было в людских сердцах сомненья,
Но Англамайни веру умертвил.
Я создал Урву, пышность тучных пастбищ,

Но Анграмайни гордость людям дал.
Я создал красоту Гараваити,
Но Анграмайни выстроил гроба.
И создал я оплот, святую Кахру,
Но Анграмайни трупы есть велел,
И люди стали есть убитых ими.
И я, Агурамазда, создал много
Других прекрасных стран, Гаэтуманту,
Варэну, и Рангха, и Семиречье,
Но Анграмайни, тот, кто весь есть смерть,
На всё набросил зиму, зиму, зиму.
И много стран, глубоких и прекрасных,
Томясь без света, ждут моих лучей,
И я, Агурамазда, создал солнце,
Но Анграмайни, тёмный, создал ночь .

7

Вполне вписывается в хронологию Степного Пути первых тысячелетий послепотопного времени и самая яркая археологическая культура эпохи ранней бронзы Северной Евразии, которая была названа по местности Окунев улус на юге Хакасии, где в 1928 году С. А. Теплоухов впервые раскопал могильник.

Окуневцам были известны двух- и четырехколёсные повозки, они знали не только медь, но и бронзу, и наряду с ковкой применяли и литьё, но, безусловно, самое загадочное в сохранившемся от них наследии — величественные каменные изваяния, сочетающие черты человека, животных и растений.

К окуневскому времени относится появление практической астрономии: создание календарей, чёткое осознание природных циклов, формирование временных понятий.

Разумеется, научных оснований для объединения «Страны городов» из Большекараганской долины Челябинской области и Окуневской культуры из Хакассии с киммерийцами нет.

Но нет и доказательств противного.

Интересно, что с эпохой скифов, сменивших киммерийцев, совпадает в Хакасско-Минусинской котловине — Тагарская культура, тоже оставившая после себя величественные курганы.

Китайцы называли Тагарское государство Динлинго.

О величии его и высоком уровне астрономических познаний свидетельствует Большой Салбыкский курган, расположенный в Долине Царей. В шести километрах от этого грандиозного сооружения находятся Салбыкские ворота, поставленные на месте тектонического разлома.

В культуре скифов и Тагарского государства на Енисее так много совпадений, что можно говорить о родственности их, хотя и разделены они гигантским пространством.

Академик Сергей Владимирович Киселёв считал, например, что в Мину-

синской котловине «сложился тот своеобразный южносибирский бронзовый век, который своими достижениями может спорить с высоким развитием эпохи бронзы Причерноморья...»

А археолог Дмитрий Николаевич Эдинг, размышляя над проблемами происхождения скифо-сибирского звериного стиля, писал: *«Тропы, которыми этот стиль вышел из лесов и долин своей родины, заросли и забыты; следы его пути отмечены на неизмеримых пространствах Евразии».*

Археологические отметины на этом пути и позволяют проследить, как шло в послепотопные времена распространение народа гомер в Сибирь, где в Саяно-Алтайском нагорье и сформировалась этническая общность, схожая со скифами и киммерийцами или же являющаяся составной частью их.

Чем же ещё кроме проложенной самим Богом степной дороги могло быть вызвано движение народа гомер к уральским степям и далее в Сибирь?

Попыткой найти следы погибшей во времена потопа арктической цивилизации и возродить её? Или же ими руководило стремление найти забытого в бесписьменных столетиях Бога, от которого осталась только память, что нужно Его искать?

Устройство археологических памятников Хакассии и челябинского Аркаима способно поддержать и ту и другую версию.

«Возникает мысль о возможности соотнесения реальных организующих функций поселений «Страны городов» как социальных, религиозных и других центров прилежащих территорий с их виртуальными функциями космических центров. Не исключено, что перед нами одно из воплощений мифологического архетипа «священный город — центр мира...»

Не противоречат нашим предположениям о распространении киммерийцев в южно-уральских и сибирских степях и наблюдения археологов за более поздними эпохами, когда из «страны городов» начался отток населения.

Свидетельства этого возвращения — памятники срубной культуры, о которой мы уже рассказывали.

«Первоначально поток миграций был направлен на запад и юго-запад. Путь этот отмечен металлом, колесницами, орнаментальными влияниями, а на начальном этапе даже чистыми комплексами далеко за пределами прародины. Свидетельством этому является Потаповский могильник на Волге с хорошо выраженным синташтинским обрядом и керамикой (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1995), а также материалы из памятников Украины и южнорусских степей. Вторая миграционная волна движется на юг, что стало началом движения индоиранцев на современную территорию их проживания.

Демографический «взрыв» усугублялся экологическим кризисом, вызванным длительной эксплуатацией пастбищ и недр и изменением климатической ситуации. Цивилизация не состоялась! Города покинуты. Некоторые, например, Синташта, сожжены. Оставшиеся группы населения, приспосабливаясь к новым условиям среды и жизни, приняли участие в сложении новых образований: на западе — срубной, на востоке — алакульской культурно-исторических общностей. Южный Урал является зоной их контактов. Оба эти культурных образований также принято считать древнеиранскими».

Весьма любопытное археологическое открытие было сделано недавно в районе Кабардино-Балкарии. На краю обрыва в районе селения Заюкована нашли огромные — выше человеческого роста — валуны, в одном из которых имеется сиденье. Предполагают, что это солнечная, подобная Стоунхенджу и Аркаиму, обсерватория. Там же обнаружена древняя пещера и многоуровневый некрополь, внизу которого погребены киммерийцы, посередине — скифы и в верхнем ряду — аланы. Заюкованский комплекс уже назвали Кавказским Стоунхенджем и датируется он в VIII – VII веками до нашей эры.

Если следовать нашему предположению о распространении народа гомер на восток и на север, то получается, что киммерийцы, которым предстоит потрясти устои Передней Азии, как раз накануне своего «киммерийского выхода» и вернулись в причерноморские степи , принеся с Урала и из Сибири то постижение иного, которое удивило древних греков не менее, чем их военные успехи.

Как справедливо отметил Лев Николаевич Гумилев, «связная история народов Великой степи может быть изложена начиная с III века до н.э., когда племена Монголии были объединены хуннами, а полулегендарные скифы Причерноморья сменены сарматами».

Но как бы то ни было, очевидно, что народ гомер, происходящий от сына Иафета (внука Ноя), обладал временем, необходимым для продвижения и в Южно-Уральске, и в Хакасские степи...

Это здесь, в хмельных просторах, где ветер колышет ковыль, а в бесконечно высоком небе совершают ленивые виражи коршуны, и были приручены кони, здесь и было изобретено колесо.

Здесь, словно перекликались между собою на едином ещё языке племена и народы, пытаясь назвать имя своей страны, которую, сами не догадываясь о том, созидали они...

И разве не об этом и говорит Пётр Андреевич Вяземский в своем стихотворении «Степь»:

Бесконечная Россия
Словно вечность на земле!
Едешь, едешь, едешь, едешь,
Дни и версты нипочем!
Тонут время и пространство
В необъятности твоей.
Земля сама себя глотает
И, тычась в небо головой,
Провалы памяти латает
То человеком, то травой...

Ветер, гудящий над степями снежными вьюгами, сухими вихрями проносящийся над выжженной солнцем землей, уносил голоса древних племён и народов в бескрайнюю даль, но их слышала земля, вынашивающая в себе страну, которая и должна была стать Родиной всех этих племен и народов.

Глава вторая
КИММЕРИЙСКО-СКИФСКИЙ ВЫХОД

На грани диких гор ты пролил пурпур гневный,
И ветры — сторожа покинутой земли —
Кричат в смятении, и моря вопль напевный
Теперь растет вдали.

И стали видимы средь сумрачной сини
Все знаки скрытые, лежащие окрест:
И письмена дорог, начертанных в пустыне,
И в небе числа звезд.

Максимилиан Волошин

Гомер говорил о киммерийцах не только в «Одиссее».

Тринадцатая песня «Илиады», названная «Битва при кораблях», начинается перечислением народов, к которым поворачивает свои «светозарные очи» Зевс:

Зевс и троян и Гектора к стану ахеян приблизив,
Их пред судами оставил, беды и труды боевые
Несть беспрерывно; а сам отвратил светозарные очи
Вдаль, созерцающий землю фракиян, наездников конных,
Мизян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гиппомолгов,
Бедных, питающихся только млеком, справедливейших смертных.
Более он на Трою очей не склонял светозарных;
Ибо не чаял уже, чтобы кто из богов олимпийских
Вышел ещё поборать за троянских сынов иль ахейских.

1

Филологи-античники, как у нас в стране, так и за рубежом, как в наше время, так и в древности прикладывают немалые усилия, пытаясь осмыслить вставшие рядом слова: ἀγαυῶν ἱππημολγῶν γλακτοφάγων, ἀβίων τε...

«Слово ἀγαυοί является весьма распространённым формульным гомеровским эпитетом со значением «благородный, выдающийся...» Семантика его в гомеровском формульном употреблении, по-видимому, совершенно стёрта, и оно не несёт никакой информации, кроме, разве что, общего положительного оттенка (хотя, пожалуй, и весьма слабого)... Что касается двух других слов, ἱππημολγοί и γλακτοφάγοι, то для гомеровских поэм они являются гапаксами , однако внутренняя форма этих двух композитов абсолютно ясна и их понимание не вызывало сложностей ни в древности, ни в новое время... В слове ἄβιοι также трудно усмотреть явные признаки идеализации хотя бы потому, что оно непонятно и было непонятно уже древним...

Античные комментаторы предложили, пожалуй, все мыслимые комбинации ἀ-, понимаемой то как privativum, то copulativum, со словами βία, «сила, насилие», βίος, «жизнь» ... Осо-бенно часто комментаторы упражняли свою фантазию при толковании получавшегося довольно неуклюжим сочетания со словом βίος (что-то вроде «нежизненные», «неживущие» или, наоборот «много-жизненные»). Поскольку само понятие «жизнь» безгранично и может вместить всё что угодно, то и предложенный ряд толкований имел тенденцию перерастать в бесконечность (хотя, кажется, никто не догадался объявить абиев прямо мертвецами): «бездомные», «живущие на повозках», «живущие без женщин», по принципу «без женщин жить нельзя на свете»), «мало живущие», «плохо живущие», «ведущие простой образ жизни», «сильно живущие» (то есть мощные и мужественные), «долго живущие», «имеющие неограниченную жизнь», «живущие совместно», то есть коммуной, «живущие не нашей жизнью», «не возделывающие земли». Современные авторы по своему вкусу выбирали из этого списка какое-нибудь толкование, в той или иной степени аргументируя свой выбор или не аргументируя его вовсе, а некоторые предлагали и новые интерпретации в том же духе».

Аскольд Игоревич Иванчик, цитату из труда которого мы привели, склонен полагать, что полемика, развернувшая вокруг двух строчек Гомера, сводится прежде всего к тому, какие из слов ἀγαυῶν ἱππημολγῶν γλακτοφάγων ἀβίων τε следует считать названиями народов, а какие эпитетами к ним, и в ходе изысканной построенной по законам жонглирования аргументации, приходит к выводу, что речь у Гомера идёт не об одном, народе гомера, а о двух: «дивных доителях кобылиц млекоедах» и неких абиях, про которых, в силу неясности их названия, только и можно сказать, что они идеальны и определяются как справедливейшие...

Получается, что строчки: «дивных мужей гиппомолгов, Бедных, питающихся только млеком, справедливейших смертных» следует переводить с поправкой: «дивных доителей кобылиц млекоедов, и абиев, справедливейших из людей».

Под каким названием — гиппомолгов или абиев — проходят киммерийцы, а под каким скифы, разобраться невозможно да едва ли и нужно тут разбираться.

Гомер без сомнения знал и о киммерийцах, и о скифах, о чём свидетельствовал древне-греческий географ Страбон, считавший, что «во времена Гомера или немного раньше его, как говорят, произошло вторжение киммерийцев до Эолиды и Ионии».

Хотя, что именно он знал о них, мы не знаем...

Мы уже говорили, что иное, с которым столкнулся Одиссей на киммерийской земле, заслонило в «Одиссее» нужду в этнографическом описании здешних жителей.

Вот и в «Илиаде» в ожидании битвы при кораблях — вспомните у Осипа Мандельштама: *«Бессонница. Гомер. Тугие паруса. Я список кораблей прочёл до середины: Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный, Что над Элладою*

когда-то поднялся...» — Гомер, как бы пополняя список кораблей, обращает на гиппомолгов «светозарные очи» своего верховного бога — Зевса.

М. В. Скржинская утверждала , что эпитет «справедливейшие» порождён тем, что среди мало различавшихся по достатку киммерийских племён социальная дифференциация была выражена слабее, чем в греческом обществе, однако думается, что в этом суждении марксизма-ленинизма больше, чем понимания Гомера.

Повторим, нам не ведомо, что именно знал Гомер о киммерийцах, но, видимо, он знал о них немало, и знание это не ограничивалось *«некоторой,* — мы снова цитируем тут Страбона! — *общей всем ионийцам неприязнью»*... Невозможно без какого-то очень полного знания назвать перед лицом своего Бога незнакомый народ «дивными мужьями» и «справедливейшими смертными».

И так получается, что этими словами и провожает Гомер киммерийцев в мировую историю, а навстречу им звучит из посёлка Тель-Авив на реке Ховар голос томящегося в вавилонском плену пророка Иезекииля:

«Ты же, сын человеческий, изреки пророчество на Гога, и скажи: так говорит Господь Бог: вот Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала.

И поверну тебя и поведу тебя, и выведу тебя от краёв севера, и приведу тебя на горы Израилевы.

И выбью лук твой из левой руки твоей, и выброшу стрелы твои из правой руки твоей.

Падёшь ты на горах Израилевых, ты и все полки твои, и народы, которые с тобою; отдам тебя на съедение всякого рода хищным птицам и зверям полевым.

На открытом поле падёшь; ибо Я сказал это, говорит Господь Бог» .

Так, встреченный гласом пророка, и возвратился из киммерийских сумерек в библейскую историю сошедший с библейских страниц народ Гомера, сына Иафета и внука Ноя...

Возвратился, чтобы там и закончить свой Путь...

2

С кусками утраченного эпоса можно сравнить собранные Геродотом сведения о событиях, предшествовавших «киммерийскому выходу» ...

«Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населённая скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам).

С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать пред лицом многочисленного вражеского войска.

И вот на совете мнения разделились.

Хотя обе стороны упорно стояли на своём, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков.

Итак, народ не внял совету царей, а цари не желали подчиниться народу.

Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костьми в родной земле, чем спасаться бегством вместе с народом. Ведь царям было понятно, какое великое счастье они изведали в родной земле и какие беды ожидают изгнанников, лишённых родины.

Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу.

Всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть ещё и поныне)...»

Поразительно насколько точно перекликаются эти события, предшествовавшие выходу киммерийцев в Переднюю Азию с гомеровскими гекзаметрами...

Да что там...

Сами эти события — строки эпоса народа гомер, не нашедшие своего Гомера...

Словно из его песен списана сцена погребения в кургане на берегу Днестра павших в междоусобной битве киммерийских царей...

Этой страницей и завершаются киммерийские сумерки нашей истории, в которых так осязательно проявлялась связь смертных людей с иным...

«После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной», — говорит Геродот.

Уходили киммерийцы, и только названия оставались на земле, которая была для них Родиной.

Боспор Киммерийский — Керченский пролив...

Киммерийская область — Северо-восточная часть Керченского полуострова...

Городище Киммерик на Керченском полуострове...

Киммерий — северная часть Таманского полуострова...

Киммерийский брод...

Киммерийский вал...

3

Наступало новое время, и не просто, не сразу вписались киммерийцы в новую историческую логику. Возможно, ещё и поэтому сообщённые Геродотом сведения похожи на немногие уцелевшие обломки гигантской вазы.

Вроде бы ясно различаешь на них части чего-то единого, но соединить осколки — слишком мало их! — не удаётся. И туда, и сюда, в любое место можно вставлять обломки, легко изменяя при этом всё содержание картины.

Путается здесь всё...

Разумеется, Азия Геродота это совсем не наша Азия, но всё равно несопоставима общая численность скифов с безграничностью пространства Великих евро-азиатских степей, протянувшихся от Монголии на востоке до Среднедунайской равнины на западе. Да и объяснить, как это одно скифское

племя (массагеты) вытесняет другое скифское племя из Заволжья, и оно, легко уступив тут, само выдавливает из Причерноморья воинственных киммерийцев, тоже не просто.

Тем более, что скифы и были по сути одним из киммерийских, сформировавшихся на Алтае, племён.

Поэтому в Причерноморье они проникали мирно, незаметно и очень неторопливо. Археологические данные неопровержимо свидетельствуют, что начался этот процесс ещё во втором тысячелетии до нашей эры.

Кстати, и сам Геродот ссылается на скифское предание, утверждающее, что *«лет же со времени их происхождения от первого царя Таргитая до похода Дария на их землю всего, как говорят, не более тысячи, но именно столько»*. Зная, что нашествие Дария на Скифию произошло примерно в 512 году до нашей эры, мы опять попадаем в зафиксированный археологами 1500 год, как раз в середину второго тысячелетия до нашей эры.

О мирном и неторопливом характере проникновения скифов в причерноморские степи свидетельствует и то, что из общей массы археологических находок того времени не удаётся выделить предметы, которые позволили бы разделить киммерийскую и скифские культуры.

Это археологически незаметное продвижение кочевых скифов, совершенно не вяжется с решением киммерийцев покинуть свою Родину при одном только приближении из Заволжья алтайской родни.

Правда, как свидетельствовал Геродот, у скифов существовал обычай убивать неугодных родственников, а потом при посещении уважаемых гостей выставлять такие черепа и напоминать, что это черепа врагов, которых удалось одолеть, однако ведь и киммерийские племена состояли не из одних только перепуганных женщин. Основу их составляли бесстрашные воины...

Не понятно в рассказе Геродота и то, почему киммерийцы, прежде чем уйти или же сообща выступить против надвигающихся скифов, начали гражданскую войну между собой?

И, наконец, совершенно не поддаётся объяснению, почему киммерийцы, если они действительно были настолько слабы, что им нужно было убегать от скифов, двинулись в Переднюю Азию, переполненную весьма воинственными и могущественными государствами. Безопаснее было бы отойти в пустынные лесостепи Северо-Запада.

Однако и тут загадки не завершаются.

Утверждается, что убегающие киммерийцы уходили по восточному берегу Чёрного моря; а победившие их скифы, которые отнюдь не удовлетворились изгнанием киммерийцев, начали преследовать их, только продвигаясь почему-то вдоль Каспия через нынешний Дербент.

Многие сотни километров кавказских перевалов и ущелий разделяли движущихся параллельно друг другу скифов и киммерийцев, и о каком преследовании тут может идти речь?

И.М. Дьяконов утверждал, что легенда о преследовании киммерийцев скифами впервые возникла в поэме Аристея Проконесского, которого *«трудно заподозрить в излишней исторической достоверности»*.

Геродота обвинить в поэтическом легкомыслии невозможно.

Но сбор материалов для «Истории» он завершил примерно в 445 году до нашей эры, когда сам «киммерийский выход» отодвинулся от интервьюируемых Геродотом черноморских греков и эллинизированных скифов уже более чем на два столетия, и за это время не просто застыл в неподвижных формулировках, но наверняка подвергся ещё и эпической редактуре, укрупняющей и не позволяющей дробить события.

Как мы увидим далее, между скифами и киммерийцами действительно разгорится в Передней Азии настоящая война, и в ней будут и сражения, и преследования, и, возможно, эти более поздние и более важные для скифской истории факты и заместили события, связанные с начальным этапом «выхода».

Разумеется, это только предположение, но иначе не получается свести концы с концами...

А так, учитывая этническую родственность скифов и киммерийцев, можно предположить, что причиной «бегства» киммерийцев явилось не вторжение скифов из заволжских степей, а внутренние процессы развития «военной демократии», и, таким образом, киммерийско-скифский выход в Переднюю Азию становится не вынужденным следствием, а частью некоего заранее разработанного плана завоевания Передней Азии.

И базировался этот план на том, чтобы развернуть наступление в Закавказье по двум оперативным направлениям.

Вдоль берега Чёрного моря наступали «убегающие» киммерийцы.

Вдоль берега Каспийского моря двигались якобы «преследующие» киммерийцев скифы. Пересекая Армянское нагорье с восточной стороны, они выходили в районы, контролируемые Манной и Мидией...

Отметим попутно, что, видимо, кочевой образ жизни выработал в степняках такое обострённое чувство пространства, которое позволяло им, не пользуясь картами, стратегически грамотно и непривычно для противника планировать ход предстоящих военных операций.

Любопытно, что двести лет спустя, планируя с царём спартанцев Клеоменом I план нового вторжения в Персию, скифский царь Иданфирс предложит ошеломительный по смелости план нанесения одновременного удара.

Скифы должны были вторгнуться вдоль западного берега Каспийского моря, а спартанцы — со стороны Эгейского моря, из Эфеса, и так, с разных сторон, и идти на соединение друг с другом.

Но это произойдёт (вернее, не произойдёт!) два столетия спустя, а пока киммерийцы, не преследуемые никем, вошли на территорию Армянского нагорья с запада.

И присутствовало, присутствовало в этом выдвижении киммерийцев символическое, может быть, не осознаваемое самими киммерийцами значение...

Сюда к Большому Арарату пристал в 3269 году до нашей эры Ноев ковчег...

Теперь сюда же, после расселения народов, после разделения языков, пришли потомки внука Ноя — Гомера.

За два с половиной тысячелетия обошли они Великие степи Евразии и вернулись назад, к тому месту, от которого и началось расселение народов по Божьей земле.

4

Некоторые историки полагают, что, обосновавшись в сопредельных с царством Урарту землях, киммерийцы начали выплачивать им дань...

Само по себе это предположение содержит фантастическое допущение, будто киммерийцы, которые шли завоёвывать новые страны и которые вскоре завоюют всю Малую Азию, собирались кому-то что-то платить.

Ещё более невероятно, что царь Руса I, который жил в ожидании начала войны с Ассирией, мог смириться с появлением у себя в тылу неизвестного, но хорошо вооружённого народа...

Логичнее предположить, что если и останавливались киммерийцы на берегах озера Севан, то только чтобы создать плацдарм для дальнейшего продвижения вглубь Передней Азии, а царь Руса I, который — *«с моими двумя конями и моим возничим, моими руками завоевал я царство Урарту!»* — отреагировал на появление киммерийцев так, как и должен был отреагировать настоящий правитель-воин.

Он немедленно выступил против вторгшихся в его страну кочевников, и разве его вина, что противник оказался сильнее, чем он рассчитывал?

Главной неожиданностью для Руса I оказалась боевая тактика киммерийцев, опирающаяся на манёвр крупными массами конных стрелков. Ничего подобного правитель Урарту, армия которого состояла преимущественно из пехоты и колесниц, не знал.

Так в Передней Азии ещё не воевали.

Белокурые, голубоглазые пришельцы оказались прекрасными наездниками, они могли обстреливать противника не спешиваясь. В сочетании с высокой пробивной силой стрел, которые отличались исключительными баллистическими качествами, это позволяло им держаться при этом на безопасном расстоянии от урартской армии.

Впрочем, вооружённые железными мечами и каменными боевыми молотами, киммерийцы были страшны и в рукопашном бою.

Положение Руса I усугублялось тем, что в соседней Ассирии правил тогда Саргон II, который называл себя «царём истинным», и как всякий царь, которому приходилось доказывать собственную «истинность», более всего был озабочен возвращением былого могущества своей державе, раскинувшейся от Персидского залива до Средиземного моря.

Стремясь к безраздельному господству в Передней Азии, Саргон II вёл непрерывные войны.

Расчищая стратегически важные для Ассирии торговые пути в Малую Азию, он разгромил Сирию и Палестину, а в 721 году до нашей эры взятием Самарии завершил завоевание Северно-Израильского царства. Тогда же он разбил пришедшее на помощь царю Газы нубийско-египетское войско фараона Шабаки...

Развязав руки на южных границах, на третьем году своего правления Саргон II предпринял поход в Манну и отнял у Урарту двадцать две крепости.

5

Свои военные компании Саргон II готовил весьма тщательно, опираясь на развитую агентурную сеть.

В эту сеть и оказались впервые уловлены для истории киммерийцы...

Весной 714 года Саргону II поступило донесение агента Ашшуррисуа, сообщавшего, что *«Страна Гуриания и страна Нагчу находятся между страной Урарту и страной Гамирра»,* а также, что *«было нанесено поражение народу Урарту...»*

Далее текст донесения сильно испорчен, но в другом письме, составленном, словно специально для нас, сыном Саргона II Синахерибом, возглавлявшим ассирийскую разведку, содержится сводка донесений различных агентов, в том числе, и Ашшуррисуа, и там тоже рас-сказывается о победе киммерийцев над Русой I.

Саргон II поспешил воспользоваться сложившейся обстановкой и двинулся на север.

В ходе сражения в стране Уишдиш войско Урарту, уже разгромленное киммерийцами, потерпело окончательное поражение...

Бросив свою боевую колесницу, Руса I *«поник на землю, разодрал свои одежды, опустил свои руки, сорвал свою головную повязку, распустил свои волосы, прижал обе руки к сердцу, повалился на брюхо; его сердце остановилось, его печень горела, в устах его были горестные вопли».*

Правда, издав необходимое количество горестных воплей, воинственный урартский царь вскочил на коня и ускакал верхом, чтобы продолжить войну.

И только когда Саргон II из разграбленного города Мусасира вывез бога Халди и его супругу, богиню Багмашту, Руса I понял, что потерпел поражение, и «собственной рукой, железным кинжалом своего пояса лишил себя жизни».

Ценности, захваченные в Мусасире, — всего было вывезено более тонны золота и пяти тонн серебра, не считая несметного количества драгоценных камней! — украсили дворец Саргона II в Дур-Шаррукине.

Получается, что хотя киммерийцы и внесли немалый вклад в разгром царства Урарту, но плодами победы воспользовались не они, а ассирийский царь...

Впрочем, киммерийцы всё-таки не остались в накладе.

Доставшимися ассирийцам сокровищами Русы I они оплатили свой вход в исторические анналы. Именно с 714 года до нашей эры и начинается надёжная, основанная на ассирийских глиописных архивах, хроника «киммерийского выхода».

6

В 705 году до нашей эры истекли семнадцать лет правления Саргона II.

Во время похода на Табал он был убит своими сыновьями.

По другим сведениям, Саргон II погиб в битве с киммерийцами, стычки с которыми происходили теперь с пугающей ассирийцев регулярностью...

После смерти Саргона II ассирийский престол занял его сын Синаххериб.

Он, хотя ему и не было нужды доказывать свою истинность , воевал ещё яростнее, чем отец.

«*Арамейские племена, непокорные мне, я захватил. 208 тысяч человек от мала до велика, мужчин и женщин… я увёл в Ассирию… Город Бит-Киламзах, город Хардишпи, город Бит-Куббати я осадил и взял.*

А города их малые, коим и счёта нет, я разрушил, снёс, обратил в руины. Шатры и палатки их, я спалил огнём, предал пламени… страну Эллими… я ниспроверг подобно урагану.

Город Марубишти и город Аккудду… вместе с 34 городами малыми, что в окрестностях их, я осадил, взял, разрушил, снёс, огнём спалил…

Я подступил к Экрону, правителей и князей, которые согрешили, я убил, и трупы их повесил на кольях вокруг города… страну Бит-Якин… города его взял, разрушил области в руины… города Тумурри, города Шарум, города Эзама, города Кибшу, города Хальгидда, города Куа, города Кана… города их я захватил, забрал полон, разрушил, сокрушил, предал огню… город Укку я осадил, взял, захватил полон, всё, что было, добро и имущество, сокровища дворца из него я вынес, причислил к полону и забрал 33 города на краю области. Людей, ко-ней, крупный и мелкий скот из них я забрал, а города сжёг, разрушил, огню предал… Город Бит-Хаири и город Раза… 34 города могучих, вместе с бесчисленными поселениями их окрестностей я осадил, взял, захватил полон, разрушил, уничтожил, предал огню.

Дымом пожаров их, словно тучей, я покрыл лик широких небес…

Как лев я взъярился, облачился в доспехи, шлем, а украшение битвы возложил я на голову свою, на мою боевую колесницу высокую, ниспровергающую супостата, в ярости сердца своего я взошёл поспешно…

По велению Ашшура, владыки великого, владыки моего… на врага я обрушился… Словно жертвенным баранам, перерезал я им горло, дорогие им жизни их я обрезал, как нить. Я заставил их кровь течь по обширной земле, словно воды половодья в сезон дождей. Горячие кони упряжки колесницы моей в кровь их погружались как в реку. Колёса моей боевой колесницы… разбрызгивали кровь и нечистоты».

Так, разбрызгивая кровь колёсами боевой колесницы, разрушая и предавая огню цветущие города, Синаххериб расширял территорию Ассирии.

Ему удалось распространить свои владения до границы с Египтом, а в 690 году до нашей эры войска Синаххериба встали у стен Иерусалима.

И посланы были ассирийские послы сказать к библейскому царю Езекии.

— Пусть не обманывает тебя Бог твой, на Которого ты уповаешь, думая: не будет отдан Иерусалим в руки царя Ассирийского... — сказали они. — Ведь ты слышал, что сделали цари Ассирийские со всеми землями, положив на

них заклятие, — и ты ли уцелеешь? Боги народов, которых разорили отцы мои, спасли ли их? Спасли ли Гозан, и Харан, и Рецеф, и сынов Едена, что в Фалассаре? Где царь Емафа, и царь Арпада, и царь города Сепарваима, Ены и Иввы?

И тогда, как сказано в Четвёртой Книге Царств, *«взял Езекия письмо из руки послов, и прочитал его, и пошёл в дом Господень, и развернул его Езекия пред лицем Господним, и молился Езекия пред лицем Господним и говорил: Господи Боже Израилев, седящий на Херувимах! Ты один Бог всех царств земли, Ты сотворил небо и землю. Приклони, Господи, ухо Твоё и услышь; открой, Господи, очи Твои и воззри, и услышь слова Сеннахирима, который послал поносить Бога живаго! Правда, о, Господи, цари Ассирийские разорили народы и земли их, и побросали богов их в огонь; но это не боги, а изделие рук человеческих, дерево и камень; потому и истребили их. И ныне, Господи Боже наш, спаси нас от руки его, и узнают все царства земли, что Ты, Господи, Бог один.*

И послал Исаия, сын Амосов, к Езекии сказать: так говорит Господь Бог Израилев: то, о чём ты молился Мне против Сеннахирима, царя Ассирийского, Я услышал.

Посему так говорит Господь о царе Ассирийском: «не войдёт он в сей город, и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала.

Тою же дорогою, которою пришёл, возвратится, и в город сей не войдёт, говорит Господь.

Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего».

И случилось в ту ночь: пошёл Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мёртвые.

И отправился, и пошёл, и возвратился Сеннахирим, царь Ассирийский, и жил в Ниневии.

И когда он поклонялся в доме Нисроха, бога своего, то Адрамелех и Шарецер, сыновья его, убили его мечом, а сами убежали в землю Араратскую. И воцарился Асардан, сын его, вместо него» ...

7

Чем занимались киммерийцы и скифы после победы над Русой I — не ясно.

Плутарх, пользовавшийся, вероятно, какими-то недошедшими до нас материалами, считал, что покинула Кубань лишь часть киммерийцев, тогда как основная их масса осталась на родине, на берегах Меотиды (Азовского моря) .

Можно было бы предположить, что киммерийцы возвращались с добычей назад, но это никак не подтверждается археологическими материалами.

Скорее всего, как и сообщает Геродот, «спасаясь бегством от скифов в Азию, киммерийцы заняли полуостров там, где ныне эллинский город Синопа... Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта» ...

Хотя, как мы видели, «пробегая» вдоль берега моря, киммерийцы и успе-

ли повоевать и с Урарту, и с Ассирией, но это не опровергает их желания обосноваться на более схожем природными и климатическими условиями с Кубанью Синопском полуострове.

Возникшая здесь страна стала называться в ассирийских клинописных табличках Гамиррой.

Существовало ли здесь тогда греческое поселение, неизвестно.

Геродот говорит не о городе, а о полуострове, где ныне эллинский город Синопа, а другие эллинские тексты, если и не указывают прямо, что Синопа была основана киммерийцами, то связывают её основание именно с появлением на полуострове кочевников...

Отметим тут, что проследить весь путь киммерийцев в Передней Азии трудно не только из-за недостатка исторических документов и свидетельств.

Нет...

Само движение их осуществлялось, кажется, не только в дневной реальности, но ещё в некоем ином, отличном от реального бытия мире. Совершая свои походы и битвы, киммерийцы уподоблялись в Малой Азии мифологическим героям, которые находятся в прямых и тесных отношениях не только со смертными людьми, но и с различными фантастическими персонажами.

Так было повсюду в Малой Азии...

Так было и в Синопе...

«Город Синопа получил название от одной из амазонок, живших поблизости, — сообщает Псевдо-Скимн. — *Его когда-то населяли местные сирийцы, а затем, как говорят, те греки, которые совершали поход против амазонок — Автолик и Флогий с Деилеонтом, фессалийцы; потом Хаброн, родом милетец, который, кажется, был убит киммерийцами; после киммерийцев — снова Кой и Кретин, милетские изгнанники. Они восстановили город, когда войско киммерийцев совершило набег на Азию».*

Учитывая, что изначально Синопа была обыкновенной нимфой , которую похитил и перенёс в Малую Азию Аполлон, превращение её в амазонку произошло явно не без участия номадов.

И должно быть это потом уже, под влиянием появившихся здесь, пьющих скифов, спилась превратившаяся в амазонку нимфа Синопа.

Тогда, как пишет Андрон Теосский, и получила она прозвище «Санапа», что обозначает на фракийском наречии «много пьющая».

Надо признать, что греческому историку своими языковыми изысканиями удалось существенно обогатить образ амазонки. Синопа спилась, когда стала женой местного царя, но алкоголизм, оказывается, уже самим Роком был заложен в её имени...

И вот думаешь о судьбе нимфы Синопы, превратившейся в ходе киммерийско-скифских походов в спившуюся амазонку, пытаешься представить, как стояли на Синопском берегу царь Теушпа и его сын Тугдамме (Лигдамисом), которого назовут «повелителем вселенной», и смотрели на север, где простиралась киммерийская земля, из которой пришли они...

Что различали они в дымке, затянувшей море, за которым осталась родная Кубань и родной Крым?

Что открывалось их глазам, приученным, не мигая, смотреть в иное?

Что чудилось им на берегу Синопского мыса, где два с половиной тысячелетия спустя, 18 (30) ноября 1853 года, разыграется последнее крупное сражение уплывающих в историю парусных флотов?

Тогда, пришедшие из Крыма русские корабли под командованием вице-адмирала Павла Степановича Нахимова, продолжая традиции своих киммерийских предков, за несколько часов разгромят здесь турецкую эскадру...

И день этот войдёт в список Дней воинской славы России...

Глава третья
ПОВЕЛИТЕЛИ ВСЕЛЕННОЙ

Свой лик, бессмертною пылающий тоскою,
Сын старший Хаоса, несёшь ты в славе дня!
Пустыни времени лучатся под стезёю
Всезрящего огня.

Колючий ореол, гудящий в медных сферах,
Слепящий вихрь креста – к закату клонишь ты
И гасишь тёмный луч в безвыходных пещерах
Вечерней пустоты.

(Максимилиан Волошин)

В ассирийских документах киммерийцы возникают снова спустя 35 лет, уже в эпоху Асархаддона. Правда, теперь известия о киммерийцах становятся ещё более запутанными, чем при первоначальном появлении.

Объясняя этот парадокс, некоторые исследователи полагают, что ассирийцы вообще не выделяли киммерийцев из числа многочисленных, беспокоящих их царство кочевников.

«Уже a priori маловероятно, чтобы ассирийцы имели возможность или желание различать отдельные вторгшиеся племена... — писал И.М. Дьяконов. — *И хотя для северных «варваров» в «высоком стиле» на аккадском языке уже имелось общее обозначение — «уманманда» (племя или войско Манда), однако в обиходе, по-видимому, и термин «киммерийцы» также стал таким общим обозначением. Так по крайней мере обстояло дело в вавилонском диалекте. Это засвидетельствовано для нас вавилонскими версиями ахеменидских подписей, в которых термином gimirri обозначены вообще все кочевники, в том числе скифы и среднеазиатские саки».*

1

В принципе, поначалу и различать ассирийцам было нечего.

Ведь и «убегающие» киммерийцы, и «наступающие» скифы вопреки всем теориям на первых порах достаточно дружно исполняли некий «домашний план», заменяя, когда это было нужно, друг друга.

Дальше «в погоне за киммерийцами» скифы «сбились с пути» и, — мы пользуемся тут терминологией Геродота, — «вторглись в Мидийскую землю», а киммерийцы, перетекая в Малую Азию, начали боевые операции в Каппадокии, но в Урарту они воевали вместе, и это подтверждается археологическими находками.

Как свидетельствует в книге «Ванское царство» Б. Б. Пиотровский, немало наконечников скифских стрел застряло в глиняных стенах крепости Тейшебаини близ Еревана .

Знали об этом ассирийцы или нет — не ведомо.

Впервые в качестве возможных противников ассирийцев киммерийцы были упомянуты в письме предсказателя Белушезиба, посланном царю Асархаддону, которое мы процитировали в предыдущей главе. Белушезиб предостерег царя, что хотя киммерийцы и обещали не вмешиваться в ассирийско-манский конфликт, но доверять этому обещанию не следует.

Предостережение любопытное.

Построенное на путанице оно ещё сильнее запутывает ситуацию. Киммерийцы вполне искренне могли пообещать не вмешиваться в ассирийско-манский конфликт, поскольку территория Манны была сектором скифского наступления, а они действовали в Малой Азии, но Белушезиб не различал скифов и киммерийцев.

Следом за Белушезибом, понять, кто и где находился, не всегда могут и современные исследователи...

Что же говорить об Асархаддоне?

Его осведомители тоже ещё не успели накопить необходимых для различения сведений...

Потом ассирийцы поймут, что только в разъединении киммерийцев и скифов заключается для Ассирии возможность противостоять им, но это произойдёт позднее, а поначалу, сталкиваясь с номадами, никто не разбирался кто это...

Действуя испытанным ассирийским способом, Асархаддон собрал армию и перешёл Тавр.

Там и случилось долгожданное событие. Ассирийцам удалось блокировать отряд киммерийцев, где находился и сам Теушпа.

«Теушпу, киммерийца, Умман-Манда, место которого отдалено, в стране Хубушна со всем его войском... разбил оружием».

Теушпа, привыкший смотреть в иное, словно в глаза своих близких, ушёл, как принято было выражаться на аккадском языке, судьбой своей ночи.

Часть киммерийской конницы перешла на службу к Асархаддону , но победа в Каппадокии на укрепление безопасности самой Ассирии, практически не повлияла.

Киммерийцы продолжали кочевать в стране прекрасных коней — так переводится название Каппадокии — и уже через год, выступая в союзе с Русой II, внуком царя Руса I, разгромили расположенную в центре Малой

Азии Фригию и начали нападать на зависимые от ассирийцев земли в верховьях Евфрата.

Существует гипотеза, отождествляющая имя киммерийского царя Теушпу с именем Теиспа-Чишпиша, предка Кира Персидского, а академик Василий Васильевич Струве, как бы от-кликаясь на «Персидские мотивы» Сергея Есенина, сказавшего в 1925 году:

Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный...

— считал, что вообще все персы являются потомками киммерийцев.

Хотя это и выглядит невероятным, но, безусловно, киммерийцы и скифы стояли у истоков формирования персидской государственности.

Без опасения ошибиться можно предположить, что и в формирование самого персидского этноса огромные массы киммерийских и скифских мужчин тоже внесли свой немалый вклад...

2

В начале весны 673 года до нашей эры будущий царь Мидии Каштарити, именуемый Геродотом — Фраортом (Фравартисом), поднял антиассирийское восстание, которое поддержали владыки поселений в провинциях Мадай и Сапарда Мамитиарша и Дусанни.

Скифы и киммерийцы, не перешедшие после смерти Теушпы на ассирийскую сторону, охотно поддержали мятежников. Совместно с войсками Каштарити они вторглись в провинцию Кишессу, и в начале месяца айар осадили главную крепость провинции...

И если в ассирийском обиходе, как считает И.М. Дьяконов, «киммерийцы» действительно превратились «в общее обозначение», то в высших кругах, где принимались государственные решения, удовлетворяться столь расплывчатыми сведениями теперь более уже не могли. Слишком опасными были эти новые противники, обладающие невиданной конно-стрелковой тактикой, которая позволяла им рассеивать колонны лучшей в мире тяжеловооружённой ассирийской пехоты ещё на дальних подступах к осаждённым крепостям.

Когда в конце 673 года пришлось рассеивать людей страны Маннеев и снова побивать оружием «Ишпакая, скифа, союзника, не спасшего их», Асархаддон, уже не полагался на одни только агентурные сообщения. Он обратился к проверенному многими поколениями средству информации — гаданию по печени жертвенных животных.

Среди запросов к оракулу Шамаша поначалу вместе с киммерийцами упоминались и скифы, причём при описании одних и тех же событий, но скоро в числе противников Ассирии остаются одни киммерийцы.

«Шамаш, великий владыка, на то, о чём я тебя вопрошаю, дай мне верный ответ: с этого дня, с третьего дня этого месяца айяра (2-й месяц) до 11 дня месяца аба (5-й месяц) этого года, на 100 дней и 100 ночей — срок свершения гадания. В течение этого срока — будь то Каштарити с его войском, будь то войско киммерийцев, будь то войско мидян, будь то войско маннеев, будь то какой бы то ни было враг — задумывают ли они, замышляют ли они будь то осадой, будь то силой, будь то боевыми действиями, битвой и сражением, будь то проломом, будь то подкопом, будь то тараном, будь то осадным орудием, будь то голодом, будь то клятвой именем бога или богини, будь то доброй речью и мирным договором, будь то какой-либо хитростью для взятия городов — возьмут ли они город Кишассу , войдут ли в этот город Кишассу, покорит ли этот город Кишассу рука их, будет ли причислен к их владению?..

Увидит ли видящий, услышит ли слышащий?

Прости, если гадание свершается после моего срока; прости, если с ним сердце их замыслило и они обратились во врагов, прости, если он совершил убийство и разграбили их полевую добычу; прости, если приговор этого дня — добрый он или дурной — будет днём бурным, который польёт дождём; прости, если нечистый нечистоту в место гадания принёс и сделал нечистым...

Что с этого дня, 3 дня этого месяца айяра до 11 дня месяца аба этого года, будь то Каштарити с его войском, будь то войско киммерийцев, будь то войско маннеев, будь то войско мидян, будь то какой бы то ни было враг — захватят ли они этот город Кишассу, войдут ли в этот город Кишассу, покорит ли этот город Кишассу рука их, будет ли причислен к их владенью?»

Трудно понять: подлинным или надуманным было то разделение, которое вырабатывали в себе ассирийские верхи по отношению к киммерийцам и скифам, но то, что они начали различать их, сомнений нет. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что, непрерывно вопрошая оракула, ассирийцам всё-таки удалось разобраться с народами, возникшими тогда, как бы ниоткуда, в пространстве Передней Азии.

Теперь в ассирийских вопросах оракулу речь идёт уже только о киммерийцах, а скифы упоминаются лишь в запросе об отправке гонца к Мамитиаршу .

В начале марта 672 года до нашей эры ассирийцы попытались завязать с Каштарити мирные переговоры, но тот, уверенный в своей победе, отказался от них.

Однако к этому времени ассирийцы гораздо лучше Каштарити и современных исследователей понимали, что объединяет и что разъединяет киммерийцев и скифов. Во всяком случае, гадая по печени жертвенных животных возле оракула бога Шамаша, они спрашивали советы, совершенно точно зная, что следует делать дальше...

«Шамаш, великий владыка, на то, о чём я тебя вопрошаю, дай мне верный ответ. Бартатуа, царь скифов, который сейчас прислал гонца к Ашшурахиддину, царю Ассирии, в ... — если Ашшурахиддин, царь Ассирии, отдаст в жёны Бартатуе, царю скифов дочь царя из «дома воспитания» ... вступит ли с ним Бартатуа, царь скифов, в союз, слово верное, мирное, скажет ли Ашшурахиддину, царю Ассирии, клятву верности Ашшурахиддину, царю Ассирии, будет ли выполнять поистине? — Твоя великая божественность знает.

Увидит ли видящий, услышит ли слышащий?..»

И хотя гадания по печени на этот раз оказались неблагоприятными, но всё, что хотел царь Асархадон, Видящий увидел, Слышащий услышал... Вопрос о брачном союзе Бартатуа (Партатуа, Претотия), сменившем погибшего Ишпакая, оказался решён положительно.

Женитьба Бартатуа на дочери Асархаддона в корне изменила военную ситуацию.

Бартатуа отстал от Каштарити, и хотя Мидия всё равно была уже потеряна для Ассирии, а Каштариди угрожал ещё и перевалам, ведущим в месопотамскую низменность, но Асархаддону удалось всё-таки удержать провинции Кишессу, Хархар и Бит-Хамбан, потому что в лице своего зятя Асархаддон получил нового могущественного союзника.

Некоторые историки считают, что опираясь на военную поддержку скифов, Ассирия смогла продлить своё существование ещё на четверть века.

3

Сватовство Бартатуа (Партатуа, Претотия) к дочери Асархаддона определило перелом и в отношениях киммерийцев со скифами, а сам брак имел ещё более далеко идущие последствия. Если цари Ишпакай и Бартатуа, принадлежавшие к скифам первого поколения, всё-таки ощущали некую вместе с киммерийцами общность интересов и задач, то относительно скифского царя Мадия, родившегося в браке Бартатуа и дочери Асархаддона, этого уже не скажешь.

Мадий, этот «скиф второго поколения», уже в девятнадцать лет покорит воевавших с Ассирией мидян, совершит поход в Сирию и Палестину, а в 645 году до нашей эры разгромит и киммерийцев...

На знаменитом горите, найденном в кургане Солоха , изображена сцена сражения двух пеших киммерийцев со скифом-всадником.

Возможно, это и есть один из эпизодов войны с киммерийцами, которая разгорится при «скифах второго поколения» в Передней Азии...

Но всё это впереди...

А пока, после возвращения из Мидии, над Малой Азией грозно засияла звезда киммерийского царя Тугдамме (Лигдамиса), провозгласившего себя «повелителем вселенной» ...

Считается, что опорным пунктом киммерийцев на западе Анатолии был город Антандр, из которого отправился в странствия спасшийся из горящей Трои Эней.

Вероятно, отсюда киммерийский «повелитель вселенной» и двинулся на завоевание Лидии.

В 644 году до нашей эры киммерийцы подошли к Сардам.

4

Это был один из богатейших городов Передней Азии.

Рядом с городскими стенами Сард протекала речка Пактол, в которой, по свидетельству Геродота, ополоснулся фригийский царь Мидас, и река — всё, до чего дотрагивался Мидас, превращалось в золото! — наполнилась тогда золотым песком.

Из этого золота и чеканил первые в мире золотые монеты лидийский царь Гиг, который пришёл к власти, умертвив царя Кандавла и взяв в жёны его вдову.

Этот поступок Гига широко обсуждался в древнем мире.

Геродот, например, считал виноватым самого Кандавла. Чтобы похвастать, Кандавл заставил свою жену выйти к Гигу обнажённой, а потом заснул, и стыдливая царица уговорила Гига убить спящего супруга и сочетаться с ней браком.

Платон же в «Государстве» утверждал, что на самом деле Гиг был обычным пастухом, который снял с руки найденного им гиганта волшебное кольцо, делавшее человека невидимым. С этим кольцом он и вошёл во дворец, где соблазнил царицу и умертвил её мужа...

А вот кончина Гига античную общественность почему-то не заинтересовала.

Тем не менее событие это тоже по-своему примечательное.

Вот как рассказывает о нём летопись Ашшурбанипала...

Пока Ашшурбанипал поддерживал его, Гиг мог не опасаться киммерийцев, ибо сильна была молитва ассирийского царя Ашшуру и Иштар...

«Гугу, царю Лидии, страны, расположенной у моря, далёкой страны, названия которой цари, мои отцы, не слышали, открыл Ашшур, мой создатель, имя моё во сне (сказав): «Ноги Ашшурбанипала, царя Ассирии, обними, и ты победишь врагов его именем».

В тот же день, когда он увидел этот сон, послал он своего конного гонца, чтобы меня приветствовать, сообщил этот сон, который он увидел, через своего вестника и тот рассказал его мне.

С этого дня, когда он обнял мои царские ноги, стал он побеждать киммерийцев, которые нападали на людей его страны, которые не боялись моих отцов и мои царские ноги не обнимали.

Полагаясь на Ашшура и Иштар, богов, моих господ, взял он из числа киммерийских начальников, которых он победил, двух начальников, заковал их в цепи, железные оковы и железные кандалы и велел доставить мне вместе с богатым подарком...»

Однако всё изменилось, когда Гиг поддержал вспыхнувшее в Египте восстание и вступил в союз с фараоном Псамметихом I...

«Своего конного гонца, которого он постоянно посылал, чтобы меня приветствовать, перестал он затем посылать.

Так как он перестал выполнять повеления Ашшура, моего создателя, положился на своё собственное военное могущество и на веление сердца своего и послал свои военные силы на помощь Питамилку, царю Египта, который сбросил с презрением ярмо моего господства...

И вот услышал я это и помолился Ашшуру и Иштар: «Да будет брошен его труп перед врагом и да унесут его кости».

Как я молил Ашшура, так и исполнилось: перед его врагом был брошен его труп, и унесли его кости. Киммерийцы, которых он попрал моим именем, пришли и ниспровергли всю его страну...»

Получается, что хотя киммерийцы и «не обнимали царские ноги» Ашшурбанипала, но тут они стали послушными исполнителями молитв-повелений великого ассирийского царя...

В 644 году до нашей эры Гиг погиб при защите своей столицы, и Сарды пали.

Лидия была покорена киммерийцами...

5

Следом за Сардами пришёл черед ионийских городов...

На этрусских вазах киммерийцев изображали всадниками в высоких шапках. Возле их коней скакали псы...

Собаки — непременные помощники кочевников-скотоводов. Трудно без собак управлять овечьими отарами...

Собаки сопровождали киммерийские отряды и в боевых походах.

Возможно, они участвовали в сражениях, возможно, отгоняли злых духов...

Должно быть, такими, схожими с кентаврами, окружёнными псами, и появились киммерийцы у стен Эфеса.

Древнейший из известных элегических поэтов Каллин написал тогда, взывая к своим согражданам:

Будете спать вы доколе? Когда мощный дух обретёте,
Юноши? Даже людей, окрест живущих, и тех
Вы не стыдитесь средь лени безмерной? Вы мните, что в мире
Жизнь провождаете? Нет! — всюду война на земле!
. . . . . .
...Пусть, умирая, копьё хоть напоследок метнёт.
И достохвально и славно для мужа за родину биться,
Биться за малых детей, за молодую жену
С ворогом злым. Смерть тогда лишь наступит, когда нам на долю
Мойры её напрядут... Пусть же с подъятым копьём
Каждый стремится вперёд и щитом свою грудь прикрывает,
Мощную духом, едва жаркий завяжется бой!
Ведь и судьбой решено, что никто из людей не избегнет
Смерти, хотя бы он был богом бессмертным рождён.

Часто, от битвы уйдя, от копейного стука, приходит
Ратник домой, и в дому смерть настигает его.
Только для города он ни желанен, ни дорог не будет;
Если ж погибнет храбрец, плачут по нём стар и млад.
Ведь крепкосердого мужа кончина — печаль для народа;
Если же он средь живых, все полубога в нем чтят
И, как на кремль, на него обращают сограждане взоры, —
Подвиги многих бойцов он совершит и один.

Ныне вторгается к нам киммерийцев орда нечестивых...

На этих словах обрывается единственная сохранившаяся до нас элегия Каллина.

Каллин был моложе Гомера примерно на полстолетия, и получается, что уместившиеся в эти полстолетия свершения киммерийцев в Передней Азии и определили метаморфозу «справедливейших смертных» в «орду нечестивых» ...

А Каллимах из Кирены три столетия спустя связал судьбу киммерийского царя с гневом богини Артемиды, чей храм находился в Эфесе...

Не простым характером была наделена эта дочь Зевса.

Она защищала женщин и детей, облегчала страдания умирающих, но вместе с тем обладала и необыкновенной жестокостью. Каллимах писал, что, охотясь на зайцев, Артемида всегда радовалась виду их крови...

И вот спустя триста лет, словно вняв призыву Каллина, Артемида у Каллимаха беспощадно распоряжается судьбою всего киммерийского войска...

«...Поэтому-то наглец Лигдамид... и привёл
бесчисленное войско доителей кобылиц киммерийцев,
которые живут отдельно от других
у самого пролива Инаховой телицы .
О жалкий царь, как он ошибся!
Ни ему самому, ни кому-либо другому,
чьи повозки стояли на Каистрийском лугу,
не суждено было вернуться в Скифию...»

Так и случилось...

Взятие ионийских городов — последние победы в венце «повелителя вселенной», киммерийского царя Тугдамме (Лигдамиса)

Он погиб в 640 году до нашей эры, и до сих пор не ясно, кто победил его, и кто его убил.

Тугдамме, как и его отец, Теушпа, умел смотреть в иное, и в этом ином и исчезает он, уходя из жизни...

Римский сановник, страстный любитель псовой охоты, историк Флавий Арриан связал гибель киммерийцев с аконитом, поев которого они «имели несчастную судьбу — ведь у них был обычай есть траву».

Аконит, как мы знаем из описания одиннадцатого подвига Геракла, вырос из ядовитой слюны адского пса Цербера...

Почему киммерийцы дружно начали поедать эту траву, у которой даже и запах считается ядовитым, можно объяснить только колдовством, и от этого колдовства Тугдамме не смогли спасти и киммерийские псы, предназначенные отгонять злых духов.

6

Мотив колдовского погубления «повелителя вселенной» присутствует и в ассирийских источниках, которые утверждают, что Лигдамис не погиб в бою, а умер от болезни.

«Он обезумел и в безумии кусал свои пальцы. Половину его тела разбило ударом, шип возник у него внутри, его язык был истерзан, его член отпал. В выделениях и истечениях, стонах и стенаниях он испустил дух...»

Впрочем и более реалистические гипотезы того, что произошло в 640 году до нашей эры, не грешат согласием и доказательностью...

Страбон предполагал, к примеру, что Тугдамме (Лигдамис) был убит в Киликии царём скифов Мадием, который приходился племянником ассирийскому царю Ашшурбанипалу, а Полиен в сочинении «Военные хитрости» (Стратегемы»), появившемся во II веке нашей эры, сообщил, что киммерийцев победил лидийский царь Алиатт.

Помимо своей противоречивости эти версии легко включают в историческое предание и элементы мифологии.

Тот же Полиен утверждает, что Алиатт использовал в битве с киммерийцами *«отважнейших псов, которые, бросившись на варваров, имевших отвратительные, зверовидные тела, как на зверей, многих из них растерзали, а остальных заставили позорно бежать».*

Интересное объяснение замене скифов «отважнейшими псами» дал академик Аскольд Игоревич Иванчик.

«Предположение, что в малоазийской фольклорной традиции реальные противники киммерийцев скифы оказались заменены на «отважнейших псов» под влиянием практики скифских мужских союзов и связанных с ними представлений, получает дополнительное обоснование при сопоставлении с устойчивой античной традицией, согласно которой в Азию вторгся не весь народ скифов, а одни мужчины, оставившие жён дома, — пишет он. — *Эта традиция, известная уже Геродоту, отражает скифские представления и свидетельствует о том, что действия скифских передвижных отрядов в Азии рассматривались как дело рук одиноких воинов, отделённых от своего народа и схожих со спартанскими криптами, кельтским ffan или mairyö Авесты.*

Подобные представления легко объясняются при сопоставлении с обычаями потомков древних скифо-сарматов, осетин. Одним из важнейших элементов традиционного осетинского воспитания был институт bale, военных экспедиций или грабительских набегов. Мужчина считался достигшим полной зрелости, то есть прошедшим все ступени инициации, лишь после

того, как совершал последовательно все три предусмотренных обычаем балца — годичный, трехлетний и семилетний. Первый же, годичный, поход (afæzbalc) был в то же время необходимым условием для перехода юноши в возрастной класс взрослых мужчин, причём каждый юноша должен был оставить свою жену для совершения годичного похода уже через три дня после свадьбы. В более раннюю эпоху участие в такой экспедиции было, видимо, непременным условием для вступления в брак.

Начало балцев и формирование отрядов для их совершения было приурочено к весенним праздникам в честь покровителя воинов и волков — Стыр Тутыр; однако инициация юношей происходила обычно осенью и была связана с ноябрьским праздником в честь Уастырджи, во время которого проводились различные военные игры и состязания. Примечательно, что в древнеперсидском календаре месяц, приходившийся на октябрь/ноябрь, именовался Varkazana, то есть «месяц людей-волков», что ещё раз свидетельствует о глубокой связи иранских инициационных обрядов с волками.

Рассказ Геродота о происхождении савроматов отражает, видимо, тот же обычай afæzbalc. В самом деле, он описывает классический мужской союз, члены которого, проходящие инициацию неженатые юноши, живут отдельно от остальных соплеменников, не имея ничего, кроме коней и оружия, и кормятся охотой и грабежом. Молодые скифы получили право жениться на амазонках лишь прожив определённое время этой жизнью участников балца.

Ф. Артог объяснял весь этот рассказ структуралистскими оппозициями «война — брак», «мужчина — женщина» и т. д. Согласно его мнению, эти оппозиции структурировали весь рассказ и, следуя их логике, Геродот описал скифов как греческих эфебов...

Для того, чтобы объяснить рассказ о стратегеме Алиатта, автор этой переработки с чисто эллинистическим рационализмом сделал акцент на сходстве между киммерийцами и дикими зверьми, благодаря которому псы приняли их за таковых» ...

Тут, дополняя глубокоуважаемого академика, можно было бы вспомнить и о том, что имя отца Тугдамме (Лигдамиса), Теушпы, некоторые исследователи переводят как «пёс-похититель» или «божественный пёс», в отличии от Ишпакая, имя которого просто «пёс» ...

Человеческое и звериное, как и в скифском зверином стиле, переплетается в этой истории так не просто и вместе с тем так выразительно, что ни в каких логических объяснениях оно не нуждается, поскольку и не может быть объяснено словами.

Тем более, что речь ведь идет не только о «повелителе вселенной» Тугдамме (Лигдамисе)

После его гибели царем киммерийцев стал его сын — Сандакурру, но и он в 617 году до нашей эры был разгромлен воинственным Алиаттом III, внуком Ардиса, правнуком царя Гига, отцом будущего царя Крёза...

7

Так, в страшный венок, которым увенчала Артемида главу киммерийского «повелителя вселенной», вплелась боковая линия ассирийской династии Саргонидов, а заодно и судьба основанной Гигом лидской династии Мерм-

надов, и в результате безвременно оборвалась, не дождавшаяся своих гигов и крёзов, династия царя Тугдамме, этого божественного пса, умеющего смотреть в иное...

Впрочем, подчеркнём ещё раз, что пророчество о киммерийцах, которым не суждено было вернуться из ионийских городов в Скифию, принадлежат не столько богине Артемиде, сколько её литературному образу, созданному триста лет спустя после описываемых событий Калимахом из Кирены, когда уже точно было известно, что киммерийцы не вернулись на Родину.

Калимах из Кирены написал в собственной эпитафии, что он и «песни умел слагать, а подчас и за вином не скучать», точно так же, как и другой поэт, живший в Крыму два с половиной тысячелетия спустя:

Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны...
Ширь земли да небесная лепь!
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое Поле,
Тёмная Киммерийская степь.

Хотя в этих стихах Максимилиана Волошина и нет отсылок на исторические источники, но поэтическое узнавание народной судьбы присутствует здесь совершенно точно ...

Вся могильниками покрыта –
Без имён, без конца, без числа...
Вся копытом да копьями взрыта,
Костью сеяна, кровью полита,
Да народной тугой поросла.

Только ветр закаспийских угорий
Мутит воды степных лукоморий,
Плещет, рыщет – развалист и хляб
По оврагам, увалам, излогам,
По немеряным скифским дорогам
Меж курганов да каменных баб...

Игорь Кудрявцев

ДЕТСТВО ЗРЕЛОСТИ

***

из «Поэмы о сердце»

Твоё лицо – лицо огня.
И я пожар унять не властен,
Когда, дыхание тесня,
Подует вольный ветер страсти.
В дверях покоятся ключи,
И шторы сдвинуты на окнах.
Ты светишь лунами в ночи,
Ты пахнешь росами на копнах.
Уже становится тобой
Моя покорная мятежность,
Уже восходит под рукой
Стихии яростная нежность.
От незакатных облаков
Пречисто-грешною дорогой
Нисходит мудростью веков
Мгновенье сладкого ожога…
Плоть утомлённая зорит –
Как бьётся жилка на запястье.

Кудрявцев Игорь Николаевич,член Союза писателей СССР, России (1979 г.), поэт. Лауреат всесоюзной литературной премии (1078). Родился 23 декабря 1944 г. в городе Соколе Вологодской области. Детство прошло на Кубани, в станице Кущёвской Краснодарского края.

Стихи пишет с детства. Впервые опубликовался в многотиражной газете «Ростсельмашевец» (1962). Первая книга стихов Игоря Кудрявцева «Ранняя тропа», изданная в Ростове (1978), отмечена премией ЦК ВЛКСМ, Союза писателей СССР, Госкомиздата, 1-го Всесоюзного конкурса творчества молодых литераторов.

Основное направление творчества Игоря Кудрявцева — лирическое стихотворение. В соавторстве с композитором Вячеславом Малежиком поэтом написаны десятки песен.

Живёт и работает в г. Ростове-на-Дону.

Твоё лицо ещё горит,
Но утихает ветер страсти.
И жизни нам – на тыщу лет,
И тишина не скрипнет ставнем.
Давай разбудим нижний свет –
Поговорим о самом главном.

ТВОЁ ИМЯ

Я его тревожил в тишине.
Начинался день тропою ранней.
Жизнь была прекрасна – и вдвойне
С грозовыми вёснами страданий.
Я писал его. Горел в окне
Листопад, закрыв собою дали.
Жизнь была прекрасна, и – вдвойне
С голубой позёмкою печали.
Проклинал его. Январский снег
В рощах обезличивал деревья.
Жизнь была прекрасна, и – вдвойне
С ледяною пустошью безверья.
Забывал его. Но по весне
Воскрешал светло, неповторимо.
Жизнь была прекрасна, как во сне,
Как твоё… Простите, Ваше имя.

ПЕРЕД ОСЕНЬЮ

Я молча перед осенью стою.
Мои просторы в лёгком запустенье.
Полуогонь, как исповедь, таю,
И на траву ложатся полутени.
Иной порог – иное бытиё.
Мне нынче открывать иные двери.
Забуду малодушное враньё,
Как барабан-игрушку в детском сквере.
Мой возраст, предначертанно-земной,
Забудь, что ты мятежно-невесёлый.
Мы погорельцы прошлого с тобой,
Но в ледяном грядущем – новосёлы.
А дома вишня тычется в лицо,
И на любовь родни везёт чертовски.
Скрипит тысячелетнее крыльцо,
Как воронёный хром сапог отцовских.

Напрасно звёзды меркнут – не усну.
Я выйду за железные ворота
И оглянусь на чёрную весну,
Где ты стоишь
В слезах
У поворота.

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

Тополиная пушинка,
Невесома и светла,
Будто лёгкая заминка
В нашей полночи была.
А сейчас, пронзая дали,
Улетает – не зови –
Тополиный пух печали,
Тополиный пух любви.
Жду светло и безмятежно,
Будто луч из темноты,
Тополиный пух надежды,
Тополиный пух мечты.
Тень от облака косынкой
Упадёт в речную гладь.
Тополиную пушинку
Гонит ветром – не догнать.
Гаснут листья, гаснут звуки.
Студит трассы и холмы
Тополиный пух разлуки.
Тополиный пух зимы.

***

Сестре Тане

Я сюда из города приехал,
Навестить заречное село –
Не для праздной, ветреной потехи, –
Отогреть озябшее крыло.
Час наступит – день закроет ставни,
О друзьях, как водится, спрошу
И у речки юности недавней
Горькую травинку закушу.
Тишину взорвав, промчится скорый.
О песок ударится весло…
Из села родного тянет в город,

Из родного города – в село.
Я опять уеду, но сначала
За калитку выведу мечту…
Мама на судёнышке вокзала
Медленно отчалит в темноту.

***

Александру Рогачёву

Благословенны блески ночи.
Весна. Тетрадь. Перо в руке.
Глубокий вдох на междустрочье
И полный выдох на строке.
Твори, поэт. Поставив точку,
Благослови жестокий миг,
Когда тетрадь к исходу ночи
Сгорит в огне, как еретик.

ТЕТРАДЬ

Страница музы – на столе,
Страница вьюги – на земле,
И неземно освещена
Страница белого окна.
Навеет сердцу благодать –
Пора – пожалуй – собирать,
Пора – пожалуй – начинать
Исповедальную тетрадь.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Сердце хочет справедливости
И под солнцем, и во мгле.
Сердце хочет этой милости,
Как горбушки на столе.
Я же к памяти иду,
Я – у детства на виду. –
Там нарядно и пригожисто,
Там парадно и гармошисто,
Там станица не замаяна,
Там душа опервомаяна,
Там несёт меня торжественно
Легкоутреннее шествие,

И в руке моей сопливости
Красный шарик справедливости.

ДЕКАБРЬ

Александру.Кондакову

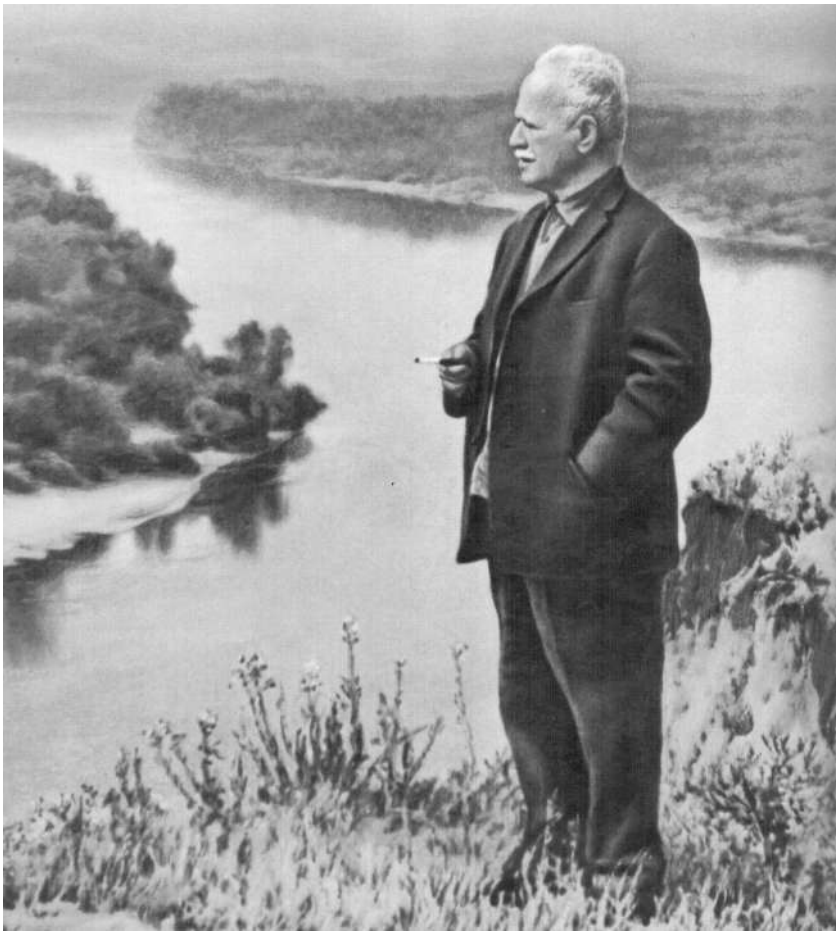
Ветка зимы, удержись, –
Там, за окном лиховерть…
Дело житейское – жизнь,
Дело житейское – смерть.
Мне хорошо на земле,
Мне хорошо в небесах…
Ветка зимы на столе –
Будто стихи при свечах…

***

Хватит бойкой семиструнности –
Мне бы чуть негромкой смелости.
Отошли забавы юности,
Наступили будни зрелости.
Вот шагаю сельской улицей,
Пыль серебряная стелется.
Соловей вдогон прищурится,
Будто песнею прицелится.
Круг друзей, годами суженный,
Разрываю на мгновение.
Нынче ветры не остужены,
Но и грозы не весенние.
Ни кичиться, ни куражиться,
Хоть убей меня, не хочется.
Облик твой в ночи покажется,
Да судьбой не напророчится.
За спиною – тени лунности
И тропинки неумелости…
Привечаю старость юности,
Извините – детство зрелости.

Крутояр

Раздел посвящён Донскому краю,
донским писателям и деятелям искусств



«КРУТОЯР» — любимое место на Дону Михаила Александровича Шолохова

Михаил Шолохов

ИЛЮХА

Рассказ

1

Началось это с медвежьей охоты.

Тетка Дарья рубила в лесу дровишки, забралась в непролазную гущу и едва не попала в медвежью берлогу. Баба Дарья бедовая — оставила неподалеку от берлоги сынишку караулить, а сама живым духом мотнулась в деревню. Прибежала — и перво-наперво в избу Трофима Никитича.

— Хозяин дома?

— Дома.

— На медвежью берлогу напала… Убьёшь — в часть примешь.

Поглядел Трофим Никитич на неё снизу вверх, потом сверху вниз, сказал презрительно:

— Не брешешь — веди, часть барышов за тобою.

Собрались и пошли, Дарья передом чикиляет, Трофим Никитич с сыном Ильей сзади. Сорвалось дело: подняли из берлоги брюхатую медведицу, стреляли чуть ли не в упор, но по случаю бессовестных ли промахов или ещё по каким неведомым причинам, но только зверя упустили. Долго осматривал Трофим Никитич свою ветхую берданку, долго «тысячился», косясь на ухмылявшегося Илью, под конец сказал:

— Зверя упущать никак не могём. Придётся в лесу ночевать.

Поутру видно было, как через лохматый сосновый молодняк уходила медведица на восток, к Глинищевскому лесу. Путаный след отчётливо печатался на молодом снегу; по следу Трофим с сыном двое суток колесили. Пришлось и позябнуть и голоду опробовать — харчи прикончились на другой день, — и лишь через трое суток на прогалинке, под сиротливо пригорюнившейся берёзой, устукали захваченную врасплох медведицу. Вот тут-то и сказал Трофим Никитич в первый раз, глядя на Илью, ворочавшего семнадцатипудовую тушу:

— А силёнка у тебя водится, паря… Женить тебя надо, стар я становлюсь,

немощен, не могу на зверя ходить и в стрельбе плошаю — мокнет слезой глаз. Вот видишь, у зверя в брюхе дети, потомство… И человеку такое назначение дадено.

Воткнул Илья нож, пропитанный кровью, в снег, потные волосы откинул со лба, подумал: «Ох, начинается…»

С этого и пошло. Что ни день, то всё напористей берут Илью в оборот отец с матерью: женись да женись, время тебе, мать в работе состарилась, молодую бы хозяйку в дом надо, старухе на помощь… И разное тому подобное.

Сидел Илья на печке, посапливал да помалкивал, а потом до того разжелудили парня, что потихоньку от стариков пилу зашил в мешок, топор прихватил и прочие инструменты по плотницкой части и начал собираться в дорогу, да не куда-нибудь, а в столицу, к дяде Ефиму, который в булочной Моссельпрома продавцом служит.

А мать своё не бросает:

— Приглядела тебе, Ильюшенька, невесту. Была бы тебе хороша да пригожа, чисто яблочко наливное. И в поле работать и гостя принять приятным разговором может. Усватать надо, а то отобьют.

В хворь вогнали парня, в тоску вдался, больно жениться неохота, а тут-таки, признаться, и девки по сердцу нет, в какую деревню ни кинь поблизости — нет подходящей. А как узнал, что в невесты ему прочат дочь лавочника Федюшина, вовсе ощетинился.

Утром, кое-как позавтракав, попрощался с родными и пешкодралом махнул на станцию. Мать при прощании всплакнула, а отец, брови седые сдвинув, сказал зло и сердито:

— Охота тебе шляться, Илья, иди, но домой не заглядывай. Вижу, что заражённый ты кумсамолом, всё с ними, с поганцами, нюхался, ну и живи как знаешь, а я тебе больше не указ…

Дверь за сыном захлопнул, глядел в окно, как по улице, прямой и широкой, вышагивал Илья, и, прислушиваясь к сердитому всхлипыванию старухи, морщился и долго вздыхал.

А Илья выбрался за село, посидел возле канавки и засмеялся, вспоминая Настю — невесту проченную. Больно на монашку похожа: губки ехидно поджатые, всё вздыхает да крестится, ровно старушка древняя, ни одной обедни не пропустит, а сама собой — как перекисшая опара.

2

Москва не чета Костроме. Вначале пугался Илья каждого автомобильного гудка, вздрагивал, глядя на грохочущий трамвай, потом свыкся. Устроил его дядя Ефим на плотницкую работу.

…Ночью, припозднившись, шёл с работы по Плющихе, под безмолвной шеренгой желтоглазых фонарей. Чтобы укоротить дорогу, свернул в глухой, кривенький переулок и возле одной из подворотен услышал сдавленный крик, топот и звук пощёчины. Ускорил Илья шаги, заглянул в чёрное хайло ворот: возле мокрой сводчатой стены пьяный слюнтяй, в пальто с барашковым воротником, лапал какую-то женщину и, захлёбываясь отрыжкой, глухо бурчал:

— Н-но… позвольте, дорогая… в наш век это так просто. Мимолётное счастье…

Увидел Илья за барашковым воротником красную повязку и девичьи глаза, налитые ужасом, слезами, отвращением.

Шагнул Илья к пьяному, барашковый воротник сграбастал пятернею и шваркнул брюзглое тело об стену. Пьяный охнул, рыгнул, бычачьим бессмысленным взглядом упёрся в Илью и, почувствовав на себе жёсткие по-звериному глаза парня, повернулся и, спотыкаясь, оглядываясь и падая, побежал по переулку.

Девушка в красном платке и потёртой кожанке крепко уцепилась Илье за рукав.

— Спасибо, товарищ… Вот какое спасибо!

— За что он тебя облапил-то? — спросил Илья, конфузливо переминаясь.

— Пьяный, мерзавец… Привязался. В глаза не видала…

Сунула ему девушка в руки листок со своим адресом и, пока дошли до Зубовской площади, всё твердила:

— Заходите, товарищ, по свободе. Рада буду…

3

Пришёл Илья к ней как-то в субботу, поднялся на шестой этаж, у ошарпанной двери с надписью «Анна Бодрухина» остановился, в темноте пошарил рукою, нащупывая дверную ручку, и осторожненько постучался. Отворила дверь сама, стала на пороге, близоруко щурясь, потом угадала, пыхнула улыбкой.

— Заходите, заходите.

Ломая смущение, сел Илья на краешек стула, оглядывался кругом робко, на вопросы выдавливал из себя кургузые и тяжёлые слова:

— Костромской… плотник… на заработки приехал… двадцать первый год мне.

А когда ненароком обмолвился, что сбежал от женитьбы и богомольной невесты, девушка смехом рассыпалась, привязалась:

— Расскажи да расскажи.

И, глядя на румяное лицо, полыхавшее смехом, сам рассмеялся Илья; неуклюже махая руками, долго рассказывал про всё, и вместе перемежали рассказ хохотом молодым, по-весеннему. С тех пор заходил чаще. Комнатка с вылинявшими обоями и портретом Ильича с сердцем сроднилась. После работы тянуло пойти посидеть с нею, послушать немудрый рассказ про Ильича и поглядеть в глаза её серые, светлой голубизны.

Весенней грязью цвели улицы города. Как-то зашёл прямо с работы, возле двери поставил он инструмент, взялся за дверную ручку и обжёгся знобким холодком. На дверях на клочке бумаги знакомым, косым почерком: «Уехала на месяц в командировку в Иваново-Вознесенск».

Шёл по лестнице вниз, заглядывая в чёрный пролёт, под ноги сплевывал клейкую слюну. Сердце щемила скука. Высчитал, через сколько дней вернётся, и чем ближе подползал желанный день, тем острее росло нетерпение.

В пятницу не пошёл на работу — с утра, не евши, ушёл в знакомый переулок, залитый сочным запахом цветущих тополей, встречал и провожал глазами каждую красную повязку. Перед вечером увидал, как вышла она из переулка, не сдержался и побежал навстречу.

4

Опять вечерами с нею — или на квартире, или в комсомольском клубе. Выучила Илью читать по складам, потом писать. Ручка в пальцах у Ильи листком осиновым трясётся, на бумагу бросает кляксы; оттого, что близко к нему нагибается красная повязка, у Ильи в голове будто кузница стучит в висках размеренно и жарко.

Прыгает ручка в пальцах, выводит на бумажном листе широкоплечие, сутулые буквы, такие же, как и сам Илья, а в глазах туман, туман…

Месяц спустя секретарю ячейки постройкома подал Илья заявление о принятии в члены РЛКСМ, да не простое заявление, а написанное рукою самого Ильи, со строчками косыми и курчавыми, упавшими на бумагу, как пенистые стружки из-под рубанка.

А через неделю вечером встретила его Анна у подъезда застывшей шестиэтажной махины, крикнула обрадованно и звонко:

— Привет товарищу Илье — комсомольцу!..

5

— Ну, Илья, время уже два часа. Тебе пора идти домой.

— Погоди, аль не успеешь выспаться?

— Я вторую ночь и так не сплю. Иди, Илья.

— Больно на улице грязно… Дома хозяйка-то лается: «Таскаешься, а мне за всеми вами отпирать да запирать дверь вовсе без надобности…»

— Тогда уходи раньше, не засиживайся до полночи.

— Может, у тебя можно… где-нибудь… Переночевать?

Встала Анна из-за стола, повернулась к свету спиной. На лбу косая, поперечная морщина легла канавой.

— Ты вот что, Илья… если подбираешься ко мне, то отчаливай. Вижу я за последние дни, к чему ты клонишь… Было бы тебе известно, что я замужняя. Муж четвёртый месяц работает в Иваново-Вознесенске, и я уезжаю к нему на днях…

У Ильи губы словно серым пеплом покрылись.

— Ты за-му-жня-я?

— Да, живу с одним комсомольцем. Я сожалею, что не сказала тебе этого раньше.

На работу не ходил две недели. Лежал на кровати пухлый, позеленевший. Потом встал как-то, потрогал пальцем ржавчиной покрытую пилу и улыбнулся натянуто и криво.

Ребята в ячейке засыпали вопросами, когда пришёл:

— Какая тебя болячка укусила? Ты, Илюха, как оживший покойник. Что ты пожелтел-то?

В коридоре клуба наткнулся на секретаря ячейки.

— Илья, ты?

— Я.

— Где пропадал?

— Хворал… голова что-то болела.

— У нас есть одна командировка на агрономические курсы, согласен?

— Я ведь малограмотный очень. А то бы поехал…

— Не бузи! Там будет подготовка, небось выучат…

***

Через неделю, вечером, шёл Илья с работы на курсы, сзади окликнули:

— Илья!

Оглянулся — она, Анна, догоняет и издали улыбается. Крепко пожала руку.

— Ну, как живешь? Я слышала, что ты учишься?

— Помаленьку, и живу и учусь. Спасибо, что грамоте научила.

Шли рядом, но от близости красной повязки уж не кружилась голова. Перед прощанием спросила, улыбаясь и глядя в сторону:

— А та болячка зажила?

— Учусь, как землю от разных болячек лечить, а на энту… — Махнул рукой, перекинул инструмент с правого плеча на левое и зашагал, улыбаясь, дальше — грузный и неловкий.

1925

М.А. Шолохов с женой и дочерьми

Григорий Рычнев

ПАМЯТЬ СТАНИЦЫ

Очерк

Сентябрь. Станица Каргинская. Отсюда начинал свой творческий путь Михаил Александрович Шолохов. Здесь каждый проулок, каждый дом, кажется, дышат далёкой, но ещё близкой стариной.

Невольно вглядываешься в лица: те и уж не те каргиновцы, что описаны в произведениях писателя. Да и одежда местных старожилов, их детей и внуков как будто бы та, да не та: нет былого колорита. Но прислушаешься к говору станичников, послушаешь их песни, посмотришь на пляски танцоров — и убедишься: нет, жива ещё казачья народная душа.

Как что-то самое дорогое — старинные дома-курени на высоких фундаментах с деревянными карнизами, какие я видел в Зарайске, на родине предков Михаила Александровича. Такие дома помнят казачьи «привилегии», за которые платили службой Отечеству, а чаще своей буйной головушкой….

Новое поколение теперь живёт в станице. Но память трудового казачества хранит в сердцах любовь к тем, кто в суровые дни испытаний с оружием в руках от стаивал нынешнюю жизнь. Не зря ведь всё лето, из года в год на братской могиле героев Великой Отечественной войны растут цветы, а в памятные даты молодожёны, школьники кладут нетленные венки…

Тополя, как солдаты в почётном карауле, замерли по улицам и тихо роняют первую осеннюю листву…

Осень в Каргинской — пора свадеб. В выходные дни легковые машины в разноцветных лентах, сигналя прохожим, катят по улицам. Остановка у обелиска…

Память. Она будет жить в нас вечно. Без неё мы — никто.

Рычнев Григорий Фёдорович, член Союза писателей России (2005 г.), прозаик, родился в 1953 г. в хуторе Черновка Вёшенского района Ростовской области.

Работая в районной газете «Советский Дон», заочно окончил филологический факультет Воронежского пединститута. В дальнейшем Г. Рычнев работал научным сотрудником в Государственном музее-заповеднике М.А.Шолохова,

Первая книга Григория Рычнева «Рассказы о Шолохове» вышла в 1992 г. Он автор четырёх книг прозы.

Живёт и работает в станице Вёшенской Ростовской области.

А ещё всегда будем помнить: здесь, в хуторе Каргинском (переименован в станицу в 1918 году), таким же тёплым сентябрьским днём переступил порог школы будущий писатель с мировым именем Михаил Шолохов. Отсюда же увезёт его отец, Александр Михайлович, в подготовительный класс московской гимназии, а в 1915 — в гимназию города Богучара Воронежской губернии.

О том, с чего начинались школьные годы Миши Шолохова, рассказывала Надежда Тимофеевна Кузнецова, о которой мне тоже хотелось бы сказать несколько слов: общительная, с доброй душой и проницательным взглядом, не теряющая в нужную минуту чувства юмора. Она всю свою жизнь посвятила преподавательской работе, в совершенстве владела английским языком, что давало ей возможность часто бывать в доме Шолоховых — переводить тексты или встречать гостей в роли переводчика, а с 1984 года работала в музее заповеднике научным сотрудником.

О Шолохове она вспоминала с особым чувством, будто заново переживала минуты встреч и общений:

— Мой папа, Тимофей Тимофеевич Мрыхин, был ьпервым учителем Шолохова. И началось знакомство вот с чего: Александр Михайлович как-то пожаловался моему папе: «На речку Минька повадился ходить. Кусок хлеба возьмёт и уходит рыбалить. Давай его как-то отучим от этого… Переключим с рыбалки на науку». И отец согласился давать ему уроки на дому. Так маленький Миша за шесть-семь месяцев освоил письмо и счёт и в семь лет пошёл сразу во второй класс приходской школы. И когда у Миши спрашивали, кем он хочет быть, — отвечал: «Военным». Но мой отец не хотел в нём это поддерживать и говорил Александру Михайловичу: «Нет, у него склонности к гуманитарным наукам», — и всячески старался развивать его способности».

Как-то с Виктором Потаповым (у него был хороший фотоаппарат) мы выбрали свободный денёк и поехали в станицу Каргинскую. Задумка была такая: сфотографировать места, где бывал Шолохов, записать воспоминания старых казаков.

Прибыв в станицу, мы сфотографировали дом-музей писателя, школу, где он учился, старую мельницу Донпродкома, Шевцову яму, куда ходил юный Шолохов на рыбалку, а потом отправились в хутор Латышев к Александру Ивановичу Поволоцкову, одногодку Миши Шолохова.

Александр Иванович копал на огороде картошку. Это был высокого роста и крепкого телосложения мужчина. Осенний загар румянил его морщинистый лоб и плитняки щёк с мелкими ниточками красных вен.

Хозяин был одет в полосатую линялую рубашку. Вы слушав нас, он степенно прошёл к колченогому столу, что стоял в саду, не торопясь сел на скамейку и положил перед собой клешнеподобные ладони, на тыльной стороне которых выпирали из-под кожи струны сухожилий и голубые напруженные вены.

— Я сам плотник, сапожник, гармонист… В войну про шёл от Сталинграда до Берлина. Воевал в инженерно-технических войсках. Поганец Гитлер, сколько миру перевёл… Нас сколько погибло да ихних…

Да, я в первый класс ходил в Каргин и точно помню, что учился с Мишей

Шолоховым. Но только один год, а потом я не знаю куда он делся. Ага, поп Омельян преподавал у нас закон Божий. Учили русский язык, математику… дробь простая, десятичная… На парте по три человека сидели. И по четыре — тоже такие парты были. Много поступало учеников. Наша церковно-приходская, пять классов было, а во второй школе, приходской, — три класса. Человек сто нас училось…

Помню, дед у нас на перемене всегда стоял с кнутом: побегут какие по партам, а он кое-кого и потянет через всю спину… И Шолохов тоже развитой был, и ему, бывало, попадало.

Шолохова отец вроде бахчевником работал у нас в Латышах. На квартире жил и бахчевником работал. Вот у Михаила потом и рассказ появился: «Бахчевник».

В двадцатые годы у нас в хуторе в кулацком доме был ликбез, молодой Шолохов преподавал. А потом этот дом сгорел.

В слободке, под Каргиным, жила тётка Шолохова, и он её часто навещал. Муж её, Платон, тут у нас бывал и хвалился: «...Михаил Шолохов приезжал…»

Время так быстро летит, что синица из руки. Нет уже тех людей, которые жили рядом с Шолоховыми в Каргине. И оставалось только сожалеть…

Серебро зимы

Геннадий Селигенин

ПРОДЛИСЬ, ОЧАРОВАНЬЕ!..

Эссе

Многие любуются природой, но не многие принимают её к сердцу, и даже тем, кто к сердцу принимает, не часто удаётся так сойтись с природой, чтобы почувствовать в ней свою собственную душу.

(М. Пришвин)

Перечитывал Пришвина… И невольно приходило на ум: да ведь он язычник, плоть от плоти наших пращуров, язычников.

«Избранные мною сёстры-берёзки небольшие ещё, в рост человека, они растут рядом, как одно дерево. Пока не распустились ещё листья и надутые почки, как бусинки, на фоне неба видна вся тончайшая сеть веточек этих двух сплетённых берёз… Много чудесного вижу я в этих берёзах и часто думаю о дереве, существующем независимо от меня и даже расширяющем мою собственную душу при сближении… Но ведь где любовь, там и душа; и у возлюбленной и у берёзы».

Некоторые умы считают современное общество глубоко языческим. Подразумевая, что *«…для современного человека каждый предмет, каждая вещь, предназначенная для потребления, может стать специфическим идолом, обратиться в особый предмет поклонения, то есть сознательно или бессознательно обожествляется».*

Но для пращуров-язычников природа являлась средой обитания… Да, они пользовались из её кладовых (а откуда ещё?!). Но и почитали, как главное проявление Бога на земле. Жили, не нарушая её порядков… Общеизвестно, христианство укоренилось и живо (не только на Руси), в немалой, а, может, и в решающей, степени благодаря сохранению и почитанию обрядов и традиций далёких предков. Но это — тема особая. А вот что потеряли, теряем и чем расплачиваемся...

…— А ты чего ж, тоже сюда погулять? — Гриша подвигает мне стакан с шибучей жидкостью от фирмы «Сам-жэнэ». Его хриповатый голос заматерелой утки-кряквы путается в камышах со свисающими седыми бородами… За вольной роскидью лимана, с такими же, как и наша, кулигами камыша, всплывает солнышко. Не слишком великое, но свежее и ласкающее, как последний привет бабьего лета.

Как ответить этому «милому» созданию, в страшноватом обличье которого осталось не так много и человеческого? Что это моя застарелая прихоть закрывать «навигацию» поездкой в мотолодке вверх по Дону, с обязательным заходом в Маныч и — почти до самого хутора Весёлого? Что «поездка», в общем-то, и совершается ради этого захода?

Спокойный, неширокий Маныч с неожиданными поворотами и камышовыми «заманухами», кишащими пернатой дичью и «разнорыбецей», — это что-то из далекого детства. Проплывая эти места, всякий раз ловлю себя на том, что еду по степи в телеге и со странным чувством, будто жил когда-то другой жизнью и проезжал обок с рекой, из которой пили воду кони скифов и батыевых орд.

Едешь малой скоростью — плакучую ивушку встретишь с еще совсем зелёной косой, свисающей к самой воде, а то невесть как забредшую в эти края берёзку в расписанной золотом накидке, приглаженные дождями и ветром копны, а между — задумчиво повёрнутые головы коров… И — голенастые телята или табунец лошадей с взбрыкивающими жеребятами. Сквозь жнивьё пробивается сочная зелень, и они выщипывают её с каким-то особым чувством, без видимой жадности… И такое сожмётся!.. Но попробуй об этом — Грише!.. Хотя в другой раз, может, что-то и понял бы. Однако сейчас у него дрожат руки…

Вечер настиг у самого Шахаевского лимана. Пружинил колючий ветер, накатывала крутая волна… Памятуя, что Маныч вкупе с лиманом в гневе своём упокоили ни одного любителя попользоваться из их кладовых, отворачиваю с фарватера под защиту островка камышей, густеющих тёмной подковой.

Тут и впрямь гораздо покойней. Мешают устроиться поудобней раколовки. «Заряжаю» сухарями, приправленными чесночной настойкой, сбрасываю за борт (приятное с полезным). Перекусываю «чем Бог послал». Подкладываю под голову рюкзак, растягиваюсь во всю длину. «…И звёзды небесные, как обстановка души моей, появляются над моими сенями».

Осенняя ночь долгая, и чтобы забыться, начинаю их пересчитывать. Но интересней отгадывать и вычленять целые созвездия, давая им свои имена или вспоминая известные. А уж зверей, птиц и растений на небосводе вдоволь.

Эта игра настолько увлекает, что забываю, где, собственно, нахожусь. А потом небо, земля и вода каким-то чудом смыкаются, образуя единое, цельное мироздание в виде пёстрого гигантского шара, которое как бы передо мной и в котором я сам — его незримая молекула. И я вижу дремлющие в камышах утиные выводки, сонливо шевелящих плавниками рыб, стерегущую добычу ондатру, сцепившихся клешнями раков… И всё это — сквозь убаюкивающее трепыхание звёзд. Потом и вовсе растворяюсь, схожу на нет, испытывая при этом неописуемое блаженство…

Утром выгребаю из камышей, правлюсь к фарватеру. И уже собираюсь завести мотор, как останавливает хриповатый, крякающий голос: «Гля-ко, а это откуда взялось?». «Сушу» весла. В камышовом проёме, с другого края от моей ночёвки, приткнулся катер. На его корме лепится фигура в шапке-ушанке и фуфайке.

На борту катера — знаки нашей лодочной стоянки. Встретить в сотне вёрст от дома земляков да ещё в таком месте и не подойти было бы, конечно, неправильно.

Из кубрика выпадает ещё одна физиономия. С трудом, но угадываю знакомых. Вспоминаю даже имена закадычных дружбанов и то, что они работают на одном крупном заводе — один сварщиком, другой токарем. Здороваюсь

через рукопожатие, с каждым отдельно, может, и они вспомнят: «Привет, Гриша! Привет, Миша!»

— Здорово, — не слишком уверенно хрипит Гриша. У Миши проклёвывается:

— Гля, так это ж наш… этот… Корреспондент! Давай сюда! Мы тут как раз насчёт завтрака соображаем.

Причаливаю к борту, вместе с оставшейся от ужина снедью переваливаю в катер изрядно набитый раками садок, полагая, что встреча может затянуться, и раки окажутся очень даже кстати. Пожимаю руки, не в силах оторвать глаз от оплывших физиономий. Зре-е-лище… Там, где у других глаза, у этих — скисшиеся прощелины, остальное — как бы протухлое мясо. На скамейках — открытые консервные банки с распавшейся мякотью, надо полагать, рыбной, плавающей в маслянистой, не слишком приглядного вида, жиже, с какими-то заплесневелыми солениями… Хлебные корки… Заскорузлые вилки, ложки, стаканы…

Увидев раков, Гриша неподдельно удивляется:

— Гля, Миха!.. Я ж тебе говорил: давай бросим раколовки, а ты…

— Ага, было бы когда бросать», — недовольно ворчит Миша.

— Ото ж, — соглашается Гриша. И ко мне: — Мы тут… А какое сегодня число?! — Я называю. — Ог-го! Миха, десять дней уже квасим! — И вроде как оправдываясь: — Ну, сам понимаешь, когда приехали — за славную рыбалку вздрогнули, потом, — чтобы отпуск зря не пропал. Потом поужинали. Ну и — похмелка. А она та же пьянка, только с утра. Во-от! — Гриша поднимает за горло двадцатилитровую бутыль. — Миха, да нам тут и осталось — разговеться!

— Не дрейф, сегодня протянем, — успокаивает Миша. — А завтра… — Он указывает на приткнувшуюся в уголке катера четырёхведёрную флягу. — Уже не булькает. Перебродила бражка. Гриша, ты змеевичок продуй. А то плохо капает.

— Да продул, продул уже. А ты чего ж, тоже сюда погулять? — Гриша дышит мне в лицо скопившимся перегаром, подвигает стакан: — Правильно сделал. Тут воздух смачней любого закуса!..

«А то!..» — хочется подыграть. Но гляжу на мутные физиономии… И что-то не получается.

Конечно, пьют, как говорится, и в доме, и в соломе, но «на природе»… С каким-то остервенением, надрывом что ли…

Выпали мы из своего естества, из Природы, как вымахавшие телом, но слабые умом, кукушата из гнезда. И стала Она для нас чем-то прикладным, почти враждебным, вроде прокуренной подсобки, куда отправляемся иной раз поскулить. И накинулись на неё, на её красоту и богатства с варварским сладострастием временщиков. И крушим, и душим, и потрошим, не думая о расплате. Да ещё и приговариваем: «Увеличим! Углубим! Ускорим!..». Аж мороз по коже другой раз!… Но некая генетическая память о Ней, как о Прародительнице, о душевной связи нет-нет, да и проявится. И затомит… И заколобродит человек... И захочется ему найти смысл этого томления с немалым замесом тоски, найти выход.

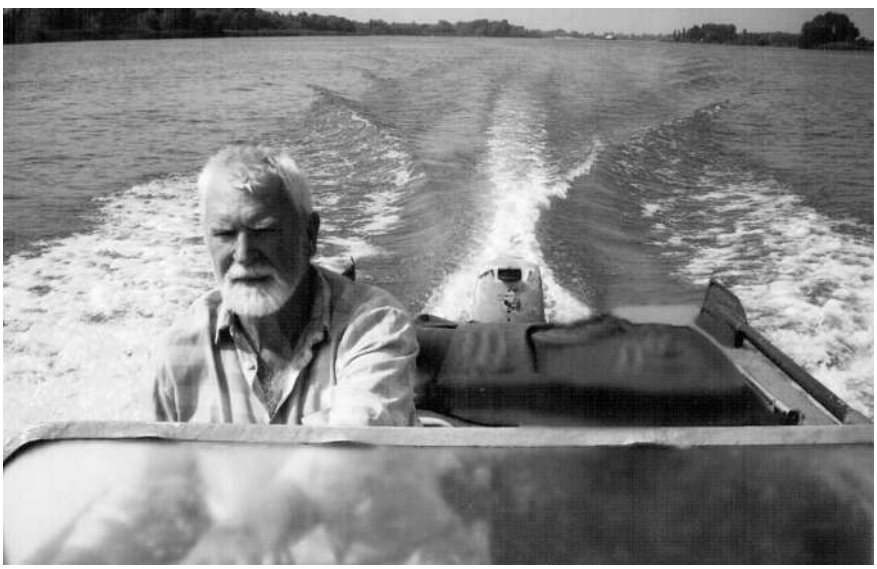
М. Пришвин: *«Но почему же, бывает, подходишь к большой воде с такой мелкой душонкой, раздробленной ещё больше какой-нибудь душевной ссорой, а взглянул на большую воду — и душа стала большой, и всё простил великодушно»*. Почему?! Да потому, что вода — Колыбель наша. И она ещё хранит память о нас, ежечасно уродующих её живое тело и душу. Она ещё терпит нас… Но уже заявляет о своих правах, предъявляет счёт, предупреждает — тайфунами, цунами, торнадо и, увы, — немалыми жертвоприношениями.

И если Пришвин что-то открыл для своей душевной крепости: *«Зорька нежнее щёчки младенца, и в тиши неслышно падает и тукает редко и мирно капля на балконе… Из глубины души встает и выходит восхищённый человек с приветствием пролетающей птичке: «Здравствуй, дорогая!» И она ему отвечает. Она всех приветствует, но понимает приветствие птички только человек восхищённый»*, то у большинства моих современников Природа вызывает аллергию. И часто — в таком вот «разобранном» виде, как у встреченных мною приятелей.

Путь к Природе — путь к самому себе. Путь запоздалый. И потому — в терниях. Разорена не только Природа, разорена душа самого человека. Но вот Она… «Душа не может расти, не питаясь красотой».

По весне увидел сиротную прогалину в том месте, где обычно зимовал катер Гриши и Миши. Спросил у их соседа: уж не перебазировались ли друзья на другую стоянку?

— Перебазировались, — роняет тот не слишком охотно. — Прошлой осенью. Сгорели.

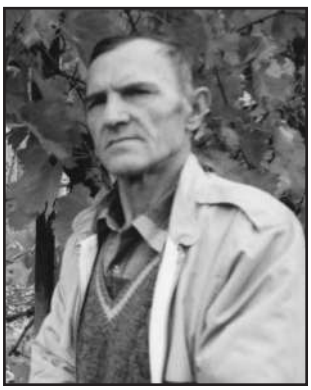


Геннадий Селигенин. На донских просторах

Победители областного литературного конкурса в честь 100-летия со дня рождения А.В. Калинина Возрастная категория — старше 35 лет

1 место в номинации «Проза»

Анатолий Павленко
г. Сальск Ростовской области



У КАЛИТКИ.

Рассказ

Дед Егор совсем состарился. Хоть на глаз глянуть, хоть по паспорту, а девятый десяток давно разменял. И сидит дед летними днями напролёт на лавочке у своей калитки. Бывало, наклонится слегка вперёд и чертит что-то хворостиной на пыльной земельке против ног своих. Чертит и чертит, то разгладит подошвами башмаков пылючку, разровняет её и художничает. А может, что высчитывает? Бог его знает! Народ, особенно по выходным дням, шмыгает туда-сюда по переулку — кто на рынок, кто с рынка, кто куда. Дед Егор нет-нет, да и затронет кого-нибудь «разговоры разговаривать» или «новостей каких спросить», всё ж оно к разнообразию «стариковской старости». Соседи — всё теперь молодёжь. Затронь кого на разговоры: «Не-е-е!» — бегут все «кудысь», торопятся. Некогда им! А рядом, та вот, через изгородь, сосед деда Егора живёт — Василь. И по годам ровня. Но сколько уже десятков годов живут бок о бок, но никакого благожелательного контакта между ними никто не заметил. Живут себе и живут. Людям зла не чинят.

Вот и сегодня утром, чуть жаркое, летнее солнышко поднялось, спряталась ночная прохлада под огромным, раскидистым орехом, а дед Егор тут как тут, примостился уже на своей лавчонке у калитки, в холодке.

Подъехала и остановилась легковушка. Из неё выпорхнула молодица и заторопилась в сторону рынка.

Росистое утро покорно сдалось палящим солнечным лучам, и с каждой

минутой летний, степной зной всё настырнее и настырнее демонстрировал свою беспощадность.

Водитель легковушки приоткрыл дверь своей машины и закурил сигарету.

— Сынок, иди, садись рядом в холодке, что ж на солнцепёке жариться! Захвати и мне сигаретку… Никак на рынок супружницу привёз?

— Ну, да! Я не люблю по рынку с ней.

— О-о! Женщины — они девчата такие: их мёдом не корми — дай по рынку пошастать. Всякие там рюшечки-тряпушечки… А бы шо дельное, а то так… Хорошая у тебя машина! Красивая! На рыбалку на такой бы! Рыбалкой не увлекаешься? Нет? Жаль!.. Хорошая машина! А я вот сижу, солнышко пригревает, утренняя роса стала испаряться и, вроде, как рекой запахло, водорослями и молодой кугой. И так захотелось на рыбалку! Снасти у меня всегда в порядке. Червей токо копнуть, да всего там по мелочи… Пырхнулся я, было, к Василю сходить, потолковать насчёт рыбалки. Василь — это сосед мой, такое же древнее ископаемое, как и я. У него в гараже стоит машинёнка. Так хоть бы ездил на ней куды, а то выкатит её из гаража, со шланга обольёт и тряпкой полдня елозит, елозит, дыры скоро попротирает. Намекну когда-никогда насчёт рыбалки, так куды там: «Лишний оборот колеса!..» Сам на ладан дышит, а всё в тревожном волнении — чи ни стёрся там какой протектор. Жадюга ещё тот! О-о-о! Вот тебе и обозначился! Глянь: выглядывает из-за калитки. Иди сюды, статуя плешивая! Пусть двор твой хоть трохи проветрится от твоей трухлявости. Не хочет! Ушёл! Василь — он и есть Василь! Завидки берут, что ко мне подходят люди разговоры разговаривать какие или ещё что… Не рыбачишь, значит?.. Как ни крути, но если на рыбалку — то на Маныч! Если где в прудочке примоститься — какой интерес?! Кода-никода клюнет какая-нибудь плотвичка с палец, и та сорвётся с крючка, — червяка стащит и плюх в воду, шмыг долой, как, вроде, насмехается, думает, что я расстроюсь. Нужна ты мне была! Червяков на вас, вертихвосток, не настачишься! Нет! Маныч — другое дело! Бывало, только замахнёшься удилищем, поплавок ещё воды не коснулся — тут же тебе в полсекунды времени — хвать! — леска струной звенит, удилище в дугу, а в душе тревога молнией бьёт: «Не ушла бы рыбина!» Та, куда ей деться! Крючки у меня надёжные! Это у Василя хлюпкость всякая, не крючки… На Маныч бы — оно, конечно! В молодые годы проще было — прыг на мотоциклет и запылил по степным накатам, хоть где какая ямка или промывина поперёк дороги, а молодому организму оно-то и нипочём, даже в радость. А сейчас: кинешься что подладить в сараюшке молотком или пилой деревяку какую перечиргыкать — так шпыгнёт под рёбрами или в плечо вступит нытьё болезное — так ото и всё. Старухе, хоть, не говори, не жалуйся, тут тебе целую пригоршню таблеток суёт, где и берёт столько?! А попробуй откажись — «брехуном» обзывается. Холера! Баба как баба была, а сейчас хуже Василёвой Палашки — слова доброго не услышишь. Василь, тоже — мякиш хлебный! Поперёк своей гундявки и слова не вставит. Кодась, может, в пятьдесят шестом чи трохи раньше, на собрании премировали колхозников за трудовое прилежание, и ей грамоту; так она давай слово держать в благодарность, мол, спасибо, я работала хорошо, теперь

ещё лучше буду работать — всю картошку с сорняками уничтожу! Смеху-то было! Смеху!.. Так Василь давай защищать её, якобы, от волнения она запуталась в озвучании словесном. С тяпкой — оно-то привычнее управляться или по хозяйству — чё ни буркни скотине — всё понимает. Скотине не слова, интонацию озвучь, всё поймёт! А тут люди! Любого пихни на сцену, президиум рядом, — всякий разволнуется. Защитник нашёлся! Мякиш — он и есть мякиш! А жадный! Жадней поискать — не найти! Чё ни попроси — не даст! Дружок, называется! И сердится неделю цельную, как капризная баба. Чё сердиться?! По нашей стариковской старости, бывает, если и выскочит какое каверзное слово, так без злобного сердца, так, для разговору. Чё сердится? …Ох! Солнце распеклось! Ты, сынок, двигайся сюды, на край, тут тенёк поплотней… Вот, я тебе расскажу один случай. Давненько, правда, было. Поехали мы с Василём на Маныч, на рыбалку с ночёвкой. Модно тогда было с ночёвкой. Мой моциклет был на ходу ещё. Едем, а тут дорога через село пошла. Тычет он мне в бок и спрашивает: «У тебя деньги есть, а то я сигареты дома забыл, трудно с ночёвкой без сигарет.» Было у меня три рубля, ну, тогдашними ещё, думаю: сдачи принесёт. Так он на всю трёшку сигарет припёр. До сих пор долг отдаёт. Сходить, что ли, ли к нему, та, может, сладимся куды на рыбалку? Не, не пойду! Подумает ещё, что за долгом пришёл. Или пойти? Так ото ж: приехали мы под вечер, закидушки позакидали на судака. А судак, он по тёмному будет браться. Время коротаем. Развели костерок, харчи повытягивали из сумок. Сидим. Жуём. Болтаем… Смеркается. А Василь, он как дитё малое, чуть свечереет — уже тебе зевота у него, спать ладится. Натягал соломы от скирды и мостится. Ну, думаю, — это мне одному всю ночь бессоньки — и свои, и его закидушки проверять. Совсем совести нету! Та откуда она у него возьмётся?! Василь — он и есть Василь! Так вот… Вдруг, слышу шаги, трава шуршит, бурьян сухой потрескивает, а тут ещё свет от костра в глаза бьёт, а вокруг уже темень такая обнаружилась, что и смелому страшно. Раз! — и проявился человек из тьмы кромешной, как привидение какое, а ж по телу мурашки пробежали. Остановился он и говорит: «Доброго здоровьица, добрые люди! Вижу, костерок горит, не прогоните, если погреюсь немножко?» Подошёл ближе к костру, а на нём одежда поизорвана местами, неухоженный сильно, на одной ноге ботинок, а на другой — башмак, как у физкультурников, спортивный башмак. И тут смекаю: бродяжный человек, должно быть…

— Бомж, наверное?

— Ну, да, да… Сейчас, вроде, так их называют. Ну, говорю, чё не погреться. А тут и Василь поднялся с лежачего положения, сел, глаза вытаращил. Молчит. Я и говорю ему: «Вот человек, погреться ему, мол…» Ну, слово за слово, разговорились. А Василь с расспросами: что, да как, да откуда, чего, мол, бродяжничаешь? Думаю: нет, не дам в обиду человека! Василь — он и есть Василь! Стыдоба! Срам сплошной! Та разве ж угомонишь такого! Добился своего, рассказал бродячий человек про судьбу свою горемычную…О-о-о! Глянь: бабы с полными сумками с рынка идут, из стороны в сторону переваливаются, как сдобные пампушки. Худеют всё! Понапихали в сумки колбас всяких да печеньев, зубов не жалко. Поистераются враз, а других где взять

потом, в старости. На всю неделю запаслись, а съедят за два дня. Худеют! Так вот… Работал он в Клиновой, это от нашего хутора километров тридцать с гаком. Посёлок большой, по-моему, даже районного значения. Работал, значит, он там на хорошей должности, что ли заведовал мастерской по ремонту телевизоров. И семья у него состоялась. Малец рос на радость. Жена миловидная такая — из красивых красавиц. А тут, какие были предприятия, понакупили компьютеров разных. А как с ними обращаться, никто понятия не имел. Это сейчас, всякое дитё, ещё на горшок ходит, а уже тычет пальцем по клавишам, а картинки цветные, так и мелькают, как скаженные. Так вот: обратились к нему, а он, видно, смекалистым был, быстро разобрался, что к чему и приобрёл известность и уважение. А один из больших начальников предложил ему возглавить курсы по обучению всяких людей с этих предприятий. Взялся он за это дело, да так увлёкся, что не заметил, как его жинка закружила с тем начальником не на шутку. И решили они избавиться от нашего рассказчика. Сочинили выдумку, будто он брал с народа деньги за обучение и — себе в карман, а в документациях подтасовки какие-то обнаружились. Ну, то да сё — дело в суд, да на всю катушку! Вот видишь, сынок, как этому женскому роду доверяться? Э-э-э! Не зевай только! Видишь, как оно бывает… Если не сбрехал — жалко мужика!

— А как он выглядел? С виду какой, высокий, полный?

— Какой полный! Что ты! Худющий, зарос, не бритый. Глаза запомнил — дюже грустные. Жалко мужика! Лучше б Василя посадили — одно трёт свою машину тряпкой. Хоть бы ездил куда, а то так! А скупой, не приведи господи! Попроси у него закурить, думаешь, даст? Ага!

— Деда! А на его руки вы не обратили внимания?

— А чё, руки? Руки как руки. Мы его едой угостили, брал руками, ел. Голодный! — ясно было. Правда, Василь, я б ото и не заметил, спрашивает Василь: «Ты где это двух пальцев лишился? Никак в циркулярку попал или ещё как?» Пристал к человеку, стыда нету совсем. Василь — он и есть Василь! А пришелец тот помолчал, помолчал, потом и говорит: «Кольцо обручальное… снять не мог… Ударила дурь в голову, что смерч какой, схватил топор, руку на колоду и… рубанул с замаху…» Такое молчание меж нами образовалось, что даже ночные сверчки, и те умолкли. Василь, так тот скукожился весь и застонал ещё вдобавок. Жалостливость свою напоказ скорей. Василь — он и есть Василь! Чё скажешь?! А мужик тот вынул из кармана примятую пачку папирос, выковырял из неё одну папироску, нам предложил. Я-то не стал брать, посовестился, а Василь, разве, откажется надурняк? Э-ге! У самого на всю трёшку сигарет в сумке. Жадность так внедрилась в его кубышку, что вместо волос из головы колючками острыми торчит. У человека такая трагедия случилась, слушать и то боязно, а ему хоть что — лишь бы цигарку надурняк. Выкурил так, что и выбрасывать нечего было. Смотрю: мостится на соломе, зевает. Спи, давай, засыпай! Пусть тебе не судак приснится, а рак здоровенный, с корявыми клешнями, да чтоб откусил тебе жадность твою и ещё что-нибудь в придачу!

— Дедушка! Идёт моя жена с рынка. Спасибо вам за скамейку, за холодок!

— Постой, сынок! Тут как же всё кончилось… Василь, как только наполнил всё пространство над степью своим храпом, пошёл я проверять закидушки, вернулся, а пришельца и след простыл. Я давай звать: «Эй-эй!..» — молчок. Ну, думаю, украл что-нибудь, и дёру. Ой, Боже! Давай смотреть, давай смотреть! В костёр подбросил сушняка и вижу: рядом с харчами лежит та его помятая пачка и папироски в ней есть. Забыл, должно быть. А так ничего не тронуто.

— Оставил он вам, дедушка! Прощайте! Недельки через две, как с делами управлюсь, поедем с вами на Маныч на тоже место. Согласны?

— Как величают тебя, сынок?

— Валентином.

Машина завелась и тронулась. Вдруг дед Егор замахал руками: «Постой, постой, сынок! Чуть не забыл… тут один прохожий поведал мне недавно, будто энтой зимой чабаны возили подводами солому от скирды и обнаружили в ней мёртвого человека. Видно, замёрз в лютый мороз. Говорили, что на левой или на правой руке не было пальцев. Видишь, как оно вышло? Ну, с Богом! Езжай, сынок, езжай!»

Валентин вёл машину, жена что-то рассказывала о своих покупках, но он её не слушал. Рассказ деда не выходил из головы. Уж много в рассказе его схожего с тем, что он знал о своём отце. Мать о нём говорить не любила и не сохранила ни одной его фотографии, но рассказала однажды, что он сидел в тюрьме то ли за растрату, то ли ещё за что-то, и что отец незадолго до тюрьмы, разделывал крупного сазана топором, и один из ударов пришёлся по пальцам левой руки. Из тюрьмы не вернулся, и где он — никто не знает. Да и живой ли? «Всё же, если с дедом Егором поехать, найти этих чабанов и расспросить… Раз замёрз человек — где то ж его похоронили?» — мысли путались в голове у Валентина, наскакивали одна на другую, то разбегались в разные стороны, то вдруг соединялись и вихрем кружили разум.

Недели через две Валентин подкатил к хатёнке деда Егора, но на лавочке деда не было. Калитка была на запоре и открыть её не удалось. Из соседнего двора вышел дед Василий.

— Кого тебе надо, добрый человек?

— Да я к деду Егору. То ли он не проснулся ещё?

— Дед Егор, сынок, надолго уснул. Третий день, как похоронили. Что-то резко слёг, да так расхворался!.. Ну, хоть, не долго мучился. Так то оно, сынок!.. У тебя, небось, дело какое-нибудь было или так чево?

— Мы тут с ним, по случаю, вместе на лавочке сидели, в холодке. Разговорились. Дед Егор, видимо, заядлым рыбаком был. Так я пообещал его свозить на Маныч, на рыбалку.

— Кто заядлый?! Егор? Ему верить — себя не уважать! Заядлый… Выдумщик он, каких поискать! Чуть ни век жили с ним по соседству — сроду не был он на рыбалке. Удочки по телевизору только и видел. Заядлый… Жадный он был до невозможности! Прости, Господи, говорить что приходится! Так не скажешь тут… Просидел на своей лавке всю жизнь. Чуть ни у каждого всякого мужика прохожего папироску просил. Любитель был на дурняк. Свои

курил бы — жил бы ещё! А бабка его, по материнской линии, то же — яблоко от яблони… В начале войны за узловую станцию такой бой был, такой бой! Самолётов налетело ихних, что ворон на свалку. Бомбы кидали — чуть земля не растрескнулась на куски какие. Ну, чё ж?! Побили наших… У наших, кроме винтовок и вшей, больше ничего не было, может, только у такого, как Егор, полный кисет табаку. Та разве ж он с кем поделится? Ага!.. Ну, а к вечеру бой затих. Выстроились немцы в колонну, грязные, в пылюке и двинулись к нашему селу на передых, видно, а спереди офицер, немчура, на коне, верхом, с биноклем. Приближаются. Наши хаты тогда ещё крайними были… Бабы все в страхе позаховались с детьми кто куда, молодицы сажей морды поизмазали, из-за занавесок подглядывают, а бабка Егора, чё удумала — набрала в подол куриных яиц — и к офицеру, что на коняке верхом, кланяется ему, кланяется. А тот поравнялся с ней, наклонился, схватил пятернёй яиц, сколько смог и все их с размаху швырнул прямо в неё. Срамоту такую не видеть бы никогда! Расскажи кому — не поверят! Деда похоронила, носила в церковь узелок с землёй — святость почитала… Святость!.. Святость яичницей по ней растеклась… Яблоко от яблони… Курил бы свои — жил бы ещё! Живи тут один, теперь! Куды не кинь глазами — молодёжь сплошная… Придумал… Чё не жить было!.. Оно, конечно, выйдешь к калитке, глянешь — сидит, чиркает хворостиной по земле, так, вроде, и ничего, день как день! А по ночам чё? Бессоньки сплошные. Мысли комкаются так, что аж муторно в другой раз. Такое нам, старикам, наказание, если долго живёшь! А эти дни? И знаю, что Егора уже нету, а глаза сами так и пялятся на его лавку — чи ни сидит там дед? Лучше б сидел!.. Курил бы свои — жил бы ещё! О-хо-хо!.. Ну, доброго здоровья тебе сынок! Пойду я, може, чего сделаю по двору, а може, и не… Эх, жизня, жизня! ..

Дед Василь скрылся за своей изгородью, оставив Валентина один на один с увядающей надеждой. То ли сочинил дед Егор небылицу, то ли слышал краем уха то, о чём рассказал. Как теперь думать? Поехать к Манычу? Да разве мало там чабанов с отарами по необъятным его берегам? Может они и слыхом не слыхали такую историю? Придумал дед Егор всё это на ходу, придумал! А, может, и правда?!..

Громыхнуло где-то со стороны Маныча, словно пустая, рассохшаяся бочка покатилась по далёкому горизонту, спотыкаясь о чёрные тучи, и рассыпалась томным гулом. Измучившаяся под палящим, июльским солнцем, Сальская степь затаилась в нетерпимом ожидании прохладного дождя, желая скорее напиться вдоволь небесной, волшебной влаги, и запарить, запарить всем своим раскалённым телом, и задышать, задышать во всю свою могучую грудь.

А навстречу этой небесной канонаде, туда, где уже вспенился и загудел седой Маныч, мчалась по степным дорогам легковушка, поднимая горячую пыль. Зачем она торопится туда?.. Знает ли кто?..

1 место в номинации «Поэзия»

Алексей Глазунов

г. Сальск Ростовской области

КОНОКРАД

Есть уздечка в кармане,
Есть цыганская страсть
Та, что тешит и манит…
Да поклялся не красть.
Только сдержишь ли слово…
ёл оврагом крутым
Скакуна вороного…
Тут и встретился им.
«Вы же люди… Поверьте…
Не со зла я… Эх, мать…
Мне бы раз перед смертью
На гитаре сыграть».
Небо в звёздном угаре
Заблестело от слёз.
И швырнули гитару
Ту, что бережно нёс.
К ней приник он щекою,
Словно к морде коня.
И лишилась покоя
Степь, от песни звеня!
Непривычно и странно
Было душам селян –
Так нежданно и страстно
Бил по струнам цыган.
Каждый думал, тоскуя,
Глядя в тёмную даль:
«За игру, за такую,
И коня, брат, не жаль…»

Победители областного литературного конкурса в честь 100-летия со дня рождения А.В. Калинина Возрастная категория — до 35 лет

1 место в номинации «Проза»

Ксения Баштовая

г. Ростов-на-Дону

МОЛОКО И ХЛЕБ

Рассказ

Лес звенел от собачьего лая.

Данка панически оглянулась по сторонам. Сердце перепуганной птицей билось в груди, а в глазах стоял туман. Всё кружилось и плыло… Но надо, надо бежать. Если догонят, если поймают… Ведьме одна дорога — на костёр. И пусть её вина лишь в том, что отказала Младенку, сыну деревенского старосты, но ведь этого уже не докажешь! Никто не поверит, что после злого, сказанного в спину, «Да чтоб ты провалился!» — он не по её вине сломал ногу, поскользнувшись на хлипком мостике.

Ведьма! Ведьма!

Душили слёзы, в растрёпанной косе запутались репейники, сарафан давно был испачкан грязью, а она всё бежала вперед, зная, что только чудо может спасти её от костра.

Или не может? Не поможет никто и ничто. Собаки уже настигают, лают так близко, что сердце сбивается с ритма…

Можно попытаться забраться на дерево. А что дальше? Снимут стрелой? Заставят спуститься? А что потом? Потащат на костёр или просто затравят псами?

Ведьма!

И родители умерли больше пяти лет назад, некому заступиться, некому помочь, а собачий лай все ближе…

Данка и сама не помнила, как смогла вырваться из деревни, как выбралась из сарая, в который её бросили «добрые» соседи…

Тело болело от ударов плетью, от брошенных и метко попавших камней, стёртые ноги заплетались…

А собачий лай всё ближе… И слышны крики загонщиков…

И блеснула впереди нить реки…

Данка рванулась вперед — может, не найдут собаки след через воду! — и, лишь вылетев на излучину, поняла, куда прибежала…

За рекой начинался Запретный Лес.

Даже отсюда было видно, что там, на другом берегу тонкой речки, всё другое. Деревья растут близко, одно к одному, и не проберёшься, не пройдёшь через них,листья на ветвях шевелятся не по ветру, а сами по себе… Здесь от криков загонщиков да от лая собак — ни зверя, ни птицы не видать, а там, на другом берегу, словно и не слышат шума: вьются беззаботные птахи, ветер перебирает траву… Да мелькнет меж ветвей зеленый рукав…

Пятнадцать лет назад закончилась война между людьми и нелюдями. Пятнадцать лет назад решили, что нет дороги человеку в Запретный лес. Пятнадцать лет каждого, кто пересечёт реку-границу ждёт мгновенная смерть: лучники у нелюдей славятся своей меткостью.

Девушка на миг замерла на берегу, а потом бросилась к броду, про который знали все деревенские, но по которому за истёкшие годы никто так и не прошёл.

Лучше умереть сразу, от стрелы, чем быть сожжённой, как ведьма.

Ноги скользили по гладким камням. Подол сарафана намок, отяжелел, тянул вниз. Данка чудом в реку не свалилась. Птицей перелетела на другой берег, остановилась, упала на колени, хватая ртом воздух… Тело била крупная дрожь.

Вот и всё. Сейчас свистнет стрела невидимого средь листвы лучника-нелюдя, и все закончится. Сразу, мгновенно… Уже даже, кажется, слышен скрип натягиваемого лука…

И слова, чужие, непонятные, вдруг сами сорвались с губ:

— Thaainerkhashie!..

Эхо Запретного леса подхватило крик, раскидало меж ветвей, раздробило на отдельные слова, вновь и вновь повторило короткую фразу…

Удар сердца. Второй….

И свист над головой. Протяжный, больше похожий на птичью трель.

Данка вскинула голову: на высоте трех человеческих ростов, на веточке, такой тонкой, что даже сойку не выдержит, стоял он. Нелюдь.

Серебристо-пепельные волосы до плеч, зелёный кафтан в цвет молодой листвы, изогнутый лук, с которого уже готова была сорваться стрела.

Увидев, что его заметили, нелюдь по-птичьи склонил голову набок и обронил короткую гортанную фразу. Кажется, это был вопрос, но о чём её спросили, Данка не знала.

Дышать было трудно, воздуха не хватало, и всё, что девушка смогла сказать:

— Не понимаю.

Нелюдь шагнул вперед — словно и не стоял на ветви, а прогуливался по ровной поверхности. Мягко опустился на землю — даже травы не примял, сделал шаг к Данке, и она лишь теперь смогла хорошо рассмотреть его лицо.

Тонкие черты, золотые кошачьи глаза, острые скулы — странная нечеловеческая красота, которую не увидишь на своём берегу реки.

Стрелу с натянутого лука он так и не убрал.

— Кто ты? — голос его был гортанен, и чувствовалось, что слова, которые он сейчас произносил, были для нелюдя столь же непривычны, как для Данки — выкрикнутая ею фраза. — Откуда знаешь молитву леса?

Девушка сглотнула комок, застрявший в горле, открыла рот, не зная, что сказать… Да и произнести ничего не смогла — на оставленном ею берегу показались загонщики.

Псы рвались со сворок, хрипя и капая пеной на землю.

— Вон она! — знакомо впился в воздух громкий крик. — Ведьма!

Данка вздрогнула всем телом.

Староста. Желько Рачич.

Незнакомец прищурился. Лицо его оставалось бесстрастным, словно и не происходило ничего. Ни одной эмоции — ни удивления, ни злости… Одно слово — нелюдь.

Беглянка оглянулась. Встать она даже не пыталась, понимая, что у неё уже не хватит сил.

На противоположном берегу переминались с ноги на ногу деревенские. Все знакомые, все известные… И все — враги.

Рвались со сворок собаки — как разрешил князь псовую охоту жителям Дечерани, так и появились здесь эти звери, огромные, с телёнка размером, оленя на скаку завалят… Что этим созданиям какую-то девчонку поймать?

Нелюдь медленно обогнул Данку, остановился, оставив её за своей спиной — неужели поверил, что она безобидна? — и, всё так же, не опуская лука, крикнул, разом перекрыв собачий лай:

— Кто вы? Что вам надо рядом с землями тайн-ши?

Деревенские зашушукались, начали одергивать собак, пытаясь их успокоить.

Данку била крупная дрожь.

— Мы…

Желько:

— За ведьмой пришли! Вон она, у вас. Отдавайте нам ведьму!

— Ведьму? — нелюдь оглянулся, и надо ж было такому случиться, что и Данка решилась наконец посмотреть на родной берег. На миг взгляды беглянки и чужака пересеклись…

А потом он издал свист. Длинный, переливчатый, даже не верилось, что человеческое горло может издавать такие звуки. Впрочем, он ведь не был человеком…

Тихий шелест листвы, и из леса вышли ещё два нелюдя в зелёных одеждах. Откуда они взялись? Как из воздуха соткались…

Один из вновь пришедших чужаков даже раздумывать долго не стал.

В руке блеснул длинный узкий кинжал… Шаг вперед, рука легко перехватила косу перепуганной Данки — на противоположном берегу одобрительно зашумели — лезвие уже почти вспороло кожу на горле… Но первый нелюдь перехватил руку с занесённым ножом и что-то зло обронил на своём, незнакомом девушке языке. На миг той послышалось, что прозвучала та самая фраза, которую только что сказала сама Данка, но которую сейчас она не смогла бы повторить даже под угрозой смерти.

Нападавший замер, о чем-то переспросил, первый ответил утвердительно. В разговор вмешался третий нелюдь…

А на том берегу не собирались ждать, пока чужаки наговорятся.

— Отдайте ведьму! — всколыхнулся над рекой людской крик.

— Да я сам её заберу! — вклинился в многолосый хор мужской бас.

Данка вздрогнула всем телом.

Златко Симич. Кузнец. Голыми руками подковы гнёт. Если он сейчас перейдёт реку… Даже нелюди его не остановят.

Громкий плеск — мужчина пошёл вброд, разбрызгивая и баламутя воду…

Свист стрелы.

И хрип.

Данка оглянулась: тело медленно оседало в речку…

Первый нелюдь шагнул к девушке, пряча лук в сагайдак за спиною, положил руку Данке на плечо:

— Твою судьбу решит король. Пошли.

Оглянулся на перепуганных деревенских, чуть повысил голос, так, чтобы услышали на другом берегу:

— А тех, кто пересечёт границу, ждёт смерть. Стрел хватит на каждого.

Ноги отказывались подчиняться, девушка с трудом поднялась.

— Пошли, — повторил нелюдь, увлекая её в сторону сомкнувшихся стеной деревьев.Но странное дело, когда диковинная пара приблизилась к лесу, стволы вдруг раздвинулись в разные стороны, открывая узкую тропку…

Уже шагнув под своды Запретного леса, Данка оглянулась: двое чужаков всё так же стояли на берегу. Ветер перебирал серебристые волосы, на плечо одному из нелюдей опустилась трясогузка… Казалось, мужчин совершенно не беспокоит, что там, на другом берегу мечутся испуганные люди, рвутся с поводков собаки, то пытаясь броситься в воду, то наоборот, прячась за спины хозяев.

И в то же время было понятно: границу-реку никто не пересечёт.

Идти было тяжело. Каждый шаг отдавался новым ударом боли. В глазах стоял кровавый туман.Дышать становилось всё труднее. И Данка сама не знала действительно ли она видит всё то, что творится вокруг, или же ей чудится всё это:ветви деревьев сплетались в стены домов, вспыхивали и гасли порхающие средь тёмной листвы светлячки, слышался хрустальный перезвон смеха и шёпот непонятных слов, кружились в диковинном хороводе оторвавшиеся от земли цветы, травы соткали узкие тропинки, протянувшиеся от одного дома к другому… Правда это была или сон?

Данка так и не узнала этого — всё закружилось перед глазами, закачалось, поплыло…

Чьи-то руки подхватили израненное тело и странная музыка, чудное горловое пение закружили её, понесли куда-то вперёд, сквозь мерцающие переливы тьмы и света…

А потом всё оборвалось.

Девушка открыла глаза. Она находилась в небольшой комнатке, стены которой были созданы из ветвей — тонкие деревца вырастали из земли, переплетались ветвями, чудно изгибаясь под непредсказуемыми углами…

Данка сидела в глубоком кресле, накрытая теплым пушистым пледом. Девушка осторожно сняла с себя покрывало, встала… И удивлённо замерла, когда вдруг поняла, что у неё ничего не болит.

Беглянка медленно провела кончиками пальцев по предплечью — ещё недавно кожа была покрыта ссадинами, ранами, а сейчас… сколько же она проспала? Да и спала ли вовсе?

— Очнулась? — гортанный голос вывел её из размышлений.

Данка подняла голову: на пороге комнаты стоял знакомый нелюдь.

— Да… Сколько я проспала?

Мужчина пожал плечами:

— Час… Два… Кто знает?

— Но… Почему?.. — она не смогла договорить, но похоже, собеседнику и так было понятно, какой вопрос хочет задать девушка.

— Такова воля короля. Идем. Король примет тебя.

Осторожно обходя кресло, Данка вдруг поняла, что оно вырастает из пола…

Уже на пороге нелюдь вдруг вспомнил:

— Как тебя зовут?

— Данка… Данница Грачанин…

— Данница… — он покатал её имя на языке, как леденец. — Что оно означает?

— Имя? — сначала не поняла девушка, но потом растерянно протянула: — Утренняя звезда…

Нелюдь кивнул:

— Я сообщу твое имя королю.

Данка думала, что видела многое. И лишь перешагнув порог приёмной залы, поняла, как же она ошибалась.

Стены, созданные из ветвей цвета старого золота, над головой — иссиня-чёрное небо, усыпанное алмазами звёзд: и это не смотря на то, что за стенами царил день, — и рысь, лежащая подле трона, на котором сидел мужчина в серебристом одеянии. Длинные волосы цвета только что отчеканенной золотой монеты — Данка видела такую у проезжавшего однажды через Дечерань купца,— миндалевидный разрез жёлтых, как у кошки, глаз, высокий лоб: узкое, нечеловечески прекрасное и совершенно бесстрастное лицо, странно знакомое, словно видела его когда-то во сне.

Тонкое плетение серебряного венца с крошечным зелёным камнем над переносицей, тяжёлые перстни на длинных пальцах, огромный кулон со смарагдом на груди…— всё это Данка замечала как-то отстранённо, невзначай, будто в полудреме

Рысь сладко потянулась, лизнула его узкую ладонь и вновь спокойно улеглась на пол.

Данка молчала, чувствуя, как сердце сбивается с ритма, а перед глазами всё вновь начинает кружиться.

А мужчина провёл кончиками пальцев по голове пятнистой кошки и тихо спросил:

— Зачем ты пришло, человеческое дитя?!

И мир закружился диковинной каруселью, и Данка почувствовала, как у неё подкашиваются ноги: она вспомнила.

Война шла уже второй год.Кто её начал, что не поделили, Данка не знала — кто будет об этом рассказывать шестилетней девчонке? Всё, что она знала — это то, что люди воюют со страшными нелюдями — дикими чудовищами, которые обитают в лесах, воруют у людей детей, у живых птица головы откусывают…

В тот день Данка проснулась от шума: только-только показались первые лучи солнца, а значит можно ещё чуть-чуть понежиться под одеялом… Но это в мечтах, а на деле — крики подняли всех.

Наспех натянув сарафан, девочка выскочила на улицу.

Все спешили на главную площадь, и Данка поспешила за людьми.

Выскочила, остановилась, не понимая, что происходит, попыталась пробиться вперёд, к середине площади, чтобы разглядеть хоть что-то…

Чьи-то сильные руки подхватили девочку, она испуганно пискнула, но уже в следующий миг разглядела отца: тот легко подхватил Данку, подсадил её себе на плечи:

— Смотри!

Девочка удивленно закрутила головой, не понимая, о чём речь. Лишь через некоторое время она разглядела, что люди столпились перед телегой: на неё взгромоздили огромную, грубо сколоченную клетку, в которой что-то вяло шевелилось.

— Смотри! — повторил отец. — Поймали чудовище! Нелюдь!

Девочка поражённо ахнула, подалась вперёд, едва не свалившись с отцовских плеч.

Чудовище?! А какое оно?! А как выглядит?! А правда, что детей ворует?! А оно очень страшное?!

Грязный ком в клетке пошевелился, и девочка с огорчением разглядела обычного человека…

Худого, избитого, в подранной одежде…

Это и есть чудовище?

А разве у него не должны быть зубы — во! Когти — во! Глаза — во! Где это все?!

— В лесу поймали! — горделиво рассказывал деревенским староста. —

Ну… Как поймали… Едем мы, это самое, через лес, а там воронья! Ну мы туда. А там убитых — море. Ну мы наших солдат похоронили, а нелюдь эту — их там с десяток покойников было — воронам оставили… Смотрим, а этот шевелится. Ну мы его в клетку… Петрана сразу к господам послали… Дня через четыре здесь будут.

— И куда ж его теперь?! — испуганно ахнула какая-то баба.

— В сарай вон тот бросим, не сбежит, — отмахнулся староста.

— И четыре дня его кормить?! — возмущённо заголосил кто-то. — Они рожь травят, мышей да крыс в хлеба напускают, а мы еду на него переводить будем?!

— Без еды проживёт, — скривился мужчина. — А подохнет, туда ему и дорога.

Данка разочарованно отвернулась.

Чудовище было совершенно не страшным. А значит, и не интересным…

И уже поздней ночью, ворочаясь на тёплой печке, Данка вновь вспомнила про пойманного нелюдя.

А он ведь совсем-совсем-совсем не похож на чудовище. Зубов-клыков у него нет, когтей тоже не видно… Может, староста повыдёргивал?

А чем же он тогда есть будет?!

Он же голодный! Птицу ему, чтоб головы пооткусывал, не принесли, есть не дали…

Помрёт ещё с голоду…

Но он же чудовище!

Хотя и не похож.

Может, взрослые ошиблись? Может, это не чудовище вовсе?

А ещё оно — если это действительно чудовище — весь день не кормленное…

Данка осторожно сползла с печки, стараясь не шлепать босыми ногами, тихонько прокралась к двери... Шикнула на приоткрывшего один глаз пса — чтоб не шумел…

Через полчаса Данка, прижимая к груди ценную ношу, переминалась с ноги на ногу у сарая, о котором говорил староста. Оглушительно пели сверчки, звёзды подмигивали с небес…

И что теперь делать?! На двери — амбарный замок, чтоб чудовище не сбежало, окошек нет…

Девочка опустилась на колени, склонилась к самой земле и зашептала в щель под дверью:

— Чудовище! Эй, чудовище, ты спишь?! Чудовище! Ты спишь?!

В сарае что-то завозилось.

— Чудовище! — вновь позвала Данка.

Что-то тяжело упало у самой двери.

— Чудовище!

Оно, кажется, и не думало откликаться.

— Чудовище!

Хриплое дыхание, и тихий надрывный шепот:

— Зачем ты пришло, человеческое дитя?

Данка торопливо подсунула под дверь плошку. Следом за ней последовала краюха хлеба.

— Я принесла тебе хлеба и молока, — и торопливо пояснила: — Мама говорила, вы птиц живьём едите, но я Петку тебе привести не могу, он нас по утрам будит!

Из-за двери послышался хриплый кашель:

— Обойдусь без Петки.

Из сарая пахло застарелой кровью, какой-то гадостью, дрянью… Через несколько минут пустую плошку просунули обратно:

— Держи...

Данка подхватила миску… И шлёпнулась на землю:

— Чудовище, расскажи мне сказку?

— Что?!

— Расскажи мне сказку, — повторила девочка. — Раньше мне мама рассказывала, а сегодня тебя привезли, и она забыла. Расскажи мне сказку?

Нелюдь молчал, и Данка уже решила, что он попросту заснул, когда из-за двери вдруг тоскливо пробормотали:

— Всё равно завтра подохну… Не от голода, так от ран… Слушай свою сказку…

И он заговорил. Голос дрожал и часто прерывался, замолкал. Иногда шёпот сменялся тихим свистом — так втягивают сквозь зубы воздух, стараясь не закричать от боли… А сказка всё продолжалась и продолжалась.

Странная и не похожая на другие. Сказка о трёх жемчужинах, которые древние духи оставили народу тайн-ши — детям леса, народу каэр-ши — детям гор и народу чента-ши — детям рек. Сказка о том, как жемчужины были потеряны, и духи, разозлившись, не уничтожили своих чад лишь потому, что одна из жемчужин осталась цела… Странная это была сказка и непохожая на те, которые Данка слышала раньше…

А на следующую ночь, девочка пришла снова. И вновь принесла хлеба и молока. И вновь попросила рассказать сказку.

И он продолжал рассказывать ей истории.

Истории о народе тайн-ши, что обитает в Запретном Лесу. Истории о семнадцатилетнем мальчишке — короле, который никогда не смеется…

— Никогда-никогда? — охнула девочка.

— Никогда.

— А почему?

Что он мог ей ответить? Рассказать о родителях, погибших несколько месяцев назад? О власти, свалившейся на голову? О войне? О тоске, грызущей душу?

Чудовище тихо кашлянуло из темноты:

— Наверно, не умеет…

Его голос дрожал и срывался… А сказки продолжались. Сказки о короле тайн-ши, который должен в этот год отправиться в сердце леса. Именно там он получит дар леса и сможет управлять своими подданными. Сказки о том, как глупый семнадцатилетний мальчишка-король, не смотря на своё горе,

решил, что традиция не должна прерываться, и отправился к сердцу леса через земли охваченные войной. Истории о том, как его захватили в плен…

Зачем он это рассказывал? Зачем он вообще что-то говорил шестилетней девчонке, которая не запомнит и не поймёт ничего из сказанного?

Может, потому, что знал, что ему осталось жить всего несколько ночей? Может, для того, чтобы просто выговориться. А может, потому, что звук собственного голоса, тихий прерывающийся шёпот, не давал ему скатиться в пучину обморока…

Данка слушала сказки чудовища с открытым ртом.

А потому не сразу поняла, что-то изменилось. Мелькнула в конце улицы размытая тень, послышались лёгкие шаги, раздалась длинная соловьиная трель… На плечо легла тяжёлая ладонь, рванула девочку в сторону, блеснул в свете луны кинжал с клинком в виде листа…

— Не трогайте её! — злой шёпот, раздавшийся из-за закрытой двери остановил лезвие почти у самого горла Данки.

Кинжал пропал, словно и не было его, а рот девочки зажала крепкая рука.

Смутные, размытые тени кружились по ночной площади. Кто-то споро сбил замок с амбара, кто-то проскользнул внутрь… Ещё с полсотни быстро окружили площадь… И ни одна собака не проснулась, не залаяла!

Данка, не обращая внимания на руку, зажимающую ей рот, зачарованно следила, как две, едва заметные во мраке тени, осторожно выводят из сарая чудовище. То брело, едва-едва перебирая ногами, спотыкалось, и было готово упасть, но каждый раз ему помогали устоять.

Одна из теней уверенно кивнула, а потом резко взмахнула рукой, умудрившись одним жестом обхватить всю деревню. С губ сорвался короткий приказ. Слова были незнакомы, и Данка скорее догадалась, чем поняла, о чём говорят. Сжечь. Уничтожить. Казнить.

Девочка испуганной птицей забилась в руках пленителя, но чудовище, до этого с трудом переставляющее ноги, вдруг резко выпрямилось и что-то прошептало. Тот, кто до этого отдал приказ, удивлённо переспросил на своём языке. Чудовище что-то тихо буркнуло в ответ, и тень обиженно отвернулась…

Пленник, поддерживаемый с двух сторон, медленно подошёл к девочке, опустился на землю перед ней, и Данка лишь сейчас смогла разглядеть лицо чудовища. Длинные спутанные волосы, перепачканные кровью и грязью, светлая кожа, покрытая сеточкой ссадин, тонкие губы и жёлтые кошачьи глаза… На скуле — тёмный синяк… И не смотря ни на что — пронзительная, нечеловеческая красота… Данка так бы и смотрела всю жизнь.

Чудовище поморщилось и тихо прошептало:

— Сейчас уберут руку, а ты будешь молчать. Хорошо?

Девочка кивнула — сейчас она бы пообещала всё, что угодно.

— Как тебя зовут?

— Данка, — прошептала она. Вспомнила, как учили отвечать на такие вопросы и быстро поправилась: — Данница Грачанин, — не удержалась и похвасталась: — Мама говорит, это Утренняя звезда означает.

Нелюдь дёрнул уголком рта — словно попытался улыбнуться и не смог.

— Мы сейчас уйдём, а ты никому не расскажешь про эти ночи. Хорошо?

— Почему? — разочарованно протянула Данка. Она уже и бояться перестала.

— Это будет наша тайна…

Тень, та самая, злая, недовольно прошипела:

— Но… Мой король, они подняли на вас руку! Может, все-таки… под нож?!

Нелюдь оглянулся:

— Ты слышал легенду о трёх жемчужинах, Наррис? Сохранившаяся называлась Милосердие.

Тень, злобно дёрнув острым плечом, отвернулась.

А Данка, так ничего и не понявшая из их разговора, гордо приосанилась. У неё будет тайна. Настоящая. Общая с чудовищем.

А оно с трудом поднялось, явно собираясь уходить, и вдруг вспомнило, оглянулось:

— Если когда-нибудь окажешься в Запретном лесу, просто скажи: «Thaainerkhashie» — это спасет тебе жизнь.

Тени возмущённо зашептались, но спорить никто не стал. И Данка, шёпотом повторявшая странную фразу на диковинном языке, зачарованно следила, как они пропадали во мраке, уходя прочь из деревни…

И лишь через несколько ударов сердца вспомнила, тихо прошептала:

— А что ж это значит?

Ответа она не ждала, тени ушли далеко, но ночной ветер вдруг донёс тихий хриплый шепот:

— Молитва. «Да хранит лес своих детей».

Данка стояла, не в силах отвести взгляда от золотых глаз короля. Было всё это? Или сон ей вспомнился?

Звенящая тишина уже кружила голову, во рту ощущался привкус металла…

— Зачем ты пришло, человеческое дитя? — повторил нелюдь.

И Данка, понимая, что сейчас она говорит полную чушь, только и смогла тихо выдохнуть:

— Я принесла тебе молока и хлеба.

Губы короля тайн-ши тронула лёгкая улыбка…

1 место в номинации «Поэзия»

Алина Фролова
г. Азов Ростовской области

МОЕ СЧАСТЬЕ

Моё счастье пахнет малиновым морсом,
Отчасти переходя в запах мёда.
Я его касаюсь губами, зарываюсь носом.
Хмелею с ним и желаю полёта.
Вдыхаю запах его безусловный.
Порою кажется, что потеряю сознание.
То ли от того, что дышу любовью,
То ли от того, что верю признаниям.
Моё счастье пропитано вишней,
Такой ранней, немного горькой.
Значит, так распорядился Всевышний,
Раз есть Мы, что мне счастья – столько.

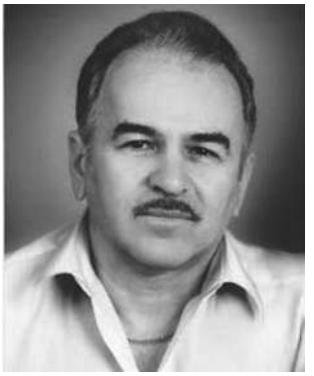
Моё счастье на ощупь мягче всех трав.
Оно слаще, чем по росе – на босу ногу.
Совершенно неважно, кто из нас прав–
Всё равно свернём на одну дорогу.
Я его ощущаю всеми фибрами,
Оно нежнее, чем ветер – по локонам.
Можно быть разными, но такими любимыми,
Каждый день буду об этом – шёпотом.

Крутояр

Окончание

Конкурсанты на юбилее А.В. Калинина

Алексей Глазунов



УЗЕЛ

Роман

Глава первая
НАЗАР

Поздней апрельской ночью из подъезда многоэтажки вышел стройный молодой человек лет двадцати пяти. Он приподнял воротник светлого пиджака, тряхнул чёрными длинными волосами, поёжился. Достал сигареты. Закурил. Выдыхая кверху струйку дыма, взглянул на небо. Над крышей дома с восточной стороны мерцали оранжевые блики. «Неужели рассвет?», — подумал Назар. Он был в прекрасном настроении и доволен собой. Разве не главное предназначение мужчины — дарить радость женщине? Докурив сигарету, завернул за угол и оцепенел: горел деревянный крест, установленный на месте строящейся церкви.

Огненное полотнище обвивало символ христианства и чудовищным красным канатом возносилось ввысь, обжигая обнажённое небо. Искры ошеломляюще разлетались по бесконечному небосводу и устремлялись к застывшим от недоумения звёздам. Ни минуты не размышляя, Назар шагнул к огню. Сорвал с себя пиджак и стал сбивать им пламя. Но сразу потушить было непросто. Обжигало лицо и руки. Обдавало едкой гарью. Огонь ненасытно вылизывал струганные поверхности креста. Пляшущее пламя отражалось в окнах многоэтажных жилых домов. И казалось: в каждой квартире полыхал

Глазунов Алексей Иванович, член Союза писателей России (2007 г.), прозаик, поэт. С 2009 года — член правления РРО СП России, председатель секции прозы. Родился в посёлке Гигант Сальского района в 1955 году.

С детства увлекался чтением книг, стихосложением, игрою на музыкальных инструментах. Во время учёбы в Ростове-на-Дону посещал литературные объединения «Дон», «Ростсельмаш». Печататься А. Глазунов начал в 1983 г. в периодике.

Первая книга стихов А. Глазунова «В ожидании высоты» вышла в 1996 г. в ростовском издательстве «Цветная печать», первый сборник повестей и рассказов «На грешной земле» – в 2000 г. в МП «Книга» (Ростов-на-Дону). В дальнейшем были изданы сборники «Журавлик» «Вдвоём»,«Чертополох».

Живёт и работает в г. Сальске Ростовской области.

пожар. Страшное зрелище. Чудилось, будто горит целый квартал. Сбить огонь не удавалось. Размахивая пиджаком, Назар вызывал только ветер. И пламя, огрызаясь, ускользало от хлёсткой одежды. Тогда он, встав на колени, плотно укутал низ креста. Огонь на мгновение задохнулся. Встряхнув пиджак, парень продолжал яростно душить всё ещё остервенелое пламя.

Когда подбежали жители близ стоящих домов, наспех одетые, горела только макушка креста. Худощавый мужчина в полосатой пижаме и дамских туфлях, коряво выделывая «кренделя», подковылял к кресту с ведром и плеснул воду. Огонь захлебнулся, шумно выдохнув паром. Люди теснились у пожарища, стараясь понять происшедшее. Кто-то крестился, кто-то осторожно поглаживал обгоревшие, подёрнутые сажей деревянные перекладины креста. Слышались облегчённые выдохи, вырывались возмущённые восклицания:

— Господи! Помилуй нас грешных.

— И на ком это креста нет?

— Сказились совсим, анчихристы.

— Тута в оба глядеть нужна. Ить!.. О, как!

— И кто это удумал?..

Только теперь, придя в себя, Назар почувствовал усталость во всём теле. От него сильно пахло дымом и жжёными волосами. Он потрогал усы и шевелюру. Вытер тыльной стороной ладони потный лоб. Улыбнулся, перекинул через плечо обгоревший пиджак и зашагал по ночному весеннему городу.

Глава вторая
СТЕПНОЙ

Вдоль улицы, ведущей к низовью реки, выстроились пирамидальные тополя. В ночной тишине было слышно, как их набухшие клейкие почки гулко расщёлкивались, источая аромат прополиса. Тянулась кверху молодая остролистая трава, будоражащая свежестью. Возле частных домов неистово цвели жердёлы и алыча. Назар притянул к себе цветущую ветку и окунул лицо в белую душистую кипень. Удивлялся, что словно впервые почувствовал непреодолимое колдовское притяжение зарождающейся природы. Дышал и не мог надышаться. У охваченной сном реки клубился парной молочный туман, заполняя пологие берега. Весна ранняя, и оттаявшие от зимы дни и ночи, будто играли в перетягивание: днём — тепло, ночью — прохладно.

Назар любил свой небольшой тихий городок, приютившийся на юге России. Чище и ярче стал Степной. Конечно же, благодаря живущим здесь людям. Радуют жителей цветники и клумбы, аллеи и газоны, фонтаны и аквапарк. В скверах — бюсты художникам и дипломатам, барельефы — героям войн. А какой высится Дом Культуры! С чудным фасадом, восхитительной колоннадой. И спортивный комплекс есть — воистину для олимпийцев!

На центральной площади раньше стоял каменный вождь мирового пролетариата, с поднятой вверх рукой и сжатым кулаком. Он как бы потрясал

им и как бы говорил: «Я вас… всех… научу!..» Но страну захлестнули новые веяния, и городское начальство в срочном порядке заменило громадину бунтующего революционера с непокрытой головой и в лёгком пиджачке, на гранитную глыбу — в зимнем пальто и кепке, с прижатыми по швам руками. Мол, неча тут!..

На соседней площади — скульптурный образ из того же бурного, жестокого времени, что и первый — белый генерал, вылитый из бронзы. Застыл в уверенном движении с шашкой наголо. На лице ни один мускул не вздулся. Хладнокровен. И как бы всем своим видом изрекал: «Ну, кто ещё?..» Местные казаки прозвали это место майданом.

Назар вспомнил, что есть ещё один «памятник»: жителю города Степного. На въезде в город со стороны областного центра, в окружении белоствольных берёз. Он — в полный человеческий рост. На постаменте стоит мужчина, улыбаясь. Может стоять и женщина, тоже улыбаясь. Может стоять и гурьба мальчишек смеющихся. Второй век подряд стоит сиротливо пьедестал. Видно, не нашлось достойной персоны… А кому же не захочется его примерить! Вот и вскарабкиваются на него желающие, фотографируясь на память. Да, замечательные и талантливые люди живут в Степном: спортсмены и музыканты, поэты и художники, мастера и предприниматели. Знают прекрасно своё дело. И даже посещают библиотеки.

А как любил Назар свой город весной! В начале мая раскинут ослепительно белый цвет черешни и вишни. Затем лёгким румянцем покроются ветви яблонь. Все одноэтажные постройки укроют цветущие деревья, да так, что не видно будет и серых шиферных крыш. И тогда покажется, что природа подарила людям огромный, словно облако, светлый букет, пахнущий пыльцой и мёдом, над которым до самого последнего луча заходящего солнца будут натружено гудеть пчёлы. А через неделю из «облака», растревоженного ветром, посыплется цветочная пурга, с грустью заметая подворотни, грядки и клумбы. Только печаль эта ненадолго. В двадцатых числах мая вновь под жарким солнцем «заварится» молочным цветом кашка акации. И дети будут объедаться сладковатыми гроздьями, позабыв про конфеты. А взрослые — подолгу стоять под гулким деревом, наслаждаясь ароматом будущего майского мёда.

В июне созревают кисло-сладкие с жёлто-красным бочком абрикосы, бордовые черешни в форме сердечка, крупными бусинами налитые алым соком вишни, лиловые медовые сливы, янтарная с кислинкой алыча, смородина, чёрным жемчугом рассыпанная по зелёным резным листьям кустарника. А яблоко «белый налив»! Сорвёшь его, потрёшь о рукав рубашки, — как в зеркале увидишь себя! Потом долго ещё будешь держать в ладони, приятно ощущая форму девичьей груди. С аппетитным хрустом кусая яблоко, почувствуешь во рту сочную сладкую мякоть — и ни капли оскомины. И только ладонью утрёшь разбрызганный сок по щекам и подбородку, да с улыбкой, щурясь, пронзительно и мечтательно посмотришь в небо.

В конце сентября во всю ивановскую спеют осенне-зимние сорта яблок,

те, что до самой весенней капели лежат в закромах, как лялечки краснощёкие. Рдеют, наполнившись сладким соком и запахом дюшеса, груши, размером с кулак, которые не берёт и парша. Тяжестью изгибая лозы, виснут гроздья винограда, подёрнутые сизым налётом. Сортов солнечной ягоды сотни: от «дамского пальчика» и до «бычьего глаза», а кисти с пудовую гирю. Бабы с корзинами винограда спешат на рынок, на «хитрые» базарчики. Мужики готовят вино, утаивая от соседей секреты виноделия. А по осени, когда набегут молодые морозцы, дегустируют друг у друга, покрякивая, рубиновый хмельной напиток, с непоколебимой уверенностью зная, что самое лучшее вино — это его вино! И даже не морочьте голову.

Каждый год урожай на фрукты и ягоды невиданный! Хозяева подворий не успевают собирать. И лежат они, скучая, под деревьями и кустарниками. Любой житель города, да пусть даже приезжий, иди и собирай витаминные сокровища — никто против не скажет. В это время дворики превращаются в консервные мини-заводы. Бабы, девки варят варенье, закатывают компоты. А плоды не заканчиваются. Все погреба забиты закрутками. Ставить некуда. Народ принимается сушить плоды на солнце, да в печах запекать и в мешки складывать. Затем принимают эстафету морозильные камеры. Благо в город пришла цивилизация: холодильники в каждом доме.

И с овощами та же песня: помидоров, огурцов, картошки, моркови, укропа, петрушки — валом! Ешь — не хочу!

А бахча за рекою — лежбище арбузов! Невероятных размеров пузатые, полосатые ягоды, как морские котики в тельняшках, греются под ласковым синим небом. А рядом рассыпаны, словно тысячу солнц, ярко-жёлтые шары дынь. Возьмёшь в руки чудо-солнце, поднесёшь к лицу, вдохнёшь глубоко, с наслаждением, дынный аромат и… забудешь выдохнуть.

В разгаре июля в необозримых полях зреет золотая пшеница, радуя народ полновесным колосом.

Прекрасна наша земля! Это она поражает яркостью природных красок, сочностью плодов, без конца одаривает несметными богатствами. Такое вот расскажешь о нашем изобилии северному жителю — не верит. Райская сказка, говорит, не может быть! И кому же такой край не понравится, не полюбится?! И не нужны степнякам никакие вычурные моря и горы!

И не только за красоту и богатство любил Назар свой Степной. Он здесь родился, здесь его родители, друзья, подруги. Здесь ему тепло и уютно. И скучает он по своему краю, если случается куда-то уехать. А когда, разделавшись с сессией, едет в автобусе домой — душа поёт! И кажется, так медленно движется «дилижанс». Вот и солнце горящим колесом закатилось за бугор, и звёзды вывесили синее полотно сумерек, и месяц, высунув язык, белым псом неотвязно бежит сбоку, мелькая за деревьями лесополос. А Степного не видать, и так невыносимо долго ждать! Автобус гудит бормашиной зубного техника. И вот резко среди непроглядной ночи, на самом высоком подъёме дороги, он будто взлетает, и внизу вспыхивает яркое степное озеро огней! Вот он, желанный город юности!

Необычный был в Степном молодёжный ритуал гуляний. Выходили вечерами на главную улицу парни и девчонки, становились в шеренги человека по три-четыре-пять плечом к плечу, взявшись под ручки. И расхаживали так не спеша, нарядные, счастливые, шеренга за шеренгой, а навстречу им — другие, весёлые и влюбчивые. Ходят-бродят, приглядываются друг к другу. Такие вот масштабные смотрины. Потом, будто по команде заворачивали в парк, на танцплощадку. Общение — до самой полночи! И весенний ливень им нипочём! А потом расходились парами. И под цветущей, головокружительно пахнущей сиренью целовались робко, торопливо, неумело, токари и учительницы, доярки и шофёры, штукатурщицы и поэты… Среди лёгких ночных облаков чётко вырисовывался абрис луны, похожий на свадебный шарообразный бокал, на донышке которого, будто плескалось белое игристое вино.

Самое трепетно-щемящее место в Степном, дарящее и радость, и грусть, — это поездная станция. Узел железных дорог. Узел людских судеб. А какой вокзал! Шикарное архитектурное строение с античными колонами, высокими расписными сводами, огромными витражными окнами, просторным асфальтированным перроном. Жители любят это место вечного ожидания, место встреч и расставаний. Тихих и шумных. Так сложилось расписание поездов, что они в основном прибывают и отправляются по ночам, и от этого встречающие и провожающие становятся ещё более сентиментальней. Взрослые без умолку гомонят, сонные дети пищат, а молодёжь надрывно поёт песни:

А колёса стучат, и бегут поезда,
И я уезжаю надолго…

Бывало, ещё не отъедешь от города, а уже по нему заскучаешь. Мчится поезд. И впереди — прекрасное будущее! Назар в этом уверен.

— Эй, ты! А ну, подошёл сюда. Быстро! — раздался вдруг резкий хрипловатый голос из неожиданно подкатившей машины.

— Что надо? — спокойно спросил парень, снимая с плеча пиджак и прикрываясь ладонью от бьющего в упор света.

Фары пригасили. В полумраке показались автомобиль «УАЗ», фигура в милицейской форме и две в камуфляжной. Подошли ближе.

— Куда идёшь? — спросил напирающе милиционер.

— А тебе-то что?

— Ты отвечай, когда спрашивают.

— От женщины — домой. А что?

— Да то! Крест ты поджёг?

— Я тушил…

— Расскажешь кому-нибудь другому. Садись, поехали.

— Не поеду.

— Садись.

Двое в камуфляжной форме выразительно постукивали резиновыми дубинками о свои ладони.

Глава третья
ИВАН

Залпы разбудили глухую южную ночь, разорвав и без того чуткий он деда Ивана. Война жила в нём всегда вместе с предательской бессонницей. Он явно слышал орудийные разрывы. Тяжело уселся на краю кровати. Сердце тревожно стучало. Пошарил по полу босыми ногами и, не найдя тапок, упираясь натужно кулаками в матрац, поднялся. Не зажигая света, торопливо зашлёпал по коридору. Высокий, худой, сутулый. В темноте нащупал пахнущую табаком шинель, накинул на плечи, обул глубокие галоши и вышел на подворье.

Разрывы непрерывно бахали за рекой, и не были похожи на раскаты и треск грома. Небо чистое, звёздное. Разливался сладкий запах цветущих плодовых деревьев. И вдруг… Неужели опять? Деду Ивану часто не спалось ночами. И когда в кромешной тьме он слышал тяжёлый стук колёс товарного поезда или гул гружёного самолёта где-то далеко за тучами, не находил себе места. Забываясь, напрягал из последних сил мускулы и наливался яростью.

Он прошёл к реке. На противоположном берегу, в ресторане, звучала неудержимая восторженная музыка, взрывались петарды, взлетали яркие ракеты, рассыпались по небу разноцветные огни фейерверков. На воде резвилась моторная лодка. Люди веселились.

А в январе сорок третьего года дед Иван бился здесь насмерть с врагами, освобождая Степной. Но это было очень давно…

…Огромная шарообразная луна в радужном обрамлении ярко освещала голубым светом спящую степь, укутанную глубоким искрящимся снегом. Увесистые, с кулак, звёзды дрожали на морозе. Они колыхались так близко у земли, что, казалось, их можно взять в ладони и, подышав на них, согреть.

За полкилометра от заснеженных окопов, с восточной стороны, в низине, виднелось село. Его хаты, тесно стоявшие друг к другу, были похожи на семейство белых грибов. Над ними вился лёгкий кизячный дымок, он пах жильём и уютом и уплывал к голубеющим буграм и балкам. У села, ближе к окопам, возле двух бараков, стояли укрытые соломой телеги, сани, походная кухня, припорошенный снегом американский грузовик «Студебеккер». Рядом топтались, подрагивая и фыркая, кони; лежали, шлёпая губами, верблюды. Пар от дыхания животных густо клубился, путался, индевел в гривах, в свалявшейся шерсти. Из высоких сугробов торчали дула замаскированных пушек «сорокопяток».

В трёх метрах от окопов, за бруствером, стоял старый высоченный берест — единственное дерево в неоглядной суровой степи. В мирное время берест служил людям «маяком» — был виден за десятки вёрст. На его белёных снегом ветвях сидели, покачиваясь, вороны, словно чёрные расплывшиеся

кляксы, забрызгавшие чистую тетрадь. Птицы в полусне между собой лениво картавили, будто что-то вещая на завтрашний день…

Иван заступил в караул в четвёртом часу ночи. В напарники ему определили молодого солдатика, из прибывшего в конце декабря пополнения, со странным именем — Азарик. Он доставал Ивану до плеча; с круглым нежным лицом и даже, казалось, розовым; с большим носом, пышными губами, огромными чёрными глазами. Был молчалив и задумчив. Из-под шапки-ушанки выглядывал, словно вымазанный сажей, густой чуб. Шинель на нём не по росту широкая и длинная, посередине перетянутая ремнём. И когда он шёл между сугробов к посту в этой балахонной шинели и двупалых рукавицах, с винтовкой, почти вдвое длиннее его, в каске, натянутой на шапку и постоянно сползающей на глаза, то Ивану казалось, что новобранец запутается в этой амуниции и рухнет ничком в снег. А потом долго будет копошиться, перекатываться с боку на бок и безуспешно стараться подняться на ноги. Эх, вояка!..

Караульные двигались следом друг за другом от дерева к брустверу, спускались в траншею и шли по проторенному снегу метров сто вперёд. Снег скрипел под сапогами, создавая игривую музыку. Мороз давил крепкий. Щёки горели, ноздри слипались, за ресницы и брови цеплялся кристаллами иней. Иван растирал разлапистой ладонью одновременно и нос, и подбородок, постукивал сапогом о сапог. Азарик прикладывал к лицу рукавицы и дышал в них. Пританцовывал. Хохлился, как воробей, отчего становился ещё меньше.

Иван шёл впереди, слегка сутулясь. Ростом он был под два метра. В роте кликали его «длинным», а он говорил: «Я не длинный, я высокий». Одет в затёртую, местами латанную стёганку под ремень, в штаны-ватники, но и такая форма одежды не спасала от лютующего мороза. Ничто лишнее не сковывало его движений: на плече автомат «ППШ», на ремне запасной диск в семьдесят два патрона да две гранаты.

Солдаты на обратном пути дошли до береста, прислонились спинами к его корявой старой коре и сразу почувствовали, что стало теплее. Казалось, дерево прониклось к ним родством и согревало своими оставшимися соками.

— Какая тишина, мама родная! — загудел вполголоса Иван. — А ночь?! Ты посмотри вокруг, Азар? Ты видишь? Как будто никакой войны…

— У нас, на Урале, товарищ сержант, красивее: ели, сосны.

— Ты глянул бы весною — до горизонта кумачом тюльпаны, а сады цветут как! Во! Это ж мои края…

— А-а, понятно.

— Жуткая тишина… Одновременно радостно и страшно... Для меня могло не быть сегодня этой чудной мирной ночи. И после очередного боя может уже не будет… Я так ясно это представляю, что просто жуть.

Отвратительное чувство. Легче ощущал себя в бою… — Иван глухо прокашлялся, потоптался на одном месте, перекинул автомат с одного плеча на другое. — У меня в Степном, вон там, отсюда рукой подать, — указал он

головою на запад, — семья: жена Евдокия и дочка Полюшка. Встречались мы с Евдошей, миловались, — целый год. Ей — шестнадцать, мне — восемнадцать. А тут война, расписаться не успели…

— Счастливый ты… А я ни разу не целовался… Во сне только…

— Может, оно и к лучшему: тебе не по ком страдать и за тобой, случай чё, некому убиваться.

— А всё равно хочется любить и даже сильнее, чем поесть!..

— Да оно-то так… Ты знаешь, о чём я сейчас мечтаю? Умереть.

— Ты что, Иван? — ужаснулся новобранец.

— Не в бою, эххх… а умереть блаженной смертью в глубокой старости, в кругу семьи, среди родных и близких, которые выполняли бы любую мою прихоть, любой каприз. И в белых одеждах отпустили бы меня в Вечность…

Даже не глядя в лицо Ивану, Азарик чувствовал, что тот улыбается.

— А в бою, — уже бодрее заговорил сержант, — надо не умереть, а выжить, чтобы крушить этих гадов вдоль и поперёк! Я ж ещё свою малую не видел. Родилась она, когда я с нашей стрелковой дивизией под Кёнигсбергом от немца отбивался. Сколько там наших полегло, в тех лесах и болотах, ититная сила! Так что знаю я и ельники колючие, и осинники непролазные, кровью нашей меченые… Степь — она лучше: видно всё, как на ладони. Ни спереди, ни сзади ни одна макловошка не подползёт. Да и куда теперь этому фрицу, сучьему потроху, до нас! Мы погоним его в шею и до самого Берлина долбать будем!

За разговорами Иван уже не замечал сегодняшней необыкновенной ночи. Паршивенькое настроение схлынуло, он даже не чувствовал мороза.

— Хотя, гады, отбрыкиваются. Думают опять нас за Маныч отбросить. Да только, — во! — они у нас получат: до локтя и выше! — со злостью показал характерный жест Иван. — Ничего… Утром подтянется наше подкрепление: пехота, танки, и будем мы драть этих «данке шонов» в хвост и в гриву! Будь здоров!

— А фрицы знают, что нас здесь только одна рота? — послышался слабый голос Азарика из-под парующих рукавиц.

— Всё они знают…

— А если сейчас попрут на нас?..

— Не, раньше десяти не сунутся. Им надо с утра зубы почистить, кохва выпить, шоколада куснуть. Я им, б,.. в их чищенные зубы — кулаком! кулаком! Может, они сейчас там, в Степном, над моей Евдошей измываются? Гады!

— Это ж надо, напали на нашу страну. Ну и жили бы там у себя. Что мы им сделали плохого? Бомбят города, сёла, убивают людей… Страшно: люди убивают людей. Фашисты!

— Во-во!

— А я курицу не мог порешить. Помню: мне лет двенадцать было, мама принесла с базара живую хохлатку, собралась суп готовить. Говорит, мол, ты уже большой, возьми под лавкой топор и заруби птицу, а я ощиплю её да лапши наварю. Взял из корзины куру, она вырывается, будто чувствует что-то,

занёс над головой топор, а рубануть не смог… Мама меня выругала и сама отсекла голову хохлатке. Я всё видел, чуть в обморок не упал. Вскрикнул. Курица вырвалась из маминых рук и бегала по двору без головы. С тех пор я не могу есть курятину…

— А я бы сейчас с удовольствием слопал курочку, да навернул бы лапши горяченькой, — весело хохотнул Иван.

— … а тут надо людей убивать…

— Да какие это люди? Нелюди! Сам же говоришь — фашисты. Ты боевую подготовку прошёл?

— Ну да… После призыва в районном военкомате занятия были дней десять. Показывали, как обращаться с винтовкой, этой вот, «Мосина» : затвор, приклад, ложе… и команды: «На плечо!», «С плеча!», «Ложись!», «Стреляй!». А потом перевели в Саратов, принял воинскую присягу, там же прошёл ускоренные курсы связистов. Два месяца теорию учили, катушки с проводом таскали. И сразу сюда.

— Так ты не обстрелянный? Да это дело поправимое. Главное, задницу крепче сжимать. Так-то, Воробышек, — заржал Иван, хлопая тяжёлой ладонью по спине молодого солдата.

Азарик молча сопел в рукавицы. Ему стало обидно за слова сержанта. Он ждал сочувствия, понимания, поддержки, а не издёвок и зубоскальства. Ржёт, как конь! Дылда! Свой называется… Хорошо, что не рассказал ему, как месяц служил в похоронной команде и в освобождённых пунктах закапывал в землю и своих, и чужих. Так что видел смерть и он, хоть и немую, но страшную.

Воцарилось неловкое молчание. Иван сообразил, что перегнул палку… «Ничего… Если завтра выживем — сочтёмся. Только бы выжить!»

— Эх, сейчас бы табачку затяжек на несколько, да жаль нету, — как бы извиняясь, проговорил Иван, стараясь скоротать затянувшуюся паузу. — Да оно-то на посту и курить нельзя…

Молодой солдат почувствовал в голосе сержанта бархатные нотки и, успокоившись, подумал: «Он хоть и старше меня всего на два года, а опыта ему не занимать... За это время на войне познаешь то, что в мирное — и за всю жизнь не постичь».

Азарик отстранился от рукавиц, поднял голову и глянул в худое скуластое лицо сержанта. Оно было серьёзным, его тёмные запавшие глаза смотрели вдаль, за горизонт.

С бледнеющего небосклона в сторону запада скатывалась луна, вслед за ней удалялись, мельчая, звёзды. Светлел восток, заливая багровым цветом заснеженную степь. В селе забрехали собаки, оранул петух, за ним другой. Где-то на базу протяжно и жалобно промычала корова. У бараков, топча скрипучий снег, зафыркали лошади. Медленно, вставая с колен, поднялся длинношёрстный замызганный верблюд.

Слева от окопов, за высокими сугробами, раздался короткий треск, будто лопнула басовая струна, протяжным эхом затихая вдалеке. Ещё один резкий звук разорвавшейся струной пронзил морозный воздух, на этот раз более вы-

сокой нотой: дзинь-нь-нь! И ещё, ещё, меняя тональность, рвались «струны» неизвестного инструмента…

— Что это? — спросил в замешательстве Азарик, настораживаясь и хватаясь двумя руками за винтовку.

— Мороз крепчает, — спокойно ответил Иван, — речка здесь за буграми, Егорлык называется.

— А-а, — протянул солдат. — Название чудное. Что — Егор лыка не вязал? Наверное, много принимал на грудь? — развеселился скукоженный солдат и даже стал ровнее.

— Не-е, не вязал потому, что лыка не было. Ты зря хихикаешь. В Егорлыке столько рыбы: тебе и не снилось! А сейчас, зимой, только продолби прорубь, — она сама на лёд повыпрыгивает. Да сходим к вечеру… если всё обойдётся... тут рядом, покажу… А уха на морозе — во! Ц-ц-ц! — зацокал языком, расходившийся в мечтаниях, Иван. — Мне через неделю двадцать один стукнет. Отметим. Наловим рыбки, наварим ушицы. Горячая, с лучком, с картошечкой!.. Ты хлебал когда-нибудь такую, а? Ото ж!.. Вот, зараза, сразу жрать захотелось…

Вдруг впереди, в балке, со стороны вражеских позиций раздался жуткий протяжный вой, леденящий душу. И снова всё живое, пробудившееся утром, замерло, насторожилось...

Глава четвёртая
ЗНАКОМСТВО

— Во дела, ну ни одно дежурство не проходит спокойно! Ну, народ, ищет себе на голову приключения, — ругался милиционер и чиркал спичками, пытаясь прикурить.

Машина подпрыгивала на колдобинах, высвечивая фарами сцены ночного города.

— Ну, ладно, у меня работа такая, — продолжал выговаривать участковый двоим в камуфляжной форме, — ну на хрена это нужно вам, казачки? — наконец он раскурил сигарету, заполнив едким дымом салон автомобиля. В груди у него вулканически булькало и сипело, он хрипло продолжал чертыхаться. — Что за жизнь? Покурить некогда. И вас ещё навязали на мою голову. Театр какой-то…

— Обижаешь, Михалыч... Мы служим Отечеству, как говорится, не щадя живота своего, — подал голос с ноткой обиды грузный мужчина, сидящий на переднем пассажирском сидении.

— Ты скажи ещё — царю-батюшке! — сигарета погасла, и участковый зло швырнул её за окно.

В заднем отсеке автомобиля сидел Назар, держась за решётку и наблюдая за скачущими пятнами света. Вот они упёрлись в скамейку, с устроившимся на ней полулёжа мужчиной в шляпе. Раздражённо, в тон участковому, заскрипели тормоза.

Мужчина привстал, одёрнул широкий мешковатый пиджак, и в приветствии приподнял примятую широкополую шляпу, из-под которой взвихренной соломой торчали седые волосы. На вид ему лет шестьдесят, шевелюра переливала своё серебро в необычно пышные, давно позабытые модой бакенбарды. Его попросили пройти. Сутулясь, он медленно двинулся к автомобилю. На двери прочёл и расшифровал:

— Пэ, Эм, Гэ — Помощь Местным Гражданам. Благодарю!

— Ты — кто?

— Поэт!

— Давай заваливай, грамотей, — подтолкнул его милиционер.

Помощники участкового молча впихнули попутчика через заднюю дверь.

— Добрый вечер, — дохнул перегаром новоявленный сосед.

— Доброе утро, — ответил Назар.

Автомобиль припарковался у входа в здание, на котором натужно освещалась жёлтым фонарём перекосившаяся вывеска с надписью «Казачья дружина».

В кабинете над потолком горел люминесцентный светильник. На столе — допотопный дисковый чёрный телефон и затёртый журнал. Вдоль стены — несколько расшатанных старых стульев, выцветшие обои, фанерный стенд «Народный дружинник» двадцатилетней давности. Вот и весь интерьер. Скупо и тоскливо.

— Как в советские времена, — высказался мужчина с седыми бакенбардами, — сегодня мы пьём — вы нас ловите, завтра — наоборот.

— Помолчи, умник, — прохрипел старший лейтенант, швырнув на стол фуражку и тяжело усаживаясь на стул.

Он вновь развёл дымовую завесу, жутко кашляя и раздувая покрасневшие щёки. Таращил глаза и дёргал до смешного бровями.

— Надо бросать курить, лучше лишние сто граммов выпить, — еле проговорил старлей, задыхаясь.

Ему было лет под пятьдесят, а ходил в младших офицерах. Возможно, его тучность губила и здоровье, и карьеру?

— Кондрат, начни с поджигателя, — обратился участковый к помощнику с горделивой осанкой и выражением лица всезнающего человека.

Кондрат — выше среднего роста, плотного телосложения. Насупил кустистые пшеничные брови и вонзил взгляд в Назара:

— Фамилия? — в интонации голоса слышалась важность.

— Костров, — ответил Назар.

— Ты это за́раз придумал али там у креста? Посмотрел бы на себя, — как трубочист. Если не ты поджёг, тогда кто?

— Да пацанва, наверное, от делать нечего.

— Э-э, нет, это не просто баловство. Тута… О-о!

Кондрат мерил шагами кабинет, постукивая дубинкой по яловому сапогу и поглаживая ремни портупеи. Остановился на середине комнаты, натянул

покрепче форменную кепку. И резко развернулся к Назару. Спросил, как выстрелил:

— Национальность?

— Причём здесь это?

— Я говорю, каких ты кровей? — сощурил глаза казак. — И на цыгана похож, и на кавказца, а? Кучерявый, чернявый. Али ты турок?

— Я — русский. Здесь родился и живу.

Задержанный поэт с седыми бакенбардами убрал шляпу с глаз и пояснил:

— В наших краях со времён монголо-татар столько побывало чужеземцев, что трудно определить, кто ты есть на самом деле. Постареет — побелеет.

— А ты молчи! Доберёмся и до тя, умной. И ныне прибывают…

— Они думают, что у нас тута разлюли малина, — подал голос маленький подтянутый казачок, сидящий за столом и заполняющий протокол. Он был без головного убора, русые волосы коротко стрижены, усы — вразлёт. Глаза маленькие, живые. — Наши прадеды и деды на этой земле кровушку проливали, а теперича привечай кого не поподя.

— Они вынуждены переселяться в наши края — время было неспокойное, бурное, — подал голос Назар. — Недалеко от меня такие живут. В одном небольшом домике — несколько семей. И этот домик — их маленькая родина в большой чужой стране. Их нужно понять.

— Вот-вот! А прописка у их есть? Нашёлся сердобольный, — врезался Кондрат. — Лёха прав. Ты спроси, за что их, таких хороших, погнали из Узбекистана, а Грузия не принимает? Ехали бы в Сибирь, так нет — к нам. Через двадцать лет шагу ступить негде будет. Скажут: тута мы родились, тута наша земля. Они завоюют нас без войны. А не дай Бог, теракты. Глаз да глаз нужен. Земля-то наша. Надо возрождать казачество повсеместно и тогда будет любо-дорого всем.

— Среди любой национальности есть и плохие, и хорошие люди…

— Это удобная фраза, чтоба закрыть глаза на всё происходящее.

— Я вот работаю в коммерческой фирме у Арсена исполнительным директором и — ничего, главное зарплата вовремя.

— Глупой, а ты подумал, что он прикрывается тобой, а за все его махинации отвечать будешь ты? В каждом народе есть своя особенность, черта характера, как и просто в человеке. И как в любом человеке характер не проявляется до поры до времени.

Кондрат засунул дубинку за голенище сапога, уселся на качающийся стул, снял кепку, вытер со лба пот и, довольный произнесённой речью, изрёк:

— Так-то!

— Вы не совсем правы, братья каза́ки, — Назар тщетно пытался образумить противную сторону.

— Мы не каза́ки, — рубанул Кондрат. — Мы — казакú.

— Ладно, вы нормальные мужики, но нельзя же...

— Мы не мужики, мы — казакú!

— Всё равно — люди русские, должны понимать…

— Мы не русские…

— О, Господи! А кто же вы?

— Мы — казаки!

Кондрат так громко и резко высек последнее слово, что с вздрогнувшего поэта соскочила шляпа и укатилась под стол. А дремавший с запрокинутой головой участковый от неожиданности издал рык и проснулся.

— Что за театр, итти твою мать? Закругляйтесь… — прохрипел спросонья милиционер и вновь запрокинул голову.

— Ты, Костров, я гляжу, тож с усами, — продолжал Кондрат, — а знаешь ли ты, дорогой, что по усам можно судить о человеке? Тота жа!

Назар сделал удивлённое лицо.

— Вот мои усы — пышные, роскошные. И о чём это говорит, а? А о том, что человек с такими усами степенный, рассудительный, мудрый. И всё у него ладится и всё у него есть. А видал усы, что свисают почти до бороды? Это люди угрюмые, замкнутые, по жизни — одни сложности. Их усы вроде как к земле притягивают, заставляя сутулиться… А у Лёхи усы — вразлёт, вострые на концах, как шашки. То есть человек удалой, лихой, страсть какой юркий, хоть и с придурью…

Лёха оторвался от протокола, поперхнулся слюной и, презрительно щурясь, взглянул на Кондрата.

— Пиши-пиши, — упредил его философствующий казак, — есть усы закрученные лихо кверху, такие усы у человека боевого, напористого, умного и до девок дюже гожива. И Лёха наш иногда закручивает свои вострые концы.

Лёха вновь отвлёкся от писанины и озарился масляной улыбкой.

— А вот у тя, Костров, что за усы? — продолжал рассуждать Кондрат, — Не усы — усики! Куцые, стриженые. Еврейские прямо-таки усики. И что я о тебе скажу? Интеллигентик, чистоплюй, всё у тя ровненько, стелено-глажено. Не наш ты человек.

Под столом копошился поэт, пытаясь достать шляпу. Сонный участковый, ворочаясь, невзначай наступил тяжёлым ботинком, пахнущим гуталином, на затёртые фетровые поля головного убора

— Ты что там возишься? — возмутился Кондрат. — Быстро вылезай и называй свою фамилию.

Поэт, корчась, выполз на коленях из-под стола с раскрасневшимся лицом. Медленно приподнялся и стал отряхивать от пыли раздавленную шляпу, стараясь придать ей первоначальную форму. Затем гордо водрузил её, будто корону, на взъерошенную седую копну волос. Не подумав отряхнуть брюки, он уселся на стул, закинув ногу за ногу. С чувством глубокого величия, скрестил руки на груди, откинулся на спинку стула. И стал чертить в воздухе пируэты носком туфли, на подошве которой зияла, словно мышиная норка, протёртая дыра.

— Итак, назовитесь, будьте любезны, — иронизировал Кондрат, потирая ремни.

— Георгий Зорин. Поэт. Лирик, — и вскинул гордо голову. Не меняя позы, продекламировал:

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орёл молодой...

— А своё? Слабо?

— Пжалте.

Я вернусь к тебе, милая,
Где течёт Егорлык,
Где по самому руслу
Ходит-бродит кулик…

— Вернёшься-вернёшься… Я вижу, лучшего ты уже, точно, ничего не создашь.

— Почему?! — ужаснулся поэт.

— Да ладно. Подумаешь — поэт. И чем жа ты лучше плотника? А жёнка, должно быть, тобой довольна?

— Ка-акой там… — разочарованно протянул Зорин, махнув рукой. — Женщине всё едино: поэт ты, компьютерщик или алкоголик. Времени ей всё равно не уделяешь. Вот поэтому она и ненавидит моё творчество вместе со мной. Женщины мешают моему сочинительству. Их интересует только быт и материальные блага. Но усидеть на двух стульях невозможно. Быть хорошим в семье и быть хорошим в творчестве? Одно другое исключает. Гений должен быть нищим, то есть — независимым! Тогда он создаст ого-го! — поэт указал пальцем в потолок, посмотрел на облупившуюся штукатурку и продолжил. — Истинно свободный человек — это бомж. Во все времена художники, поэты, композиторы и другие творческие личности никогда не были богатыми. Скорее наоборот — находились близко к нищете. И чем обездоленней творец, — он многозначительно указал ладонью на себя, — тем гениальнее его создание.

— Да, — согласился Кондрат, — ты, я вижу, успеваешь и творить, и вытворять.... Можа, ты и гений, но народ-то не знает. Ты докажи.

— Судьбу гениев вершат бездарности. Пробиться нелегко. И всё же я издал книгу! Чего и вам всем желаю.

— Эхе-хе, — грустно протянул Кондрат, — шагайте сюда «гении» и распишитесь в протоколах. Выпишем вам штрафы и катитесь на все четыре стороны.

— Я останусь до утра: у вас теплее, — повел плечами Зорин, — да и жена не впустит ночью.

— Пока, — сказал Костров и вышел на улицу.

Рассвет уже раскрашивал окна верхних этажей. Молодой человек достал сигарету, закурил. Услышал как за спиной распахнулась дверь. Из охранки

вылетел, спотыкаясь и чертыхаясь, седовласый поэт. Он ринулся было назад. Но дверь перед ним захлопнулась. Назар докурил, пристроил окурок на средний палец и, прицелясь, щелчком швырнул в направлении к урне. Попал. И довольный зашагал по аллее. Сзади раздавались стук в дверь и настойчивый крик: «Впустите, бездари!..»

Глава пятая
НА РАССВЕТЕ

Вой повторился, но уже справа, из густо заросшего терновника. И какой-то плавающий, тоскующий.

Выли волки.

— Ох, ёлки-палки, — растерялся Азарик, — это они что, от голода?

Иван пристально посмотрел в степь. Долго молчал, хмурился, дёргал желваками, раздувал ноздри, потом сказал:

— На войне волки голодными не бывают…

Из балки показался огромный зверь с тёмно-пепельными гладкими боками, с вытянутой лобастой мордой. Он уверенно, по-хозяйски, тяжело ступал мощными лапами по глубокому снегу, временами проваливаясь по брюхо. Двигался, не озираясь, к чёрным, непролазным кустам тёрна.

— Гон у них начался. Любовь, значит…

Как сигнальная ракета, мощно вырвалось из-под земли золотое жгучее солнце, забрызгав ослепительным светом неоглядные снега. Вспыхнула, заискрилась степь. Часовые прищурили глаза.

На синем небосводе одновременно горели два светила, они как будто бы боролись меж собой. Солнце с востока неотвратимо напирало, а луна бледнела, таяла, пятилась на запад.

Со стороны села, по проторенной снежной тропке, в светлом овчинном полушубке лёгкой походкой шёл младший лейтенант, командир роты, и чему-то блаженно улыбался.

А из бараков с шумом, криком, гиканьем выскакивали на мороз, словно из бани, разгорячённые солдаты — кто в распахнутых шинелях, кто в гимнастёрках, кто в нижних рубашках и кальсонах и все без шапок. Смеялись, гомонили, толкались. Умывали снегом лица, швырялись снежками. Как дети, радовались новому дню!.. И все, как один, оставляли жёлтые росписи на снегу, а затем их присыпали, притаптывали сапогами.

Иван с Азариком сменились с поста и зашли в барак. На них дохнуло жилым теплом, запахом кирзовых сапог, потом гимнастёрок, дымом от двух гудящих «буржуек». В помещении было сумрачно, свет с улицы слабо проникал сквозь маленькие намёрзшие льдом оконца. Пол устелен соломой. На примитивном ложе разбросаны шинели, шапки, каски, вещмешки. У стен стояли винтовки, автоматы, пулемёты, ящики с боеприпасами.

Иван, словно футболист, ловко поддел ногою свой вещмешок и перехватил рукою. Извлёк из него блестящую банку:

— Вот, Воробей, перебьём голод американской тушёнкой.

Он достал из-за голенища нож размером в две ладони из нержавеющей толстой стали. Тремя ударами вскрыл банку.

— Счас разогреем и поклюём — не помрём!

У «буржуйки», толкаясь, грелись солдаты.

— Эй, народ, а ну расступись, — гаркнул Иван, — Чё вы к ней руки тянете, как к знойной бабе? Дайте и нам, пришедшим с морозу, её пошшупать!..

— Слюший, какой баба? Прям дэвушка: крашэ нэту! — в ответ смеялся молоденький грузин, с чёрными усиками.

— А ты, рядовой Горидзе, иди обнимай свою винтовку: она как «дэвушка» любит заботу, ласку и смазку. А перед боем я проверю, как ты её обхаживал.

Солдаты беззлобно смеялись. Чувствовалось, что и души их теплели.

— Товарищ сержант, а Саламалиев ещё тот «султан»: он ласкается не только со своей разлюбезной винтовочкой, а и ваш автомат холит-пестует!..

— А зачема така говорила? Совсем шайтан! — щурил раскосые глаза Саламалиев и «зажигал» улыбкой широкоскулое лицо.

Иван снял с плиты подогретое тушёное мясо, присел на солому у стены:

— Подсаживайся, Азарик. Не боись, это не курятина. Наверное, мясо буйволов. Ты как относишься к буйволам, а?

Они доставали тушёнку широким ножом, передавая банку из рук в руки. Ели не спеша.

— А-а тебе такой нож нужен, чтобы банки открывать?..

— Не токо… У меня ж на автомате нету штыка...

— А ты уже кого-то… ну… того… было?..

— Было… Клинок — он для фрицев. А среди них такие буйволы встречаются… ого-го!..

Азарик долго держал на конце ножа мясо. Горячее, приятно пахнущее…

— Говорят, будто с лезвия нельзя есть: будешь злым…

— А сегодня, ох каким надо быть злым, как собака!

И молодой солдат с жадностью проглотил кусочек тушёнки.

Потом они пили из котелка кипяток, заваренный сладко пахнущими вишнёвыми веточками.

— А я знаю девушку, санитарочку, у неё была заточка для наших…

— Ну-ну… — приготовился слушать Иван.

— Её звали Верочкой, мы с ней служили в похоронной команде… я не хотел говорить… Она осматривала изувеченных солдат и определяла: кто живой, а кто нет… Раненых тащили в лазарет. Мёртвых, достав у них красноармейские книжки, семейные фотографии, солдатские медальоны, закапывали в общую могилу… Верочка была ростом маленькая, совсем девчонка, лет семнадцати. А красивая!.. Волосы смоляные, глаза большие чёрные, носик курносый. И представь себе: ещё и улыбается. Одета, как кукла, в облегающую гимнастёрочку, юбочку до колен, а самое поразительное: сапожки, — малюсенькие такие! Спросил, где ж она их достала? Говорит,

старшина принёс из разбитого Дома пионеров. Красные они. Приходилось замазывать гуталином… Стал к ней приставать моложавый капитан. Толстый, прыщавый. И говорит: «Давай будем дружиться?», «Что? — не поняла она, — дружить?», «Нет — дружиться, как мужики и бабы…» Ей стало противно, она возненавидела этого прыщавого офицера. Что она — скотина? А как же чувства, любовь? Спали все вместе покатом в бараке. Почти половина роты — и всем бы «дружиться»… Она — за ширмой, ей не до сна. Где-то раздобыла пику-заточку. Ложась в постель, зажимала её в руке и засыпала даже без молитвы. Как-то один сунулся. Приставила к его боку холодную острую сталь. С тех пор, как бабка пошептала: и через занавеску перестали трепаться. А я влюбился в неё. Буду ждать и до конца войны…

Солдаты, прислонившись к стене, задремали.

Глава шестая
КАВКАЗЦЫ

— Эх, каза-а-ки — казаки-и!.. Разлюли малина! На дворе третье тысячелетие, а они понапридумывали разных баек, всяких страшилок, сами развлекаются и народ баламутят. А ещё большие любители выпить. Работать не хотят. У каждого чины, звания — всем бы в начальство. Игруны! — Назар был раздражён. Он шёл по центральной улице, стараясь быстрой ходьбой согреться, и прокручивал происшедшее. — Да сроду в наших краях не было казаков. Вокруг хохлы. Это там, за Манычем, на Дону — да. А по нашим южным степям гонял беляков Будённый, которого хотят сейчас затереть, развенчать и умалить его победы. Четыре «Георгия» в Царской России он получил, небось, не за игру на гармошке. Вот в войне с турками казаки проявили себя геройски — честь им и хвала: прибавили нам землицы. А нынешние что? Сплошной маскарад. Бутафорские шашки, награды, блин, смешно! Я понимаю: фольклор казачий — хорошо. Но не надо пересаливать и понапрасну пыжиться. Всё чаще встречаются надписи на кабинах «Камазов» — «Казачий Дон». В этом сочетании чувствуется что-то настораживающее, воинствующее. А если я не казак? Что тогда? А если я «Иван не помнящий родства»? Что во мне казачьего, я знаю точно, так это название переулка, на котором живу: Стременной! Да и сами казаки, вряд ли помнят свои родословные древа?.. Бытует среди них же известная всем поговорка: «Дед мой был казак, отец — сын казачий, а я — …». Скорее всего у людей есть желание присоседиться к развернувшейся кампании и как-то выделиться, хотя бы внешне. А раньше на тех же «Камазах» было начертано: «Тихий Дон», — и сразу представлялись широкая вольная река, труженицы баржи, прогулочные теплоходы, старые тарахтящие паромы, новые современные мосты, шлюзы, рыбаки вдоль берега и донская сельдь.

Назар остановился у памятника вождю пролетарской революции, приподнял голову и обратился:

— Так у кого она, настоящая правда, Владимир Ильич? У каждого своя? Ну, да-а… Конечно… Ясный пень, заноза — на века!..

Солнце забрызгало золотистым цветом влажную листву макушек деревьев. Раннее утро пробуждалось от звонкого щебета шебутных воробьёв и протяжного трубного зова горлиц…

С диким рёвом ворвался на площадь чёрный «BMW» без номерных знаков! Резко, со свистом затормозил, развернувшись на одном месте. Из авто вышли молодые жгучие брюнеты. Двое одеты в тёмные полупальто. Третий — в длинный кожаный плащ. Ростом был повыше Назара и плотнее телосложением. Он приподнял правую руку, которой перебирал чётки и, обращаясь к идущему парню, спросил на аварском языке:

— Дорогой, куда идёшь в такой ранний час? Садись — подвезём.

Назар продолжал идти. Тогда незнакомец произнёс на турецком:

— Достопочтимый, зачем спешишь? Успеешь — жизнь длинная, каменистая, как тропка в горах. Отдохни. Порадуйся утру.

Парень не понимал, что от него хотят.

Обратились к нему на армянском:

— Ара, без обид, я хочу тебя спросить… Будь добр…

И, наконец, на русском:

— Слюший, брат, ты кто?

Назар приостановился:

— Ну, человек, а дальше?..

— Я вот с Кавказа, а ты?

— И я с Кавказа. Северного. И что?

— Знать нада свой ра-а-дной язик. Иначи ты никто.

— Я — знаю.

— Русский, да-а? Это тебе папа сказал? Ты спроси у мамы.

Назара стал раздражать этот самоуверенный кавказец:

— Да пошёл ты!..

— Падажди, — кавказец спрятал чётки в карман плаща. Двое других подошли поближе к Назару.

— Узден, он тебе что-то сказа-ал?

«Ишь, «герои», когда трое… — подумал Назар, напружинившись. — Надо не показать своего волнения».

— Тущил крест ты?

— Да вы что, сегодня все офанарели? Дался вам этот крест… — взорвался Назар, и вдруг его ошарашила мысль: — так это вы-ы… подожгли?..

Узден ухмыльнулся, достал вновь чётки и стал демонстративно перебирать деревянные бусины.

— Понаставили кристов, не гарада, а кладбища. Перед каждой вонючей дзеревенькой крест, крест, крест… Застолбили территорию, да-а? Так это наша земля.

— С чего ты взял? — поразился парень бесцеремонности кавказца.

Узден, улыбаясь, вальяжно подошёл к Назару и, направив указательный палец кверху, на котором были чётки, проговорил:

— Кавказ — слишишь? Пусть — Северный, но Кавказ, — и щёлкнул пальцами у лица Назара.

«А янычар или джигит, кто он там, чёрт его подери, здоровенный жлоб. Попробуй справиться с таким, — нервно раздумывал парень, — а ведёт себя так, словно я у него в гостях, а не наоборот. Главное, чтобы «хозяева» не подумали, будто я их испугался, иначе заклюют…»

— Твой Кавказ там, где горы. А нас не тревожь!

— Ты угрожаешь, да-а? Угрожаешь? Смотри сюда. Мы тебя ещё найдзём.

— Да что меня искать — вот он я! Ну, что? А? — Назар дрожал от ярости. И в данный миг был готов на всё.

— А ты кто — казак? — смягчил интонацию голоса Узден.

Вопрос застал парня врасплох. Несколько секунд он молчал, раздумывал. Назара поразила безграничная самоуверенность кавказца и его рассуждения о Северном Кавказе. Похоже, не он один так размышляет, да и, наверняка, не его это мысли… А память горцев об отважных и яростных казаках, переходящая из поколения в поколение и, возможно даже, на генном уровне, оказывается, заставляет колебаться и голоса их потомков.

— Да, я — казак! — твёрдо произнёс Назар.

Сказал он так не от испуга за себя, а лишь затем, чтобы дать понять самонадеянному «хозяину», что есть в нашем крае сила или по крайней мере должна ещё быть, так что на чужой кусок не разевай роток.

— Оставим его. Поехали, — сказал Узден своим.

И к Назару:

— Ладно, жживи, дыщи.

И троица двинулась к машине. Садясь в «BMW», Узден «бросил» напоследок:

— До встрэч, казак. Мы ещё пагаварим.

И машина рванула с места в горящий рассвет.

«Да, дела-а… — выдохнул парень, — поскорей бы домой добраться. А казаки, возможно, в чём-то и правы… А насчет любителей выпить... так кто сейчас не любитель? Видно, не скоро жизнь устаканится?..»

Назар свернул к мемориалу «Память». Аллея из стройных сосен и шарообразных клёнов вела к Вечному огню и стеле Павшим Героям прошлых войн. Как жаль, что есть уже памятники и нынешним. И как же не хочется, чтобы пронзали небо обелиски и будущих…

Возле Братской могилы, у плит, стояли два работающих спортивных мотоцикла. На них восседали юноши и девушки, одетые в кожаные куртки и брюки. Пили из бутылок пиво. Назар узнал их — это были Игорёк и Бодало со своими разбитными девчонками. Его тоже узнали.

— Ты посмотри, Бодало, кто к нам пожаловал на огонёк! Сам — Назар-Хазар! — изображая радость, пропел Игорёк, и прогазовал несколько раз, сидя в седле чёрного норовистого железного коня. Он был без шлема, длинные светлые волосы свисали до плеч. На худом и бледном лице кустилась

редкая ячменная бородка. Сзади пристроилась подружка Натаха, прижимаясь к нему всем телом.

— Как жизнь, пионеры? — спросил Назар, хлопая ладонью о ладонь Игорька.

— Да вот от армии я откосил, теперь как бы учусь в институте.

— Гля-гля! — покатывался со смеху Бодало. Он корчился у своего мотоцикла, одной рукой показывая на гостя, а другой обнимая Лизку, курящую в глубокий затяг. На его квадратной голове трясся шлем, сделанный в виде немецкой каски. — Ты из какого чистилища вылез? В натуре, Хазар, у меня чё, глюки начались? Ха-ха-ха!

— Да там крест подожгли… точно знаю — курносые.

— Понаехали тут!.. да ещё и борзеют. Сколько их там? Погнали начистим им фейсы! — «завёлся» Бодало, доставая из ранца биту.

— Они уже укатили.

— На, хлебни пива, дружбан, — Игорёк протянул бутылку.

— Спасибо, не хочу.

— А может, курнёшь?

— Мне не в кайф. Я — свои, — Назар достал сигарету, порылся в карманах, ища зажигалку. — Наверное, вытряс. Дайте прикурить.

Игорёк достал свой «розжиг». Чиркнул раз, другой — не получилось. Тогда он с силой ударил зажигалкой о мемориальную плиту.

— Сейчас! — рокер выхватил у Назара сигарету, и с криком: «Натаха, держись!», газанул по ступеням к Вечному огню.

Затормозив на возвышенности, он прикурил от голубого пламени и с горящей сигаретой в зубах лихо съехал вниз.

— Во, как надо уметь! — ликовал Игорёк, — учись, Бодало!

— Да начхать, на трассе я надеру тебе задницу.

Заныла Натаха:

— Игорёк, я уже замёрзла. Выпросил бы лучше у своих «динозавров» машину.

Скромно молчавшая до сих пор Лизка, проронила:

— И вааще! Валим отсюда: вокруг лежат мертвецы…

Назар обвёл взглядом Братскую могилу и уточнил:

— Мой дед говорит, что здесь спят бойцы.

(Продолжение следует)

Юлия Жура́влева

МОЙ ЕГИПЕТ

(Из впечатлений о поездке в Египет.
Окончание. Начало — №1-2016 г)

27 августа 2012, 13:22

***

Торговцы хорошо понимают, если обеими руками рисовать вокруг себя большой шар и с вытаращенными глазами кричать: мани — зерро! Вообще зерро! Вообще никаких денег у меня нет!

Главное — делать это искренне. Фальшь чувствуют сразу и не любят.

28 августа 2012, 17:24

В сувенирном магазине Халида — косыночка на шею, серенькая с пятнышками. Немножко похожа на половую тряпочку — но очень стильная. Семь долларов. Я так долго приходила на неё посмотреть, что Халид привык делать широкий приглашающий жест и показывать пальцами разные комбинации: то три, то пять.

А сегодня посмотрела вокруг косыночки и увидела, что у него на швабре висят сарафанчики, и два из них — на меня. Один чёрный, в мелкий цветочек, второй жёлтый, пляжный.

Халид сказал: «тэн долларс», потом сразу — «файв долларс». Никогда не пойму, почему вещь, которая объективно стоит десять, нужно отдавать за пять, если этим живешь и ты, и жена Далила, и тонконогие глазастые сыновья.

Я протянула ему двадцать долларов. Красивые, неперегнутые.

Обрадовался. Повязал мне на голову косыночку, как Марфутке, и подарил магнитик с фараоном, который скрещёнными руками держит крюк и палку с длинной кистью. Так и шла — в косыночке, с пакетом и магнитиком на

Журавлева Юлия Ивановна, член Союза писателей России (2014), прозаик, родилась 5 апреля 1958 года в городе Майкопе республика Адыгея в семье педагогов. Закончила филологический факультет Адыгейского государственного педагогического института. После окончания института с 1979 по 1983 гг. работала внештатным сотрудником газеты «Адыгейская правда» С 1984 года работает в ОАО «Туапсинский морской торговый порт» делопроизводителем канцелярии.

В 2013 году издала две книги прозы: «Покажи, как летит орел» и «Цветущее дерево Шамиля».

Живёт и работает в городе Туапсе Краснодарского края.

ладони, мимо других торговцев, которые зыркали чёрными глазами и шумно обижались, что так много купила у одного и ничего — у других.

1 сентября 2012, 05:21

Главное в Египте — держаться так, чтобы никто не сумел с тобой подружиться и начать рассказывать, как мама болела раком; как первый муж был пьяница; как дочки перебрались в Москву. Отцепиться потом чрезвычайно сложно.

Русская туристка с фамилией Страшевская рассказала, что фамилия её первого мужа была Буханов, и он бухал по-чёрному. Потом она вышла за доброго и непьющего Страшевского, а все стали спрашивать: как ты живёшь с такой фамилией?

Некорректные вопросы поселили в ней комплекс: знакомясь с человеком, она зачем-то называет фамилию по второму мужу и объясняет, что он хороший человек и фамилия Страшевская никак не повлияла на её психику.

Объективно дама и вправду страшноватая, сказала собаке «а ну пошла!» и в истории её замужества жалко Страшевского, которого она не взяла отдыхать в Египет.

2 сентября 2012. 08:42

Интересная штука: на две недели отлучаешься отдыхать на чужой курорт — и открываешь в себе способность чувствовать всё, что чувствовали эмигранты первой волны. И второй волны. И всех следующих волн. Всё, о ком Малинин поет:

Ах, какие белые на синем
Пароходы уходили вдаль.
Увозили на бортах Россию,
Ах, поручик, вам их было жаль.

3 сентября 2012, 11:14

Приехали в гости к своим мужьям две русские жены: беременная Галя, которая сейчас сохраняется в египетском госпитале, и Ника. Мы скинулись по семьдесят баксов и поехали на экскурсию в Каир (1 день) — Пирамиды, Сфинкс, Египетский национальный музей, Мечеть Мохаммеда Али, Восточный базар. Русскоговорящий гид.

Мужья спросили, как мы собираемся осматривать эти дивные места при температуре 48 градусов в тени и 62 градуса — на солнце, учитывать почти полное отсутствие тени фактически во всем Египте, но мы бодро ответили, что мы русские, выносливые, как кони и любопытные, как канарейки, поэтому сели и поехали.

Теперь каждая из нас и ещё три семьи из России может сказать: я ездила в Каир. Это факт моей биографии, которым я могу хвастать: мы ездили в Каир.

Повез нас туда легконогий, как Гермес, 19-летний мальчик по имени Абу (Абуся) и пожилой гид Ибрагим, которого лет 25 или 30 назад на танке вывезли из Цхинвала и, видимо, довезли прямо до Египта.

Через 20 минут пути наш белый щеголеватый минивэн задымился, Абуся выбросился на открытое солнце и начал пинать его ногами. Следом степенно вышел гид, поднял крышку двигателя, начал махать над ней мокрым полотенчиком и переругиваться по сотовому с агентством.

Мы тоже вышли на открытое солнце, и беременной Гале стало плохо. После первой остановки минивэн шустро и без приключений проехал минут сорок, ворвался в выжженную солнцем деревню и остановился у пешеходного перехода, по которому собирались идти трое детей. Прямо перед нами затормозила голубая легковушка, мы стали за ней, дети начали переходить по зебре, и в это время кто-то нетерпеливый со страшной силой ударил нас с сзади, мы по инерции пролетели вперед и стукнули голубую машинку, которая вылетела на зебру. За детьми на длинном поводке бежала собачка. Какой-то нетерпеливый автомобилист, обогнув три наши раненые машины, выскочил на зебру, переехал собачку на поводке и полетел дальше.

Дети начали кричать, Галя начала умирать, из всех машин вышли люди посмотреть на собачку, которая оказалась живой, хотя и помятой. Гид Ибрагим дал детям полотенце, в которое завернули собачку, а дедушка из легковой машинки сбоку сказал, что отвезёт их к ветеринару. Начал выруливать справа и треснул наш минивэн по «морде».

Галя утвердилась в мысли, что жить дальше не за чем, и начала умирать с каким-то опасным ускорением. Мы нашли в аптечке кучу таблеток, среди которых оказался подходящий к случаю нитроглицерин, и дали ей пососать.

Детей и собачку в полотенчике увезли, а мы остались ждать египетских «ГАИшников», которые в итоге приехали через шесть часов и в течение ещё трех часов разбирались в обстоятельствах.

Открытое солнце в пустыне — вещь очень колоритная. От него трещит голова, и ты возносишься с неприятным ощущением, что вознесение — процедура очень болезненная, от неё тошнит и возносит тебя прямо в ад. В Египте начинаешь верить, что ад есть, и есть причины его бояться.

Всю минералку, которая была в минивэне, мы вылили Гале на голову в её самый первый, ещё безобидный приступ. Осталось пиво в банках и корвалол из аптечки, который мы накапали в пиво и по очереди отхлебнули из банки. Гадость невероятная! Но возноситься, по крайней мере, перестали, даже Галя перестала умирать, а начала раскачиваться и с монотонной певучестью твердить: а что нам делать? Что делать? А давайте позвóним Игорю. *Позвóним* Игорю.

Непонятно, почему Игорю, если её муж Паша, но мы позвонили Игорю, и он в таких отборных выражениях прокомментировал местные трассы, транспортные средства и дамскую любовь к путешествиям, что мы не дали Гале его послушать, а просто сказали ей, что он сочувствует.

Гид предложил продолжить путешествие. В этих местах сильно развита солидарность туристических агентств, и если с группой что-то случается на маршруте, её распределяют по другим группам и автобусам. Три русские семьи, приехавшие в Египет на восемь дней, так и поступили.

Мы спросили: а можно, мы вернемся домой?

Ибрагим сказал, что мы не стойкие, и начал заманивать нас дешёвыми сувенирами и прессованными финиками в Долине Гиза.

Потом согласился, что можно и вернуться, только чтобы мы дома не требовали назад свои 70 долларов, не возмущались и не жаловались мужьям, которые начнут угрожать прийти и сжечь туристическую лавочку.

Мы искренне сказали, что агентство ни в чём не виновато, сели во встречный автобус и вернулись домой.

А дома все три стали умирать — видимо, перегрелись, и к Гале вызвали очень обаятельного акушера по имени Хамаш, который на русском языке рассказал, что в случае затруднений умеет вынимать ребёнка из мамаши просто руками. Галю увезли в госпиталь, а мы с Никой и с ещё одной женой Леной и её дочкой Настей стали плести заговор против наших мужчин и искать способ попасть домой.

Ничего нового тут не изобретёшь: нужно купить авиабилеты до Ростова, а из Ростова разъехаться кто куда. Но поездка в Каир подействовала на нас таким образом, что нам нравится договариваться об этом тайно и, лёжа у моря, обсуждать, как выбраться из этой жары и жёлтого песка.

7 сентября 2012,15:14

Собаки изящные, а кошки сонные.

Если одна из кошек случайно не спит, то всё равно спит. Бывает, что спит беременная. Значит — было так, что проснулась, сама не поняла как вступила в связь с котом, который тоже нечаянно проснулся — и снова спит, вынашивая во сне потомство.

7 сентября 2012,19:27

Бедуин Исмаил весь в белом, долго и страстно он, с выкриками и воздеванием рук к небу, объяснял, что такое халяль, а что — не халяль. По-русски он знает четыре слова «честно клянусь» и «дай поцелую», поэтому свой весь текст произносил на арабском языке. А поскольку я знаю только арабские цифры, то во время его беседы успела уснуть, проснуться (на жаре где стоишь — там спишь), испугаться, что его зарезали, раз он так кричит, и двумя пальцами показать, что мне пора идти. Он понял это так, что я хочу съесть краба, и опять с выкриками и воздеванием рук дал понять мне, что краб — плохая штука, потому что быстро портится. Дал съесть кусок мяса, приготовленного по системе халяль, и кончил тем, что потребовал: дай поцелую!

Дала. Поцеловал.

А мясо несолёное.

9 сентября 2012, 10:34

Погонщики кричат и кажется, что убивают друг друга, хотя они просто разговаривают. Это сильно напоминает Стамбульский Мысыр-часыр, где человек кричит и кажется, что его зарезали, а это он просто печёную кукурузу продаёт.

9 сентября 2012, 10:47

Все бедуины знают и отчётливо произносят русские слова «честно клянусь» и «дай поцелую».

Глеб отвечает: ты или клянись, или говори правду — одно из двух. Потому что когда одновременно клянутся, врут, думают, что они самые хитровыдуманные, и изобретают, как тебя обмануть на сто рублей, то сильно рискуют нарваться и получить по шее.

11 сентября 2012, 23:34

Володе, который пригласил меня приехать в Египет, задали неприятный вопрос: ты где её взял? Она приехала — и все захотели домой в Россию.

Я спросила: вообще нельзя о России разговаривать?

Он ответил: разговаривай. Только не о серебристых тополях и не о том, как пахнут кусты помидоров, когда их поливают из шланга.

А у нас на Кубани растут высокие раскидистые тополя, от которых всё такое живое и серебряное, что плакать хочется.

***

Шла по берегу и увидела около воды нежное длинноволосое существо, абсолютно похожее на девушку, но с первичными половыми признаками мужчины.

Сказала ему: идите в тень.

Он вышел из воды и послушно отправился искать тень там, где никакой тени нет, но её можно сделать, если принести зонт.

Спросила у ребят: он русский?

Ребята ответили, что не вычислили его национальности, но под действием пива понимает на любом языке.

Пиво оказывает, вероятно, мощное защитное действие на весь его организм, потому что он весь день простоял на солнце и не обгорел.

Я спросила: может, он Будда?

Ребята ответили: может быть. Если тибетский монах вычислил, что Стивен Сигал — результат реинкарнации какого-то особо почитаемого святого, то почему наш длинноволосый курортник с неопалимой кожей цвета лотоса не может быть тоже чьей-то реинкарнацией.

На всякий случай помолилась в его сторону.

13 сентября 2012, 09:31

Несгораемый курортник открыл для себя присутствие мужчин и пришёл приставать к мужчинам.

Мужчины стали стесняться.

Жестами объяснять: мы не такие.

Довольно скоро поняли, что его интересуют не мужчины, а расценки на дайверские услуги, и стали доискиваться до его национальности. Оказалось — венгр. Имя Иштван, а фамилия вроде бы Тёккёли, но не точно. Когда он сказал — мангвар, сами собой стали насвистываться мелодии Кальмана.

Помимо венгерского немного говорит по-французски.

Вручили ему прайс-лист с французским ценником. Получив в руки ценник, парень охладел к морской экзотике и ушёл ходить по воде. По щиколотку и у самого берега — так каждый может.

18 сентября 2012, 16:14

Несгораемый венгр обгорел и несколько дней сидел под пальмовым навесом, потом уехал, а вчера неожиданно вернулся и ходит пунцовый, густо покрытый кремом. Вышел из отеля и тихо побрёл по пляжу, вспоминая, где он находится. Как выглядят верблюды, он, видимо, тоже забыл, потому что упёрся в лежащего верблюда и вместо того, чтобы его обойти, начал через него перелезать.

Верблюд неторопливо встал на ноги и величаво его побил. Прибежал погонщик, вступился за венгра и жестами показал, что безопаснее ходить по воде. Венгр потрогал воду ногой, перешёл на песок, споткнулся о парус сёрфа, потом о доску, потом о другую доску и, наконец, упал.

Упорство, с которым он спотыкался обо все яркие предметы, которые можно обойти, в конце концов показалось скучным.

Зря я молилась в его сторону. Неудобно перед Господом.

18 сентября 2012, 23:12

Песок — везде, особенно много его в еде, в одежде и в постели. По нему приятно ходить, на нём приятно сидеть, — и совсем другое дело — ходить по мокрому песку в шлёпанцах: захлёпываешься не просто до шеи, а до самой макушки и только дома, переодеваясь, узнаёшь, как выглядит со спины твой сарафан и твоя, кстати, шея ходьбы в шлёпанцах по песку.

Потом я глазела на прилавок с сувенирами, и араб подарил тебе ониксового слоника, чтобы я и дальше приходила смотреть на его прилавок с сувенирами.

Отряхивать песок с мокрых полотенец не имеет смысла: он не отряхивается.

21 сентября 2012, 02:19

Немецкие туристки дочерна загорают и становятся костлявыми. Широко, белозубо улыбаются и выразительно высказывают свою немецкую симпатию, на которую я вежливо отвечаю: Entschuldigen sie bitte. По странной (видимо, женской логике) сказать ни к чему не подходящее «извините, пожалуйста» кажется более подходящим к случаю, чем «vielen dank» или «guten morgen».

Оказавшись среди немецких туристов, я вспомнила, чему меня научили по-немецки в школе и в институте, и выяснила, что умею по-немецки здороваться, прощаться и сообщать интимную информацию, которая едва ли может быть интересна постороннему: ich gehe nach Hause (я иду домой) и ich bin 11 Jahre alt (мне 11 лет), что в условиях Египта абсолютная ерунда.

С немкой Эльзой я вспомнила фразу «in Berlin, eine sehr langen und sauberen Straßen». Эльза согласилась, что улицы Берлина действительно длинные и чистые, но она сама приехала из Бонна, а в Бонне берлинцев презирают. Она очень эмоционально показала мне, как презирают берлинцев, хотя я не поняла, за что. У нас получился длинный содержательный разговор, после которого она подумала, что со мной и впредь можно разговаривать длинно и насыщенно.

Мне теперь перед нею стыдно.

Ещё проблемнее здороваться: нужно вычислить в уме время суток, приспособить к нему готовую фразу и уже после этого произносить либо «морген», либо «таг», либо «абенд», либо «найт».

Когда понадобилось уточнить при немке: три шарика мороженого, то я при ней сосчитала по пальцам айн, цвай, и потом окончательно сказала: драй кугель!

Хорошо бы вообще не попадаться ей на глаза. Но разминуться получается только когда она с группой уезжает на экскурсии.

Зря Чехов думал, что женщина легко усваивает языки, потому что в голове у неё много пустого места. Смотря какая женщина. Некоторые так и живут с пустым местом в голове, где могли поместиться языки.

22 сентября 2012, 07:24

Паша, деловито:

— А Стас ушёл домой или утонул? Шлёпанцы стоят. Значит, утонул.

23 сентября 2012, 20:14

В комнате пахнет чесноком и малосольными огурцами. В углу стоит табуретка, на ней большая кастрюля, а в кастрюле солятся огурцы. Чтобы рассол не плесневел, сверху лежит марлечка, которую время от времени полощут в морской воде. Кому надо — лезет в кастрюлю пальцами, берет сколько надо огурцов и обязательно вишневый лист или веточку укропа, которые кладет в рот и пережёвывает. «Веники» для рассола возят из России.

А вот если угостить малосольным огурцом араба, он будет долго белозубо благодарить, держать огурец в двух пальцах, и как только ему покажется, что на него не смотрят, быстрым и вороватым жестом выкинет огурец в песок.

Не понимают!

Сало тоже не понимают, поэтому салом арабов никто не угощает.

23 сентября 2012,22:23

Поесть можно примитивным способом: нагнуть пальмовую ветку, натрусить фиников, сдуть с них пыль и жевать вместе с песком и верблюжьей шерстью, стараясь не переломать зубы.

И это ерунда, когда говорят, что нельзя поднимать и есть с земли. Можно. Ничего от этого не бывает.

24 сентября 2012, 20:24

Египет. Корректирует характер. Хочешь откорректировать характер — езжай в Египет. Он тебя откорректирует на всю жизнь.

Мне так понравилось летнее платье фирмы Кап-Капино за 4800 баксов, что я просто умирала — хотела его купить, и думала, что это трагедия: не иметь возможности купить кап-капиновское платье с растаращенными девчонками. С дырками. С драными заплатками.

И нужно было уехать в Египет, чтобы вместо кап-капиновского платья захотеть увидеть зелёные деревья. Заскучать по привычной тени, по которой у себя дома мы ходим даром. Захотеть надеть свитер и все-таки мерзнуть, и чтобы чёрные смерчевые тучи висели над головой и роняли тяжёлый дождь. И чтобы море было вздыбленным, грязным и холодным.

Вспоминаются новогодние каникулы, когда было низкое, смерчевое небо и холодное море, и можно было замёрзнуть и прибежать домой греться.

26 сентября 2012, 23:14

Самое бессмысленное и завораживающее занятие — смотреть на верблюдов и на море. С ощущением, что я вечная. И вокруг всё вечное. И нет ощущения, что я здесь в последний раз. Вокруг всё ро́дненькое.

Когда всё и все становятся близкими, уже знаешь, что будешь по ним скучать, поэтому вернёшься. И поедешь на Нил и увидишь Нил, и солнце не будет выжигать глаза и мозги, а будет ослепительным, нежным и пронзительно-прохладным, как бывает солнце осенью, и Пирамиды ещё постоят и подождут.

28 сентября 2012, 15:32

Пьём пиво и слушаем «Прогулки по воде» — с причала рыбачил Апостол Андрей...

Иштван сидит с нами в позе лотоса и тоже слушает. Пиво не пьёт, но нос у него так блестит и лоснится, что отражает сёрферов.

28 сентября 2012, 19:14

Страна классная. Страна нормальная. Страна очень интересная.

Только при чём здесь русские?

***

Все-таки интересно, как я выбираться отсюда буду.

28 сентября 2012, 23:14

Позвонил мой знакомый Алексей.

— Привет! А ты чего делаешь?

— Лёш, я перезвоню, а то у тебя деньги быстро кончатся.

— Привет! А ты чего делаешь?

— Рассольник варю.

— О. Это хорошо. А мы как раз к тебе едем.

— Лёш, я вообще-то в Египте его варю.

— В чём?

— В Египте.

— А что это такое?

— Страна такая. На севере Африки и на Синайском полуострове.

— Да ты гонишь! Нету такой страны.

— Лёш, ну как это нет, если Ёгурт везде написано? Раз на майках написано — значит, есть.

— Если на майках написано — это не значит, что ты в Египте. Так ты где?

— В Дахабе.

— По путёвке?

— В гостях.

— А-а. Ну давай гостú.

Отключился. Или обиделся, или деньги кончились.

29 сентября 2012, 22:03

Новое выражение: «гайцáет».

— А где Саня гайцает?

— За рифом.

Дома говорят — гóцает.

***

Дайверы, уходя под воду с аквалангом и клиентом, объясняют: пошёл деньги вымораживать.

1 октября 2012, 16:14

Русские жены улетают в Россию, и я с ними. Прощай, Египет. Удачи тебе во всём.

Геннадий Сазонов

ЗЕЛЁНАЯ ДОЛИНА

Там, в зелёной долине,
Вновь зацвёл зверобой…
Ожил в сердце и ныне
Её дым голубой. –
По долине зелёной,
Где гулял ночью дождь,
Ты с душою влюблённой,
Вдоль ромашек идёшь.
И, теплом их согрета –
Наклонись и сорви! –
Вся ты полнишься светом
И томленьем любви.
И желанием тайным
Нежность дышит в груди…
Все преграды истают
На зелёном пути!
Годы мчатся лавиной –
Медлить им невтерпёж,
Но зелёной долиной
Ты, как прежде, идёшь…
Возникаешь, как фея, –
Вижу дивную стать.
И встречаю, робея…
И волнуюсь опять.

Геннадий Сазонов, член Союза писателей России, поэт, журналист. Автор ряда поэтических сборников. Постоянный автор журнала «ДОН_новый».

Живёт и работает в Вологде.

Ольга Лозбенева

«ЗОРЬКА МОЯ, ЯСНАЯ…»

Я люблю тебя больше природы…
(Евгений Евтушенко)

Тамара Фёдоровна подошла к окну. За стеклом вихрями кружились крупные хлопья снега, плотным слоем покрывали улицу, опускаясь на уже наметённые сугробы.

— Да, погода. Как говорится, хороший хозяин собаку не выгонит во двор, — покачала она головой.

— Это точно, — охотно согласился супруг Павел Иванович. — Сейчас хорошо дома. В тепле. Телевизор смотреть. Томочка, зорька моя ясная, завари чайку! Так горяченького хочется! И мы с тобой нашу свадьбу «золотую» посмотрим, прошлое лето вспомним. Сын там, как её… флешку нам оставил.

Павел Иванович достал тонометр.

— Давление пока померю, — продолжил он. — В нашем возрасте за давлением надо следить…

Он надел манжетку. Нажал кнопку на приборе.

— Вроде, нормальное…

Тамара Фёдоровна поставила чайник, накрыла салфеткой журнальный столик. Чайник скоро засвистел, она заварила чай и наполнила чашки горячим душистым настоем, принесла клубничное варенье.

— Дай-ка теперь я себе померю, — она повернула тонометр. — Ого! Сто восемьдесят на сто десять. Я же чувствую: что-то не то.

— Ты таблеточку выпей, зорька моя ясная. Может, полегчает…

Тамара Фёдоровна вынула из пачки две таблетки, положила в рот, запила глотком чая.

— Вот и славно. Теперь будем свадьбу смотреть, — сказал супруг.

Лозбенева Ольга Владимировна, член Союза писателей России (2015 г.), прозаик, секретарь правления РРО СП России, родилась в 1973 г. В 1995 г. Окончила факультет русского языка и литературы Таганрогского государственного педагогического института, в 1997 г. окончила и Таганрогский радиотехнический университет, где получила специальность юриста.

Публиковалась в периодической печати: газетах и журналах, в сборниках произведений слушателей литературного семинара.В декабре 2009 г. вышел первый сборник рассказов автора «И смех, и слёзы».

Живёт и работает в Таганроге Ростовской области.

Он вставил флешку в разъём телевизора, и на экране появился украшенный шарами банкетный зал, сидящие за длинным столом люди и крепкий мужчина лет сорока пяти в форме офицера-подводника.

— Смотри, смотри, — оживился Павел Иванович. — Наш Димка тост говорить будет.

— Дорогие мама и папа, — обращался офицер к Тамаре Фёдоровне и Павлу Ивановичу, — уже пятьдесят лет вы вместе. Вы для меня являетесь примером бесконечной любви, преданности и уважения друг к другу…

— Хорошо сказал, — одобрительно кивнул Павел Иванович. — О-о, вот и я!

На экране появился Павел Иванович. Обвёл взглядом зал, повернулся к супруге, взял её за руки, и торжественно заговорил:

— Моя любимая, дорогая Томочка! Не могу я представить жизнь свою без тебя, потому что ты для меня самый любимый на свете человек! Я готов всегда носить тебя на руках. И, хотя я не большой знаток поэзии, всё равно я всегда с огромным чувством любви читаю тебе эти строки Евтушенко:

Я люблю тебя больше природы,
ибо ты, как природа сама.
Я люблю тебя больше свободы –
без тебя и свобода – тюрьма.

Павел Иванович смотрел запись и улыбался.

— А вот и ты с ответным словом, — сказал он

На экране Тамара Фёдоровна обращалась к супругу:

— Спасибо тебе, Паша, за то, что ты уже столько лет со мной. И каждый день твоего существования дарит мне радость. И тебе я тоже прочту свои любимые стихи, — Асадова:

Ну как на свете радость сбережёшь?
А ты послушай сердцем и услышишь:
– Пока ты дышишь – ты всего лишь дышишь,
А вот пока ты любишь – ты живёшь.

Павел Иванович неожиданно остановил просмотр.

— Томочка, а у нас молочко есть? — спросил он.

— Кажется, закончилось...

— Что-то так молочка захотелось…

— Хорошо. Я сейчас в магазин схожу, — ответила Тамара Фёдоровна.

— Если тебе не трудно, — согласился Павел Иванович. — Ты же знаешь, мне на ночь молоко надо…

Тамара Фёдоровна быстро оделась и вышла.

Прошло больше часа, а она не возвращалась.

«Можно бы уже и поужинать, а её всё нет, — посматривал на часы Павел Иванович. — Уже стемнело. Болтает с кем-то, что ли?»

И вдруг раздался звонок мобильного. Экран высветил слово: «Жена».

— Зорька моя, ты где? Кушать пора! У меня диета!

В ответ он услышал незнакомый голос:

— Тут женщина, хозяйка этого телефона, в больницу доставлена. В реанимации она…

В больничном коридоре Павла Ивановича встретил пожилой худощавый врач. Предложил пройти в кабинет.

— Инсульт. Состояние тяжёлое. Мы делаем всё возможное, но пока…

Врач замолчал.

— Как?! Инсульт?! Моя Томочка! Моя любимая Томочка!

Павел Иванович застыл в полной растерянности.

— Родственники есть?

— Сын, — не сразу ответил он. — Далеко.

— Пусть приезжает.

У Павла Ивановича затрясся подбородок, на глазах выступили слёзы.

— А к ней можно?

— Вообще-то, мы в реанимацию не пускаем. Но… — врач посмотрел на Павла Ивановича. — Пять минут — не больше.

Павел Иванович накинул на плечи белый халат и несмело открыл дверь палаты. На кровати под зелёной простынёй опутанная проводами и трубками, лежала его жена.

— Томочка! — кинулся он к ней. — Зорька моя ясная! — он положил свою широкую ладонь на её руку. — Только не умирай! Как же я без тебя буду?!

— Тише-тише. Вы в больнице. И она всё равно Вас не слышит, — сказал доктор и через минуту тронул его за плечо. — Пора…

Павел Иванович брёл домой, не замечая сугробов. Ветер обжигал щёки, швырял снег в лицо.

В смятении и беспокойстве тянулось время. В реанимацию больше не пускали. Сын прилетел с Дальнего Востока и каждый день ездил с отцом в больницу; там они получали от врача скупые вести, похожие друг на друга: «Состояние стабильное, но есть положительная динамика…»

— Да-да… Хорошо,.. — тупо кивал головой Павел Иванович и шёл к выходу.

Сын следовал за ним.

По дороге домой Павел Иванович ещё больше впадал в уныние. Оказалось, что в отсутствие супруги на него свалилась куча проблем и забот. «Что поесть, если от консервов и сухой корейской лапши уже воротит? Как убрать квартиру? Как заплатить коммуналку? Ведь в банке такие очереди!..»

А дома Павел Иванович чистил картошку, резал пальцы и что-нибудь разливал или рассыпал. Ругался. Искал тряпку и веник. Ругался. Убирал. И снова ругался. Винил всех и вся, но большего всего — сына.

Ежедневные посещения больной были похожи друг на друга, пока однажды врач не сообщил: «Пришла в себя. Перевели в стационар. Пойдёт на поправку».

— Скоро её выпишут, — радостно сказал Павел Иванович сыну. — Она опять рядом будет. Обед приготовит. Квартиру в порядок приведёт. Чаёк заварит, и будем нашу свадьбу досматривать.

Он вошёл в палату и долго смотрел на лежащую в углу худую, с жёлтым лицом супругу.

— Томочка! — вдруг кинулся к ней. — Моя Томочка! Любовь моя! Жизнь моя!

Он упал перед кроватью на колени и стал целовать женщине руки. Она

пошевелила губами. Безжизненные глаза её наполнились влагой. Павел Иванович догадался, что она хочет что-то сказать.

— Что, зорька моя ясная?

Тамара Фёдоровна молчала.

— Радость моя! «Я люблю тебя больше Шекспира, больше всей на земле красоты…» — стал он читать стихи Евтушенко.

— Вот это любовь! — восхищённо и завистливо прошептала за его спиной соседка Тамары Фёдоровны по палате..

Тамара Фёдоровна молчала.

— Парализована правая сторона, речь отнялась, — объяснил врач.

— И что теперь? — недоумённо посмотрел на него Павел Иванович. — Когда это пройдёт?

— Мы делаем всё, но в её возрасте…

Врач осёкся, заметив, как потускнели глаза Павла Ивановича, как тот сгорбился, словно на него взвалили непосильную ношу, слегка пожал плечами и отвёл в сторону взгляд:

— Может быть, со временем... когда-нибудь… Но пока… Ей нужен уход.

По утрам в больницу спешил Дмитрий. Кормил с ложечки мать, приподнимая её, подкладывал под спину подушку. После обеда в палате появлялся Павел Иванович. Садился возле постели Тамары Фёдоровны, гладил её руки: правую — неподвижную, и левую, пальцами которой Тамара Фёдоровна брала его запястье и подолгу держала не отпуская, будто боясь потерять что-то ценное. Павел Иванович смотрел супруге в глаза и грустно говорил:

— Что, Зорька моя ясная? Не лучше тебе? Сказать не можешь… А я тебе скажу: мне так тебя не хватает! Так не хватает!

Дома Павлом Ивановичем овладевало уныние. Он то молча сидел в кресле, будто что-то обдумывая, то что-то бурчал себе под нос.

— Холодильник пора размораживать, — заметил как-то Дмитрий.

— Не знаю как, — пожал плечами Павел Иванович. — Этим мать занималась.

— Вы так и не купили новый, — в голосе Дмитрия послышалась упрёк. — А ведь мы с женой деньги вам присылали, чтобы мама туда-сюда кастрюльки не таскала на старости лет.

— Ты уже совсем, как она! — вскипел Павел Иванович. — Как заладит! А самой же делать всё равно больше нечего! А на твои деньги я проигрыватель современный купил. Аллу Боянову слушаю, Вертинского. Между прочим, под них мать и холодильник размораживает. Я всегда с пользой деньги трачу. А вото она? Накупила себе тряпок тыщи на две, а мне сказала — пятьсот рублей. Чеки спрятала. Я уборку делал — нашёл…

— Поговорить надо, — прервал его Дмитрий. — Я завтра уезжаю.

— Вот-те на! — всплеснул руками Павел Иванович.

— В дальний поход идём. Я же на службе.

— А кто за матерью будет ухаживать?! Мне восьмой десяток! Ещё и желудок больной!

— Сиделку наймём.

— А кто платить будет? Материной пенсии на сиделку не хватит!

— У тебя же пенсия большая. И я буду помогать. По возможности. Ты же знаешь, у нас с женой кредиты. У сына ЕГЭ — на репетиторов надо.

— Может, сиделке всю жизнь платить придётся?! Не наплатишься! — Павел Иванович махнул рукой. — Надо что-то думать!

Утром Павел Иванович встал раньше обычного, долго шуршал какими-то бумагами, копался в телефонном справочнике, куда-то звонил.

— Я вот что решил, — сказал он сыну за завтраком, жуя надоевшую яичницу. — В интернат для инвалидов её надо оформить.

— Отец?! — Дмитрий выронил вилку. — Ты в своём уме?!

— А что ты хотел?! Уход круглосуточный нужен! И постоянный! Сиделка — дорого, да и одна не справится, а двух тем более не потянем… Сам я горшки таскать не буду, ты же — в море по полгода…

Дмитрий опустил глаза и долго молчал. Замолчал и Павел Иванович. И после паузы тихо добавил:

— Сейчас пойду документы собирать.

Несколько дней Павел Иванович ходил по инстанциям, убивал время в очередях, заполнял различные бумаги. Ближе к вечеру приходил в больницу. Запыхавшийся, взъерошенный. Садился возле супруги, целовал ей руки, глядя на неё, вздыхал:

— Уехал Димка. Один я теперь. Совсем замотался.

И уходил. А утром вновь спешил за справками.

Заканчивался февраль. Снег уже растаял, и Павел Иванович, жмурясь от яркого, почти весеннего солнца, старательно обходил ещё не высохшие на тротуаре лужи. Он шёл в больницу, как обычно, после обеда и нёс в портфеле полученное направление в интернат.

Он вошёл в палату. Тамара Фёдоровна лежала на высоко приподнятой подушке. Он, как обычно, сел рядом. Пожал тонкие пальцы её левой руки. Поднёс к губам. Прочитал строчку Евтушенко:

Я люблю тебя больше, чем славу…

Он стал гладить её правую руку. И внезапно ощутил, как та дёрнулась. Он взял её руку в свою и почувствовал, что в его ладонь вцепились пальцы. Холодные, слабые. Но он чётко осознал, что они не отпустят его руку.

Он посмотрел на супругу. Она повернула голову в его сторону. Её щёки слегка розовели. Взгляды их встретились. В её глазах заблестел огонёк. Губы шевелились.

— П-похуде-ел, — услышал он.

— Ты… ты как? — Павел Иванович не находил слов.

— Как же… я мо-могу боле..? Те-тебя остави..? — медленно, полностью не выговаривая слова, слабым голосом сказала она. — Как же ты без м-меня? Кто к-кормить будет? У тебя же диета!..

Павел Иванович плакал. Ему было очень жалко… Себя…

Крымская тетрадь

Елена Осминкина

В ЭТОМ МИРЕ ОТКРОВЕНИЙ

***

Захмелели октябрь и я –
от медовой янтарной кисти,
от ядрёного духа дня
с золотой монограммой листьев.
Породнились мы с ним уже,
примирившись – с потерей лета,
с неизбежностью неглиже
погрустневших, озябших веток…
Рассыпает октябрь деньки,
предложив договор поэту:
я о нём напишу стихи –
он расплатится бабьим летом.

***

Живёт поэзия, живёт –
Растит, питает корни тайна.
Всё неожиданно, случайно
В какой-то миг произойдёт:

Осминкина Елена Фёдоровна, член Союза писателей России, поэт, публицист, литературный критик. Родилась в Крыму. Окончила симферопольский государственный университет, филолог. Автор шести поэтических книг. Стихи и литературно-критические статьи широко представлены в республиканских, московских и минских изданиях.

Дипломант международных литературных конкурсов (имени Куприна, «Город у моря. Москва-Крым»). Лауреат Всероссийской литературной премии им.Н.Гумилева, лауреат Пушкинской премии (Крым). В журнале «ДОН_новый» печатается впервые.

Живёт и работает в Симферополе.

Нахлынут чувства и слова.
Откуда? – Это тоже тайна!
Быть может, из глубин призванья,
Истоков силы волшебства?

Колдует всё: заря и день,
Упавший лист, раскаты грома,
Тропинка мглистая у дома,
С дрожащей капелькой сирень…
И вдруг почувствуешь, что ты,
На миг владея тайной слова,
Со страстью нервного озноба
Слова роняешь – снова, снова –
На белый лист, как на холсты.

***

Все твои слова-жемчужины
нанизать на нити длинные
я хочу, любимый, суженый,
и под музыку старинную
вспоминать дождями знобкими,
как слова дарил, что бусины:
эти тихие и робкие…
эти яркие, искусные…
И когда охватит холодом
вечерами тёмно-вьюжными –
разделю с тобою поровну
жар и свет огня жемчужного.

***

В русских пейзажах таится
Прелесть прозрачной печали.
В ней над сиреневой далью
Вновь журавлей вереница.
Прячут туманы в сединах
Вечером тихим речушку,
И на холмистой горбушке
Тянется к небу осина.
Дремлют степные раздолья,
В поздних букетах – поляны,
Где лишь сорви – и увянет
Лютик, презревший неволю.
Словно размыты легонько
Краски живой акварели –

Голову, будто бы хмелем,
Кружат и сладко, и горько…

АВГУСТ

Жёлтый фонарь луны
На бездорожье ночи,
Меряют звёзды-точки
Чёрные вёрсты тьмы…
Рядом сидим с тобой
В тихом дворе домишки –
Кажется резким, лишним
Шорох и звук любой.
В вязкой, густой тиши
Август вдыхаем звёздный
И ощущаем вдосталь
Отклик живой души,
Сердца восставший ритм,
Трепет, восторги… – Близко
Падают с неба искры:
Звёздами ночь «сорит»…

ЖИЗНЬ

Удержать в ладонях жизнь –
Чтобы пить глотком неспешным,
Как коктейль холодно-снежный!..
Ощутить и глубь, и ширь
Звёздной млечности, снегов,
Обжигающих закатов,
Расставаний виноватость,
Долгожданность берегов.
Окунуться в лунность ночи,
Восхититься новым днём.
Лепестки считать вдвоём
У ромашковых пророчеств…
И карабкаться к вершинам…
Ждать от жизни поцелуй
И в дожде осенних струй
Повторять родное имя.
И в счастливые мгновенья
Остро чувствовать: Земля –
Вся до капельки моя
В этом мире откровений.

Николай Ильченко

КАРАПУШКИ

***

От стрессов забившись под крышу,
Махая пером, как мечом –
Поэты всё пишут и пишут…
И, чаще всего, ни о чём.

Я тоже, не зная покоя,
Пишу про поля, про леса…
А надо бы что-то такое,
Что Пушкин когда-то писал.

Но я к сожаленью не Пушкин,
Скорее, – работник «Балда»:
Крапаю свои карапушки! –
Ни пользы от них… ни вреда.

***

В плену предзимних опасений
Меня в лесную глушь влекло. –
Согрело солнце лес осенний,
Даря последнее тепло.

Какое умиротворенье!
Порывы воздуха свежи –
Лист, как строка стихотворенья,
Над головой моей кружит.

В лесу, в таинственном чертоге
Нет нудных будней шелухи…
А листья падают под ноги
И собираются в стихи.

Ильченко Николай Иванович, член Союза писателей России. поэт, родился в г. Россошь Воронежской области в 1949 г. Воспитанник детского дома г.Новочеркасска. Закончил ГПТУ по профессии токарь-универсал. Работал в Москве, Воркуте, Ашхабаде, Севастополе и других городах.

Живёт и работает в Севастополе.

…Ходите в лес поодиночке,
В осенний замок колдовства!
И будут падать строчка к строчке –
Пока не кончится листва.

Тоска предзимнего заката
Прощальным светом хороша, –
Я по стихам бреду куда-то,
Листву ногами вороша…

***

Если ты в суматохе дел,
Вдруг, глаза подымаешь ввысь, –
Это ангел твой прилетел,
Чтоб сказать тебе: «Помолись…»

Помолись, что сегодня сыт,
Что имеешь – дом и семью.
Помолись, что ты не убит,
Что войны нет в твоём краю.

Помолись, что не продал честь
За богатства, за ордена…
Помолись, что здоровье есть,
Чтобы выпить бокал вина!

Пусть не всё – так, как ты хотел,
Верить в доброе не ленись…
Вот и ангел твой прилетел –
Чтоб сказать тебе:
«Помолись».

ПОЭТИКА ПЬЕСЫ ИСЫ КАПАЕВА «МАСКАРАД ПО-НОГАЙСКИ»

Творческий актив современного классика ногайской литературы Исы Капаева, получившего известность в начале 70-х годов прошлого столетия более как талантливый прозаик, в значительной мере формирует и драматургия. Его пьесы: «Аквариум» (1983), «Ветеран» (1985) (по мотивам повести автора «Вечен мир в твоих глазах», «Как Мархаба правду нашла» (1987) (по мотивам ногайской сказки «Мархаба») — являются первыми произведениями автора в драматическом жанре. Достоянием литературной и театральной общественности они стали в 80-х годах XX века, будучи опубликованы и инсценированы в разных городах страны в рамках специального проекта Минкульта РСФСР по популяризации произведений национальной драмы народов России.
Позже, уже в начале нынешнего века, были опубликованы другие пьесы И. Капаева: «Маскарад по-ногайски» (2006), «Письмо Султану» (2010).

Ранняя драматургия Исы Капаева, как и его проза, развиваясь в русле многонациональной советской литературы, явилась откликом на актуальные проблемы времени 70-80-х. Именно тогда литинститутская среда, московские творческие площадки с их острыми дискуссиями сформировали ракурс творческого мировидения молодого писателя. Ощущение нравственного неблагополучия мира, нарастания тревожных явлений в обществе, драмы в сознании личности современника-сверстника — стали движущей силой дальнейшего творческого поиска Исы Капаева — прозаика и драматурга.

Герои русских драматургов А.Гельмана, И.Дворецкого, В.Розова, А.Арбузова, А.Володина, А.Вампилова, несомненно, сыграли тогда роль в формировании егомировидения[1]. Но когда пришло время разрабатывать концепцию героя в собственном драматургическом творчестве (на рубеже XX-XXI вв.), то основу самовыражения писателя Исы Капаева сформировала общетюркская художественная традиция, ногайский эпос и искусство йырау. Специфику поэтики определил богатый спектр сюжетных драматических элементов древней обрядовой поэзии, народные зрелищные состязания в красноречии (айтысы), а также синтезированные в эпическом и авторском искусстве ногайцев нравственные ценности[2]. Несомненно, значима роль и его личного, уже солидного к тому времени, творческого опыта прозаика.

Уникальность национальной культуры, сакральность и универсальная

значимость «малой родины» — средоточия правды о мире — это ключевые художественные константы творческого поиска писателя. В них отражается всё многообразие общемировых проблем биосферы и этносферы, коснувшихся природы, ментальности, языка, культуры, исторической памяти. Отсюда и сложность решаемых И. Капаевым задач: осмысление противоречивых современных реалий, разработка мировоззренческих коллизий, концепция нового героя, работа со сложным конфликтом, специфическим хронотопом . Такой уровень творческих задач, как правило, деформирует традиционные типы художественного мышления (эпическое, лирическое, драматическое), способствуя появлению пограничных жанровых форм, в частности, лироэпической, эпико-драматической и других.

Пьеса «Маскарад по-ногайски», написанная в начале 90-х годов, отдельной книгой увидела свет в Москве, в издательстве «Компания Спутник+» лишь в 2006 году. Авторское обозначение её жанра нейтрально: это двухактная пьеса, то есть, произведение драматического жанра, предназначенное для театральной постановки. Однако, пожалуй, наиболее точное определение жанра пьесы Исы Капаева — это эпическая драма. Традиционные параметры драмы — действие и диалог, дополнены в этом произведении третьим — эпичностью (повествованием, рассказом, разъяснением) в речи персонажей, в ремарках, что и позволяет определить жанр пьесы как эпизированную драму. Для Исы Капаева, прозаика по своему творческому призванию, эпическая драматургия органична. В её основе — выстроенная фабула, наличие всех элементов повествовательного сюжета (завязка, развитие действия, кульминация, развязка), сложный конфликт, многоплановость изображения, типичность разнохарактерных героев, психологическая достоверность действия. Эпичность сцен и образов сообщает художественным исканиям драматурга особый эпический размах и философскую глубину.

Сюжетную канву основного плана пьесы формируют реальные события конца 80-х годов XX века, происходившие в гибнущем от экологической катастрофы ногайском ауле Коксар. Построенный в непосредственной близи от населённого пункта газоконденсаторный завод, со временем превратился в источник экологического бедствия для населения Коксара, «где уже никому не хотелось жить», где «трава всюду пожухла, птицы почти не залетают», «не плодоносят деревья», где «дети спят в противогазах», «пища завёрнута в фольгу». А раньше здесь была «лучшая земля в округе, лучшая пшеница, разнотравье…» По решению руководства народ должен быть выселен из опасной зоны, однако, никого при этом не волнует опасность его распыления, утери идентичности, традиционных форм хозяйствования. Конфликт основного плана пьесы — это конфликт должного и сущего и строится он вокруг отношения героев-персонажей к коксарской драме, специфики их реакции на реально имеющиеся варианты выхода из ситуации.

Есть и параллельный план в «Маскараде по-ногайски»: процветающий и впоследствии пришедший в упадок средневековый город Коксар (букв. «Голубой дворец»), ставка бия Акбарса — место эпических событий. В прообразе Коксара, олицетворяющего в пьесе модель национального дома, угадывается воинственная Кок Орда (Синяя Орда), а также средневековый Сарайчик — столица Ногайской Орды, где на протяжении столетий протекала бурная жизнь, развивались культура, искусство, ремесла, а с утратой государственности, последовало время опустошения и разорения.

В современной многонациональной литературе модель этнической

ойкумены — Коксара — также не нова: Мещера («Мещерская сторона») К. Паустовского, Матёра («Прощание с Матёрой») В. Распутина, Ана-Бейит, Сары-Озек («И дольше века длится день») Ч. Айтматова, Дагестан («Мой Дагестан») Р. Гамзатова, Сынтаслы («Сказание о Сынтаслы») И. Капаева. Идентичны мировидение и судьбы людей, населяющих эти миры — носителей исторической памяти, сходны и творческие задачи, которые решают авторы этих произведений.

Параллели заложены и в идейном ядре «Маскарада по-ногайски»: экологический дисбаланс в природе (отравленный Коксар) и экология человеческой души, этнического сознания (народ между двух зол: угроза отравления или потери идентичности вследствие переселения и распыления этноса). Ситуация, как лакмусовая бумага, выявляет масштабы бедствия, постигшего Коксар, степень запущенности жизненно важных, десятилетиями не решавшихся проблем, обнажает нравственную сущность коксарцев, воплощенную драматургом в мастерски воссозданной им галерее типов — персонажей.

Действие в обоих планах пьесы происходит попеременно то в замкнутом, то в разомкнутом пространстве (комната в доме Мариям, улица, контора, дворец бия Акбарса). Действующих лиц всего пятнадцать, их перечень приведен автором в начале пьесы. Главные герои первого плана: «хозяин жизни» — директор совхоза Асан Мурзаевич, его племянница — секретарь в конторе, шантажистка Анжела, председатель рабочкома — лицемер Мурат — имеют свои прототипы в параллельном плане, соответственно, в ставших нарицательными образах эпических героев: недоумка-братоубийцы Калю (эпос «Мамай»[3]), ханской дочери Джанике, предавшей отца, а также коварного интригана и предателя Джамбая (эпос «Эдиге»[4]). Здесь же другие герои — Ибрагим и Самат — «местная агентура», опора Асана Мурзаевича. Противостоит этой группе героев Алибек — отчаявшийся защитник справедливости, при поддержке матери Мариям и жены Зейнаб. Генетические истоки характеров персонажей, сведения, расширяющие историко-культурные знания читателя о прошлом народа, позволяют драматургу обнажить сущностную взаимосвязь вневременных явлений.

Параллели (идейные и структурные), чередующиеся временные планы, типы и прототипы подтверждают концептуальный тезис драмы: история повторяется, достоинство и порок — две полярные категории в человеке, и время, меняя формы их конкретного проявления, не меняет их сути. Конфликт осложнён: драматург выстраивает в двух планах пьесы целую систему разноуровневых столкновений представителей социальных групп, зачастую непримиримых позиций, межличностных споров, перерастающих по мере развития событий, в столкновение идей, мировоззрений.

В типологии (моделях) героев обоих планов пьесы И. Капаевым реализована художественная концепция человека, прослежена специфика ментальности типов-персонажей, личные качества, обнаруживаемые ими в острой драматической ситуации (драма древнего и современного Коксара).

Директор совхоза, «хозяин жизни» Асан Мурзаевич и его нравственный антипод — спившийся рабочий того самого злополучного завода Алибек, — сыновья одной матери (Мариям). Мировоззренческий ракурс каждого из братьев определяет полярно противоположная система ценностей: приоритет успешной карьеры, комфортной, безбедной личной жизни для Асана Мурзаевича, приоритет благополучия Коксара (символический образ малой родины) и земляков-аульчан, личная ответственность за всё происходящее

— для отчаявшегося Алибека. Этих двух антиподов формально объединяет одна мать — Мариям, которая в своем отчаянии прибегла к притворству — решила слечь, в надежде, что её, «обездвиженную недугом», не подвергнет насильственному выселению из аула её сын-директор, а значит, и другие аульчане не будут обречены на скитания. Будучи «прикованной» к постели, она переживает за спившегося второго сына. Её душевная опора — Зейнаб — невестка, жена Алибека, — воплощение традиционной женской покорности, смирения, жертвенности — в экстремальных условиях отравленного Коксара продолжает исполнять свой долг, предписанный законом Всевышнего и обычаем — ухаживает за свекровью, в меру сил пытаясь вразумить непутевую дочь Анжелу и мужа, заботится о внуке.

Энергичный и деятельный Асан Мурзаевич в ситуации с Коксаром озабочен одним — как можно скорее и без лишних проблем исполнить директиву «сверху» — выселить людей из аула, сохранив благосклонность, доверие начальства к себе. Лицемерие и ложь, которыми опутан герой, страх потери «нагретого» кресла — двигатели его поступков. «Вся моя жизнь держится на моей должности. А лишись я должности, то кто я такой? Почему я не должен пользоваться теми радостями, которые даются благодаря ей? Почему должны страдать мои близкие? Моим детям надо учиться, им надо обуваться, одеваться[5]…»

Будучи прикормленным своим начальством за преданность и услужливость, такой же преданности и услужливости ждёт Асан Мурзаевич от своих подчиненных — соплеменников, среди которых и родственники, — и, разумеется, за щедрое вознаграждение. Такому давлению подвергались: его брат — борец-обличитель Алибек, а также втянутые в коррупцию «хозяином» земляки Ибрагим и Самат («местная агентура»). Холодный цинизм, безошибочный расчёт, виртуозная игра на чувствах, слабостях людей, неприкрытый шантаж с помощью предусмотрительно собранного компромата — это те самые методы директора, которые обезоруживают, ломают волю, запугивая и загоняя людей в психологическую кабалу «хозяина». Тип «хозяина жизни» — не новый герой в пьесе Исы Капаева, он достаточно многолик и в разных ипостасях «населяет» и его прозу: таковыми были: делец и мошенник Дуче, чиновник — начальник управления Магомед Султанович («Отражение»), «свинарь» Аскер («Гармонистка»). Их методы подчинения своей воле людей, воспитание необходимых для карьерного роста качеств, умение создавать нужные ситуации на пути к корыстным целям преподаются как уроки жизни, передаются по наследству молодому поколению «умеющих жить». Тип самовлюбленных эгоистов, озабоченных обеспечением комфортной личной жизни (Мурат, Анжела) также воплощался автором в разной степени в персонажах его прозы: Рауфа Карамова, его брата Самета, Нурадина, Альтая («Отражение»), Аратая («Вокзал»).

Поскольку драма — это действие, происходящее здесь и сейчас, то для введения второго плана, с его событиями далекого прошлого, драматург использует приём ретроспекции: история древнего Коксара изложена в виде статьи, напечатанной в альманахе «Родная земля». В первом акте для Ибрагима и Мариям её читает вслух Самат. Такой композиционный приём («текст в тексте») не вызывает чрезмерной эпизации пьесы, в первую очередь, за счёт чередующихся планов: чтение статьи Саматом периодически прерывается инсценировкой событий из истории древнего Коксара. Тем самым соблюдается и закон жанра: действие в драме совершается в настоящем времени

(здесь и сейчас Самат читает статью), а ретроспектива, насыщающая пьесу необходимыми действием и диалогом, — всего лишь иллюстрация к журнальной истории. Два плана пьесы связывают сцены с читающим Саматом и слушающими его Ибрагимом и Мариям.

Подобная монтажная композиция, успешно применявшаяся И. Капаевым-прозаиком в романах «Вокзал», «Отражение», представляет собой, таким образом, продуманное чередование сцен из настоящего и ретроспективного прошлого, способствующее углублению философского содержания произведения.

В пьесе отсутствуют автор-рассказчик, объёмные повествовательные ремарки, и потому особую функциональную нагрузку несут речи персонажей драмы, а они, в свою очередь, — содержательны, художественная мысль в пьесе чрезвычайно сконцентрированна. Такое качество диалогов обеспечивается за счет почвы — традиции древнего айтыс, когда ёмкость, содержательность, образность слога определяли степень убедительности акына в публичном состязании, а такие состязания были предтечей драматического, театрального искусства в современном понимании. Если рассматривать драму Капаева как сценическое произведение, а не только литературное для чтения, то следует ожидать эффективного эстетического воздействия на зрителя таких ярких, красноречивых героев (подобно участникам айтысов). Они же — узнаваемые, с неоднозначным набором черт характеров, живые герои с противоречивой сущностью, с меняющейся, в зависимости от обстоятельств, мировоззренческой позицией. То есть концепция человека в «Маскараде по-ногайски» у Капаева — это симбиоз достоинства и порока, в разной степени концентрирующихся в сущности различных типов. Каждому из героев драматург даёт возможность обнаружить свою неоднозначную суть, оправдаться, объяснить позицию в важных вопросах. Как результат — реальный характер из жизни, далеко не чёрно-белой.

Даже столь одиозный тип героя, как Асан Мурзаевич, в одном из своих монологов, которые произносит перед Муратом, приводит веские доводы, которыми он лично руководствовался, когда давал добро на строительство завода в Коксаре: «Некоторые области выпрашивают такого рода объекты… так как это и решение социальных проблем: дороги, мосты, водопровод, газификация аула! Кто знал, что такая беда случится? Радость затмила глаза…» Движущей силой здесь были, конечно, не только благие намерения директора (они больше заглушали совесть), — это был страх потерять доверие начальства, должность. Позже, когда стала усиливаться экологическая катастрофа в Коксаре, и понадобилось новое место для переселения аула, ведь не сидел же Асан Мурзаевич, сложа руки: «Я поехал в покинутые аулы в горах,.. встречался с депутатами,.. поехал в Каракалпакию, на Север (Салехард, Норильск, Уренгой), был в областях Нечерноземья». Но, «в какую республику ни поезжай, — одни и те же беды: перенаселение, отсутствие пастбищ, нарушение экологии…» В этом же ряду — проблемы Арала, страх местных властей скученного расселения ногайцев на Севере, в Нечерноземье, ввиду угрозы ассимиляции ими с местным населением. Глобальный характер проблемы народа, отсутствие «в такой огромной стране места для коксарцев» Асан Мурзаевич не без горечи и упрека объясняет тем, что «не как все жили, постоянно жаловались друг на друга, кляузы писали,.. на уме у всех раздоры. Когда народ ищет единения, то он и руководство свое уважает, а меня больше всех готовы сожрать…» Однако, лишь в сердцах он

раскрывает свою позицию в отношении коксарской драмы: именем государственных нужд («Стране нужен дешёвый бензин! И все!») оправдывает приоритет техногенной эволюции, пусть даже подрывающей биоресурсы, обескровливающей степь, разоряющей его национальный дом. Ради этого даже воинскую часть призовёт, чтобы усмирить «опасную массу» коксарцев, не желающую распыляться, «чтобы отвлечь их от идеи объединения» и пойти на «массовые беспорядки». Отвлечь массы от настоящей беды может только грамотно выдуманная более опасная угроза. Такими технологиями «хозяин» владеет искусно.

Тип героя — представителя молодого поколения, испытывающего порочное давление, «вынужденного за маской прятать лицо от народа», действующего исключительно с позиции обывательского расчёта, — это председатель рабочкома совхоза Мурат и секретарь Анжела. Они при этом, правда, пытаются оппонировать своему директору в связи с выселением людей из отравленного Коксара, необходимостью их справедливого расселения, противятся попыткам шефа использовать их для осуществления своих нечистоплотных замыслов («Народ не может находиться в таком состоянии», «Народу нужен свежий воздух!», «Куда переедет Коксар?» «Сохранится ли совхоз?», «Как решается вопрос жилья?», «Зачем прикрываться красивыми словами?»). Однако, оба: и Мурат, и Анжела, не в состоянии по-настоящему подняться над обстоятельствами, пресечь панические настроения в питающемся слухами Коксаре, напротив, вводят в заблуждение земляков, не знающих, то ли продавать имущество и скот, то ли подождать. Собирательный образ населения Коксара в пьесе представляют Первый и Второй Посетители конторы, конторская уборщица Вайдат, мальчик-школьник (сын Мурата), переживающий за здоровье своей юной беременной подруги и будущего ребёнка. Мурат и Анжела, понимая всю серьёзность ситуации, эгоистично решают сосредоточиться на решении собственных проблем. Вместе с «хозяином» они несут тяжесть груза исторического наследственного зла, живущего уже в коллективной бессознательности народа: спастись можно, думая только о себе, индивидуально. Так и поступил парторг совхоза, оставив всё и тайно переселившись с семьёй в город. Вот и Мурат с Анжелой не готовы поступиться своими корыстными интересами: оба хотят, в обход волокитных бюрократических процедур, получить квартиры в городе и покинуть Коксар. И совершенно органичен, к примеру, для Анжелы — хорошей ученицы своего дяди — переход на ответный шантаж в споре с ним: «Я точно знаю, когда делали отвод земли под строительство завода, вы получили большие деньги. …мужчина из Москвы… заикнулся при мне о счёте в швейцарском банке. … я молчать не буду. … Мне нужна квартира». Совершенно органичен и Мурат, живущий двойной жизнью, изменяя с Анжелой жене, не зная ничего о жизни детей (не узнаёт собственного сына в маске). По наущению «хозяина» Асана Мурзаевича, Мурат соглашается подложить в дом Алибека боевую гранату — как свидетельство реальности пьяных угроз последнего «взорвать весь мир». К тому же, такая улика решала несколько проблем: избавляла руководство от обличителя-правдоискателя, ограждала общество от «опасного террориста», семью — от пьяницы-дебошира, а Мурату обеспечивала две квартиры в городе. «Тюрьма — лучше смерти… Зато пить перестанет, ума наберется! А то всех достал!» — оправдывал Асан Мурзаевич благими намерениями необходимость такого подлога. При этом подбадривал задумавшегося было Мурата: «Ты не бойся! Ты — на коне! Ты — всадник! Место под солнцем

нелегко завоёвывать!» «Это неплохо (две квартиры. — Н.С.). Что еще надо сделать?» — такова реакция Мурата, представителя «достойной молодежи», которая «не мямлит», «не задаёт дурацких вопросов».

Поэтическое (художественное) мастерство Капаева-драматурга проявляется, таким образом, в его способности создавать живые характеры реального мира. Несмотря на эпическую развернутость и кажущуюся излишнюю публицистичность иных монологов, нельзя видеть в его героях только рупоры каких-то идей. Вот, к примеру, уже пожившие Ибрагим и Самат — эти двое неразлучных (по необходимости: один приставлен следить за другим) коксарцев. Крепко запутавшиеся в свое время в трагических хитросплетениях действительности, под давлением холодных, рассудочных доводов, уговоров, запугиваний и заманчивых предложений Асана Мурзаевича, они стали настоящими лицемерами, однако, все же — это жертвы произвола, порочной силы, потому и вызывают больше сочувствия зрителя, чем осуждения. Тип такого героя — жертвы дьявола-искусителя — уже опробован Исой Капаевым в образе Пошта-Солтана («Повязка на пальце»), Каражана («Бердази»), Кобека Карамова («Отражение»).

Самат — возмутитель спокойствия в Коксаре, собрал в своё время подписи земляков против уже принятого на самом верху решения о строительстве близ аула газоконденсаторного завода. Назревал скандал. Пыл гневного правдоискателя остудил тогда Асан Мурзаевич, предложив в обмен на собранные подписи избавить сына Самата от проблем с законом. Отцовские чувства взяли тогда верх, и не помышлял с тех пор, оказавшийся «на крючке», обличитель зла перечить воле «хозяина». «Лучше бы я этого не делал. Лучше бы я не просил (тогда за сына. — Н.С.)» — беспомощно сокрушается теперь Самат — защитник уже гибнущего Коксара — перед Асаном Мурзаевичем, взявшимся шантажировать его прошлым. «Совестно в глаза аульчанам глядеть…» — это позднее раскаяние Самата, натягивающего при этих словах на лицо маску.

Не в лучшем свете предстает и Ибрагим Шамакаев, фамилию которого «хозяин» намеренно уничижительно искажает «Шагакаев» (от: «доносчик», «стукач»). Ибрагима, посмевшего было произнести «Так жить нельзя» (указывая при этом на маску на лице), Асан Мурзаевич резко осаждает сеансом «освежения памяти». Не кто иной, как «хозяин», в свое время облагодетельствовал Ибрагима — трижды уголовника, несуществующей в штатном расписании совхоза должностью, наделял незаслуженными материальными благами, дав вырастить и выучить детей, не говоря о наградах за многочисленные доносы на аульчан («За каждым письмом судьба аульчанина!» «Каждое письмо обмывали в этом кабинете. За каждый донос ты был награжден!»). И пусть они были написаны под диктовку Асана Мурзаевича, но разве это где-то зафиксировано? Понятно, что с такого «крючка» Ибрагиму уже и не соскочить. Потому и несёт он привычно всю жизнь свой крест «стукача», теперь уже присматривая по заданию «хозяина» за неблагонадежным Саматом, «увлекшимся историей». Впрочем, чтобы Ибрагиму не так было противно от своего, столь нечистоплотного, занятия, Асан Мурзаевич напомнил ему об унижениях его, Шамакаева, отца, в своё время таскавшего в грязь и слякоть, на собственной спине до конторы отца Самата Джемала, в 30-е годы — председателя сельсовета. По вине именно последнего сотни людей, лишившись скудных запасов, умерли тогда от голода.

Однако, и Самат, и Ибрагим — это такие же, как Асан Мурзаевич, живые

характеры из реальной жизни. И они всё же задают «хозяину» тот самый вопрос: «Когда от Коксара останется куча золы — кем ты будешь управлять?» Ответ директора символичен: «Скажут, чтобы управлял кучей золы — будешь управлять, куда денешься!» Фольклорная реминисценция эпического Калю-братоубийцы — героя второго плана пьесы — недоумка с детской ещё страстью играть с золой — собирательный образ современных узколобых властолюбцев — разрушителей, «манкуртов», не осознающих истинного, сакрального смысла ответственности перед историей за народ, его настоящее и будущее. Такое социально-нравственное уродство, эгоизм, разрушающие экологию человека, — важный предмет художественного внимания Капаева-драматурга. Неоднозначность характеров Самата и Ибрагима, расплачивающихся за прошлые грехи, проявляется и в том, что, будучи представителями старшего поколения, они пережили войну, «на которой им было всё понятно», а «в мирной жизни сложно понять, кто враг, кто друг, где правда, где ложь…». Пытаясь анализировать прошлое и настоящее своего народа, Самат вопрошает: «Чем тогда мой отец лучше Асана (директора. — Н.С) был, а?» «Если бы этого не делал твой отец, делали бы другие… Слабым не дано выжить. Если не Асан, так другой нашёлся бы. Круг замыкается!» — парирует Ибрагим, оправдывая тогдашнее и нынешнее зло, подчёркивая системный и вневременный характер его проявления.

В уста Самата, увлёкшегося теперь историей Коксара, и более последовательного в поиске причин народных бед, автором вложены ключевые сентенции, относящиеся не только к области экологии природной среды, но и к экологии человека: «Никогда мы не знали правды и никогда не узнаем…» Как декларация кредо самого драматурга звучат его слова: «У народа без прошлого — нет будущего. Люди непроизвольно превращаются в скитальцев… Другой земли у нас нет, чтобы жить… Коксар — это мы. Коксара нет — и нас нет!» «Люди детям передают отчий дом, доброе имя, имущество, скот, а мы что? Наши дети и внуки обретут статус сирот, беспризорных. Из такого недовольного поколения вырастут от всего отчаявшиеся бандиты, наркоманы, террористы. Разве они нужны этой стране?» Речь Самата — это ещё и покаяние, признание вины: «Когда совершалась несправедливость, мы молчали, соглашались, предавали ближнего. Мы сами свою землю превратили в душегубку…» Именно Самату отчасти доверяет И. Капаев выражение важных философско-публицистических мыслей. Свое объяснение случившейся драме Коксара озвучивают и Мариям, и Зейнаб, поддерживающие Самата: «Все беды от того, что наши люди ослабли верой!», «Нас для того и связали с миром, чтобы задушить».

В «Маскараде по-ногайски» представлен другой, цельный тип героя — последовательного искателя истины, обличителя зла, человека с бунтарским сознанием — Алибек — брат Асана Мурзаевича. И, конечно, такой вывод следует не только из содержания его речей. Речь других героев (Самат, Ибрагим, Анжела, Мурат, Мариям и Зейнаб) также содержит, как отмечено выше, множество ярких, обличительных фраз, однако, бескорыстным, неподкупным поборником правды, героем с чистой биографией остается… пьяница Алибек. В его образе по максимуму воплощена авторская идея искоренения из сознания социума лжи, фальши, лицемерия. Именно поэтому он — единственный герой, категорически не признающий защитную маску, лицо его всегда открыто, потому что «на человека хочет быть похожим»: «На человека! На ногайца! А вы скрываете, что вы ногайцы! Боитесь!». Зоотехник

по специальности, он пошёл в грузчики, как только построили завод, тогда же и пристрастился к спиртному. Такое прямое отражение драматизма перемен в биографии Алибека весьма символично: индустриализация — это прогресс, но именно она несёт с собой разрушение экологии природы и человека. Не менее страшно и разрушение морали в обществе, экологии этнокультуры, с чем борется пьющий Алибек — при всем при том — тип героя с обострённым чувством ответственности за происходящее, не желающий примирения с миром призрачного благополучия и спокойствия. «Не такой простой, как кажется… Больно много знает. Притворяется, водкой заглушает. Когда не пьёт, ни с кем не разговаривает», — говорят о нем Ибрагим и жена Зейнаб. Именно письма-протесты Алибека против строительства завода нашли в своё время адресата в ЦК партии. «Люди, потеряв веру в справедливость, разбредутся по всей стране. Они будут сеять всюду зерна зла и недовольства. А на месте Коксара останется куча золы. Оттого, что аул будет разрушен, а жизнь людей искалечена, будет ли польза государству?» — писал Алибек. После этой «самовольной выходки» он пережил предательство родного брата, уволившего его с работы. Однако, при этом правдоискатель всё же остается верен своим убеждениям, защищает оставшуюся в Коксаре «самую опасную массу, которая не желает распыляться, которая может пойти на массовые беспорядки», выступает против того, чтобы детей отдавали в интернаты и детские дома, спасает своего внука от такой угрозы. Но, вскоре он переживает надлом, его жизнь идёт по наклонной, начинается его «выпадение» из действительности: неприятие со стороны власть предержащих, отторжение земляками за увлечение спиртным. Такой тип из разряда шукшинских «чудиков»-изгоев — частый персонаж многожанрового творчества Капаева: «безумный» Сарзаман («Сказание о Сынтаслы»), «изгой» Карабатыр из одноимённого рассказа писателя, «слабый» Алимбек («Разорванный круг»), «чудаковатый» Мухтар Карамов («Салам, Михаил Андреевич!»), «ведьмина внучка» Нурхан («Гармонистка»), и вот теперь «пьянчуга» Алибек.

Художественная деталь, обретающая масштаб символа в пьесе — проходящий лейтмотивом музыкальный образ — песня «Старый причал» на стихи Булата Окуджавы:

Чайка летит, ветер гудит, шторм надвигается,
Кто-то и мне машет рукой и улыбается.
Кто-то и мне прямо в глаза молча глядит, …сердце болит,
Словно забыть старый причал мне не велит.

Штормящее море, гул ветра — стихии, служащие фоном для обрисовки тревожной ситуации в Коксаре. И функция песни — «текста в тексте» — более чем определенна: «старый причал» Алибека Коксар в беде, оттого не унимается его сердечная боль, она с ним всегда, и к каждому его появлению песня-аккомпанемент.

Алибек — «выпавший» из реальности, изъявший самого себя из бытия, самоустранившийся, но в то же время — исключительный герой-бунтарь. Он олицетворяет собой в пьесе главное мерило человеческой морали — совесть, и потому выступает как главная угроза благополучию созданного братом Асаном Мурзаевичем мира, где люди прячут лица под масками. «Собрались безликие! Я вас выведу на чистую воду!», «Хуже вашего позора не бывает! Вас душат, на вас гадят, а вы лица подставляете! Террористы! Диверсанты!»

— бросает он в лицо Ибрагиму и Самату, истории жизни которых Алибеку хорошо известны. А в кульминационной сцене, с подложенной Муратом в его доме гранатой, Алибек уже обращает свой праведный гнев непосредственно к брату — Асану Мурзаевичу: «Что же ты с людьми творишь! Ты людям в глаза смотри, лицо открой (срывает при этом его маску), ты на себя посмотри! Весь народ отравил и ходит, как ни в чём не бывало! Нашу фамилию на весь белый свет очернил!» И поскольку только совесть может вынести заслуженный приговор человеку, именно Алибека — разоблачителя и судью — боятся и не хотят видеть в опасной близости «хозяева жизни», «местная агентура» и молодая поросль — их последователи. Стремление этих людей ограничить или желательно вовсе исключить присутствие правдоруба в своей жизни отчётливо следует из их реакции на его появление: «Болен. Его лечить надо. Сына позорит», «Уберите этого алкаша!», «Я тебя в ЛТП отправлю, я тебя в тюрьму упеку!», «Даже мама скорой смерти ему желает!»

Алибек, которому «море по колено», боль души, отчаяние и бессилие выражает в обличительной речи: «В тюрьму говоришь! А чем эта жизнь лучше тюрьмы?! Весь народ в пожизненном заключении! Дети, старики — все в заключении!»

Подлинная драма Алибека, безысходность ситуации отчётливо выражены в детали: после такой вспышки разоблачительного гнева, обращённого к «безликим», его столь же быстро успокоили «разумные» доводы дочери: «В тюрьме тебе водку не дадут, а здесь твоя доза всегда имеется». И получив «материальное возмещение» — бутылку коньяка от брата, герой-обличитель уходит. В отличие от своих нравственных антиподов — брата Асана Мурзаевича, дочери Анжелы, рабочкома Мурата, Алибек при всём при том олицетворяет тип человека с цельной натурой, который не мыслит себя вне родовой цепи поколений, вне своего национального мира. Он не ищет индивидуального спасения от гибели, счастья избавления от зла для себя одного, как другие герои, а хочет вместе с земляками, с матерью, семьёй преодолеть эту драму, когда именем прогресса, по приказу сверху должен исчезнуть Коксар. Поэтому он пишет письма, борется за свою малую родину, спасает внука, не дав отлучить его от семьи, выступает с обличительными речами. И после череды тяжёлых последствий такой его активности, не в силах сопротивляться напору обстоятельств, родившееся в нём неверие в праведность мира и в собственные силы, потеря смысла жизни, отрицание очевидного уходят внутрь его, Алибека, сущности и находит выход в таком способе изъятия себя из мира «заблудших» людей, как пристрастие к спиртному.

Символически сгущённые образы, мотивы, притчевые сгустки — сентенции, а также реминисценции и аллюзии из родной и мировой художественной культуры, обогащают поэтическую палитру пьесы Капаева. В заглавии пьесы, являющемся ключом к её интерпретации, содержится подсказка-реминисценция (драма М. Лермонтова «Маскарад»), настраивающая читателя на встречу со скрытым пороком, фальшью, лицедейством, притворством, на частую смену планов изображения, калейдоскопичность действий. Такой настрой усиливает присутствие масок-противогазов, которые, ввиду сложной экологической обстановки, вынуждены носить, уже не замечая, «как часть тела», герои пьесы. Однако, этот атрибут защиты заключает в себе многозначный смысл: по выражению одного из героев, это «безликие прячут лицо от народа». В традиции маскарада (маскированного бала), как правило, присутствует и интрига, в частности, узнавание — неузнавание героя. В этом

смысле читатель «Маскарада по-ногайски» настраивается на неожиданные разоблачения — «срывание масок» и на то, что в этом будет какая-то специфика («по-ногайски»). Такая смыслорождающая многозначность заголовка отмечается и в разножанровой прозе И. Капаева (рассказ «Бердази», романы «Вокзал», «Отражение»).

Свойственное И. Капаеву притчевое видение мира является устойчивой особенностью его эстетики, ранее выражавшейся в его многожанровой прозе (рассказы-притчи («Бердази», «Алтын шыбын» (Золотая муха), «Разорванный круг», роман-притча «Суьлдер» (Отражение). Притчевость (моральная поучительность), наряду с эпичностью, свойственна, как мы видели, также и драматургии писателя. Это, прежде всего, нарицательные имена героев, подчеркивающие притчевую всеобщность персонажей. Также в основе поучительности художественного произведения, — эффект остранения (от «странный» — термин введен В. Шкловским), когда повествование удаляется от современного автору мира, от конкретного временного и событийного контекста, а затем вновь «возвращается к оставленному предмету и даёт его философско-этическое осмысление и оценку6. Другими словами, новый («странный») взгляд на известные вещи позволяет избежать автоматизма в их восприятии, давая видеть их заново, свежим взглядом, в новом ракурсе, а не привычно узнавать, — тем самым достигается адекватность читательского восприятия. «Странный» взгляд на вещи драматурга И. Капаева обеспечен богатством и разнообразием ассоциативных связей его пьесы-притчи с фольклорными сюжетами, в частности, ногайского героического эпоса («Мамай», «Эдиге»). Исторический опыт народа, осмысленный в фольклоре (эпосе) в судьбах реальных личностей — прототипов эпических героев, а теперь уже — в судьбах героев пьесы, формирует дидактическое (поучительное) содержание драмы-притчи Капаева. Оно (это содержание) сводится к одному: основное мерило человечности, нравственности — это совесть. Именно этой мерой оценивается сущность героев «Маскарада по-ногайски», перипетии их судеб — предмет художественного анализа драматурга. Трагедия нарушения равновесия «природа и человеческое общество» в настоящем, вследствие неусвоения уроков истории, и есть стержень философии капаевской драмы, её притчевой сущности. Целая лаборатория смысла, многослойного и многозначного, в этой острой полемике добра и зла, осмысленных как вневременные категории.

Голубые камни, железный сундук с древними письменами на ногайском языке, о которых Самат читает в альманахе, — метафора: история прошлого — кладезь опыта, в нём следует искать ответы на нынешние вопросы. И не случайно сундук с письменами нашёлся непосредственно перед гибелью аула. Это знак: ещё можно спасти его, только нужно обратить взор на опыт веков. Трагедия древнего Коксара, превратившегося впоследствии в «дурное место», свершилась при попустительстве безответственных правителей — братьев Акбарса и Калю, позволивших Джамбаю и его сподвижникам путем интриг и смуты обескровить Голубой дворец, отдать на разграбление его богатства вероломному, циничному неприятелю — хану Актайши, надругавшемуся над безмятежностью коксарской жизни. Именно ему, Актайши, отправившему в свой гарем Джанике, присягает на верность Джамбай: «Буду служить верой и правдой великому хану Актайши!»

Иса Капаев в своих произведениях различных жанров часто прибегает к использованию ёмких метафорических образов-символов, позволяющих

концентрированно и выразительно передавать художественную мысль. Это посох Апоша («Бердази»), тайтуяк (слиток золота) и смех («Сказание о Сынтаслы»), повязка на пальце в одноименном рассказе, треснувшие часы («Вокзал»), сова («Гармонистка»), череп, курган («Отражение»). В «Маскараде по-ногайски» такую функцию выполняет звенящий колокольчик в руках Калю — образ-реминисценция из эпиграфа к роману Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол», строки которого принадлежат английскому поэту XVII века Д. Донну: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка… смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе». Смерть Человека и смерть народа для И. Капаева — понятия равноценные: смерть Коксара умаляет всё человечество. «Колокольчик звенит по твоему трону, то есть, по нашему трону. Я — такой же правитель, как и ты», — говорит Калю брату Акбарсу. Пытаясь спасти трон от притязаний безумца, а Коксар от гибели, Акбарс внушает ему, что «народу нужна одна голова (а нас двое)». «Поделим трон пополам и будем играть золой», — был ответ Калю брату. В итоге, после ухода Акбарса, власть достается Калю, не знавшему, что с ней делать. «Какой из меня правитель? Курган с золой куда приятней! Это всё Джамбай!» Коксар становится добычей хана Актайши, который однажды отдал знаковый приказ Джамбаю — оседлать Калю.

В истории современного Коксара ничего по сути не изменилось, всё — так же, с поправкой на время. Вызов, предупреждение, набат, содержащиеся в звуке маленького колокольчика, составляют общечеловеческое содержание эпической драмы Капаева: современная действительность угрожает будущему, потребительское отношение к природе, нравственная нищета погрязших в бездуховности людей — это повод для очень серьёзного беспокойства. Это духовное наставление нынешнему поколению — прислушаться к колокольному звону.

Проблема тотального и перманентного неблагополучия сакрального пространства — национального дома, традиционно метафорически осмысливается Капаевым в целом ряде его произведений: квартира, а не собственный дом — место обитания Кобека Карамова — персонифицированного образа народа; трагическая история цивилизации самыров — «презираемых и оклеветанных созданий» из «Трактата о любви» того же Карамова в романе писателя «Отражение»; Сынтаслы (надгробие) — название символизированного образа малой родины, трагедия разорённого распрями древнего Коксара, драма современного отравленного Коксара: «нет места, где поселился бы Коксар».

Открытый финал с улетающим за границу Асаном Мурзаевичем на персональном лайнере несколько пессимистичен, но обращённость финала в душу, в мысль читателя и зрителя оставляет надежду на то, что противовес такому положению дел обязан сложиться.

Насипхан Суюнова, член Союза писателей России,
доктор филологических наук

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Громова М. Мир современной драмы.// Советская драматургия второй половины XX века. — М., 2003. — с. 5-22.

2. См.: Сикалиев А.И-М. Магическая поэзия ногайцев. // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. — Махачкала. — 1989; Керейтов Р.Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев. // Календарь календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии: Сб. научных трудов. — Черкесск. — 1989; Суюнова Н.Х. Ногайская поэзия XX века в на-

циональном и общетюркском историко-культурном контексте. — М.: ИМЛИ РАН. — 2006; Суюнова Н.Х., Казакова Р.Э. Ногайская драматургия: истоки и эволюция жанра в XX веке. // Материалы Первой Международной научно-практической конференции «Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему». — Черкесск, 2014 г. — с. 331-336; Капаев И.С. Ногайские мифы, легенды и поверья. Опыт мифологического словаря. — М.: Голос-Пресс. — 2012.

Мамай. Ногайская эпическая поэма. // Ногайдынъ кырк баьтири (Сорок ногайских батыров). — Сборник эпических поэм. Составитель, автор предисловия: Сикалиев А.И-М. — Махачкала. — 1991. — с.53-110.

3. Эдиге. Ногайская эпическая поэма. // Ногайдынъ кырк баьтири (Сорок ногайских батыров). — Сборник эпических поэм. Составитель, автор предисловия: Сикалиев А.И-М. — Махачкала. — 1991. — с. 17-53.

4. Здесь и далее цитаты по тексту: Капаев И.С. Маскарад по-ногайски. — М.: Спутник+. — 2006.

5. Литературный энциклопедический словарь/ под общей редакцией В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М.: Сов.энциклопедия. — 1987. — С. 262.

Суюнова Насипхан Хусиновна – доктор филологических наук, член Союза писателей России, главный научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР.

Автор научных монографий «И жизнь продлится (Художественный мир Исы Капаева)» (Ставрополь, 1999 г.), «Ногайская поэзия XX века в национальном и общетюркском историко-культурном контексте» (Москва, ИМЛИ РАН, 2006 г.), серии научных исследований по истории ногайского фольклора и литературы.

Живёт и работает в г. Черкесске КЧР

Ярослав Кауров

ОСТАТЬСЯ ОГНЁМ

***

В кафе под навесом, на солнце искристом,
Не в силах привыкнуть к его янтарю,
Себя ощущая импрессионистом,
Смотрю, преднамеренно долго смотрю –
На то, как лениво разносят бармены
Имбирного чая бокалы со льдом…
Как улицы вьётся горячая вена,
И юностью грезит готический дом…
На мир, состоящий из праздничных точек…
На время, застывшее словно вода, –
Пока не растает последний кусочек
Прозрачного, светом зажжённого, льда…

***

Как божественно это сближенье!
Как поэму творишь немоту,
Если любишь любое движенье,
Если любишь любую черту…
Поворот этих плеч, этой шеи,
Этих мягких волос благодать…
Что умею, могу, что имею –

Кауров Ярослав Валерьевич — член Союза Писателей России, родился в 1964 г. Автор 13 стихотворных сборников; печатался во многих известных литературных газетах, журналах и альманахах; один из создателей «Театра поэтов». Закончил Горьковский медицинский институт, доктор медицинских наук, автор 32 изобретений, 1-ой монографии и 1-ого открытия.

Живёт и работает в г. Нижнем Новгороде.

Величайшее счастье отдать!
Мир любовью пленён и пропитан,
Опалён, окрылён, опьянён.
В этом радость, и в этом защита,
И прозренье, и сладостный сон!

***

Высоко, высоко
над расплавленным небом палящим,
Над дождинками звёзд,
над пылинками стройных миров
Светит огненный шар
бесконечной любви настоящей, –
Что открыта душе
и доступна прозрению слов.
Каждый может её – ни за что! – получить,
просто даром.
Ею жить и дышать,
любоваться и ночью и днём…
Только нужно превыше всего
дорожить этим даром,
И дарить, отдавать…
и сгореть… и остаться огнём!

***

На весенних берёзках листва, словно пух. –
Он парит, как дыхание, облаком робким.
Так ягнят выпускает впервые пастух…
Так подарок, смутясь, достают из коробки…
Пух цыплячий невольно дрожит на ветру.
Да и ветер так ласков, сочувствуя юным!
Он проснулся в лесу и побрёл поутру,
Задевая травы, проступившие струны, –
К обнажённой реке в лёгкой óзноби волн,
В золотом ожерелье из солнечных бликов.
Этот ветер весенним предчувствием полн
И всем встречным в любви признаётся великой.
Щёку девушки так приласкает рука
И невольно опустится к трепетной шее…
И ланиты берёзок, и шея-река –
Ожидают любви… и зовут… и не смеют.

29.04.2016

***

Иду в осенние туманы,
В молочный омут пустоты.
Вокруг деревья-истуканы
И недвижимы, и желты…
И слышу, слышу звуки мира
За бледной, матовой стеной,
Как будто кто-то из эфира
Родной общается со мной.
И мимолётно ощущенье
Другого времени во мне, –
Мгновенного прикосновенья
К тугой Гомеровской волне…

27.09.2014

ЯРОСЛАВ

Я – Я росс слав, я – славный росс,
Я славлю юную Россию –
Озёра глаз и реки кос,
И губы отмелей тугие.
В ней имена, как семена,
Под нежным взором всходят женским,
Но посмотри, – она юна,
И сил она полна вселенских.
Тысячесмыслие во всём, –
Улыбки луж, приветы веток…
Её дыханием живём
И видим сны её рассветов!..
Ответы ветер нам сулит,
А росы задают вопросы.
Ласкаем мы холмы земли,
Луга её волос белёсых.
Встаём мы снова из основ,
Ведомы вед медовым вкусом.
Россия – это слава слов,
Россия – это раса русых.
Ей много удалось пройти…
Её царицей величали.
Но это не конец пути, –
Пойми, что мы живём в начале!

27.04.2016

Светлана Вьюгина

ТАРЗАНКА

Рассказ

Жили-были три мальчика: Иван, Мохир и Дима. Учились они в разных школах, в разных городах. А вот летом встречались в старинной Обояни: там коротали свой век бабушка Вани и бабушки-дедушки Димы да Мохира. Тёплые летние дни ребята проводили в беззаботных забавах: ловили пескарей, жгли костры, строили шалаши и запруды, плавали и загорали. Тут уж было не до книг, компьютеров и мобильников, не до поисков покемонов. Реальная жизнь за городом, у реки, захватывала, она была полна неожиданностей и приключений. Взрослые частенько с интересом поглядывали на дружных мальчишек, но в их развлечения не вмешивались. Местные любители рыбалки, случалось, жаловались:

— Ваши сорванцы костёр не загасили, когда пескарей на огне пекли…

— Своими сачками они вчера порвали наши лески…

— Вся рыба в глубину от них сбегает…

Бабушка Ивана, рассудительная Евдокия Ивановна, считала, что ангелы-хранители не дадут ребятам совсем уж пропасть. А рыбакам придётся потерпеть, мол, сами детьми не были, что ли...

Так бы всё и шло, как шло. И уехали бы ребята загоревшие, отдохнувшие, немного ошалевшие от летней вольницы (Дима — в сибирский город Кемерово, Мохир — на берега Каспия), но как-то утром Ваня, старший из ребят по возрасту, стал их подбивать на лихую забаву:

— На тарзанке надо напоследок полетать!

— Может, со взрослыми? — предложил серьёзный, рассудительный Мохир.

— Уже темнеет, не сорвёмся ли? — буркнул Дима. И примирительно добавил:

— Я-то плаваю хорошо. У меня разряд. А у вас?

Вьюгина Светлана Васильевна, член Союза писателей России, известный детский прозаик. секретарь Приёмной Коллегии Союза писателей России.

Автор нескольких книг детской прозы. Постоянный автор журнала «ДОН_новый».

Живёт и работает в Москве.

Но Иван чуть прищурил глаза и повёл ватагу к реке.

Канат с узлом на конце был привязан к стволу огромной наклонённой к воде ивы.

Первым ступил с обрыва старший Ваня. Тарзанка, сделав круг над водой, вернула его на берег. Потом, резко оттолкнувшись от земли, полетел над рекой Мохир. А потом и Дима, самый младший, но умеющий отлично плавать.

Никому из ребят не хотелось показать своих страхов. Летать над рекой, вцепившись в старый канат, было страшновато. Но Ивану не захотелось отступать.

— Ещё разок прыгну и пойдём! — и он решительно шагнул к тарзанке. Канат понёс его над рекой и… тут случилось непредвиденное — узел, за который ухватился Ваня, развязался и выскользнул из его рук. Мальчишка «спикировал» в бежавший под ним Псёл. На мгновение он погрузился в воду, но тотчас вынырнул, правда, к берегу повернуть не смог, — течение поволокло его дальше. Мохир прыгнул за ним, и уже двоих понесла река.

Дима, прозванный местными ребятами Профессором, побежал по берегу вдогонку, на ходу сбрасывая кроссовки и шорты. И вот он тоже в воде. Мгновение — и ребята уже втроём, сцепившись руками, плывут по течению в неизвестность.

— К берегу, к берегу! — кричал Ваня.

— Вместе, вместе, — приговаривал Мохир.

— Не робей… — почти захлёбывался Дима, но не выпускал руки друзей.

— Почему, ну почему ребята не звали на помощь? — спрашивали потом, сойдясь на улице, их родные. Да и у меня, честно сказать, нет на эти вопросы ответа…

Вы спросите, а что же сделали ангелы-хранители, чтобы спасти ребят?!

А они посадили на берегу рыбаков, тех самых, чьи сачки мальчишки опрокидывали, играя в разбойников .

Мгновение — и шест зацепил за рубашку одного… другого...Только серебристые крылышки на секунду блеснули рядом…

Мальчишки лежали на тёплом берегу и не могли надышаться. Как хорошо кругом, как тихо! Какие участливые и совсем не строгие глаза у дядечек— рыбаков.

— Дорогу домой найдёте, пацаны?

— Да-да! — ребята бросились вверх по обрыву, удивляясь, как далеко их унесло от дома.

Как же радостно было теперь бежать по тёплой летней земле!

Дома их уже искали. Кстати, место спасения, как я заметила — безлюдное, да и рыба сроду там не ловилась. Вот и задумаешься поневоле…

***

Прошло много лет. И вновь пересеклись пути давних друзей. На операционный стол к известным хирургам Дмитрию Николаевичу и Мохиру Зиядовичу попал (примчала «скорая помощь») Иван Алексеевич, военный человек.

…Пот катился по лбу одного и другого врача, сбоку светился монитор чудо-прибора, бесшумно перемещались за спинами ассистенты, анестезиолог и операционные сёстры… А рядом, справа, сияли несказанным светом лица трёх знакомых ангелов.

Александр Цыганов

КЛЮКВА

Из цикла «Вологодские рассказы»

Он был рад, что ушёл от остальных ягодников. Хотелось быть одному. Тем более, что выходить обратно со всеми на душе не лежало: за ягодным болотом притаилось тихое озерко, где у него была давно припрятана лёгкая сухая лодчонка, на которой, переплыв озерко, можно спокойно за какой-то час дошагать до своего дома.

Места эти, конечно, хожены-перехожены. С детства и до старости — как-никак, а уж шесть десятков недавно стукнуло. Время промелькнуло, как та самая птичка, что теперь стремительно порхнула с кустика на ветку, оглянуться не успел. В лесу на все лады чиликало, трещало, посвистывало.

Солнце светило тускло, было ветрено и холодновато. Перед болотом на косогоре густо шумел осинник: с одной стороны листья были красными, с другой они маслянисто и блестящие зеленели.

Он вдруг остановился, удивившись тому, что как бы со стороны увидел себя — в чёрной стёганой фуфайке с крупными пластмассовыми пуговицами, в синей восьмиклинке, с зелёным рюкзаком за спиной и двумя эмалированными вёдрами в руках, с выбритыми до гладкости щеками, но странно озирающегося по сторонам...

Он передёрнул плечами и, вытащив из кармана брюк алюминиевый портсигар, торопливо закурил, разгоняя рукой сизоватый дымок. И двинулся дальше покачивая головой: ему было непонятно, точно прощался он с чем-то или с кем-то, и чувствовал, как под сердцем стальной иглой знобяще держится настоящий страх...

Он густо прокашлялся, отгоняя тяжкие мысли и, раздвигая кусты, вышел к укромному болотцу.

Цыганов Александр Александрович, член Союза писателей России. родился в 1955 году в деревне Блиново Вологодской области. После окончания средней школы работал в совхозе слесарем, рабочим.

Окончил Вологодский педагогический институт.

Работал в системе МВД.

Публиковался в журналах «Москва», «Наш современник», «Слово», «Воин России», «Роман-газета» и других. Автор нескольких книг прозы. Лауреат литературной премии МВД. В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые

Живёт и работает в Вологде.

Чуть ли не перед самым его носом вертушкой пролетела сорока-трещётка. Но и без неё было ясно, что здесь ещё не ступала нога ягодника и что клюквы нынче тут видимо-невидимо. Бери — не оберёшься.

Он вздохнул во всю грудь, уже легко и свободно. Потом, раскатав резиново скрипевшие бродни до паха, опустился на колени и принялся обеими руками сноровисто и быстро собирать в эмалированное ведро лаково красневшую, тугую, спелую клюкву.

За делом он, как и всякий истинный собиратель, забывался. Ягод было так много, что глаза невольно страшились, а руки — делали. Болотный мох упруго пружинил под подошвами резиновых сапог, под коленями колодезно холодил...

Он вспомнил, как в детстве вот так же елозил здесь, на ягодах, вместе с деревенскими ребятами, и была Надька Сурикова, — без неё гулянка не гулянка, всюду успевала. Он высыпал ей тогда из своей банки-посбирушки все ягоды, а когда ребята увидели и стали его дразнить, выхватил у Надьки ягоды и кувырнул их в мох. Как там и были...

А позже, на вечеринках, Надька всё поглядывала в его сторону и, встречаясь с ним взглядом, краснела... Потом взяла да и выскочила за парня-жердину из села Цветково, ягоды, что ли, припомнила... Худо ему тогда было — впервые почувствовал, в какой стороне сердце: там палило и жгло так, что скоро... женился и сам... на одной тут. Из соседней деревни. Женился и женился. Значит, надо жить было. Только уж больно жёнушка сварливой да жадной оказалась, что просто диву давался, откуда у неё это?.. Одно время слух ходил, будто она в детстве, в голодные годы, у родной сестры срезала с пояса хлеб в мешочке. Конечно, говорить, так до всего договоришься, но если верно знать не знаешь, так и вины нет... Что бы там ни было, а однажды он не застал жены дома — её и след простыл. Позже узнал, что удула куда-то к дальним родственникам: тайком списались, те пообещали у себя в городе работу денежную, ну и двинула новое счастье искать.

Бог с ней. Как говорится, кто старое помянет... А только с тех пор так бобылём и живёт. Привык. Даже нравится — тебе никто не мешает, и ты никому поперёк дороги не стоишь. Милое дело. Имеется и хозяйство: корова, пара овечек, даже держит небольшую пасеку. Мед — не последнее дело для здоровья. А когда обращаются деревенские за помощью — не отказывает, всегда помогает, даже больше делает, точно в чём-то виноватый.

Может, понимает, что люди сторонятся его от того, что такой вот он молчун, каких свет не видывал, — за работой ведь, глядишь, и перекинешься с человеком словом-другим, всё веселее... Хотя, что ни говори, а один — он и есть один. Одной-то рукой и узла не затянешь...

Он и не заметил, как набрал первое ведро. Даже с кленьком. Доверху, только обратно не сыплется. Встал, не в силах сразу разогнуться, тихонько постонал, выпрямившись в пояснице.

Неожиданно вновь пахнуло леденящим холодком под сердцем, оно сжалось и затосковало. Он сердито скрипнул зубами. Снова размял твёрдыми коричневыми пальцами папиросину, затянулся так, что резцы нижних зубов до боли впились в прикушенную губу.

Дела... Дела выходили, как сажа бела: чем больше думалось да вспоминалось, тем муторнее становилось на душе, словно и впрямь на прощание вся жизнь заново вспоминалась, от начала и до конца...

Тяжело передвигая крупными желваками, он всунул полное ведро ярко-

рубиновой клюквы в зелёный рюкзак, затянул на нём новую прочную верёвку и, заприметив место, оставил его под большой, в чёрных подпалинах берёзой.

Второе ведро набиралось труднее — ломило в спине и шее, бросало то в жар, то в холод, а один раз он, как-то неловко повернувшись, кульнул носом в мох и коротко, скороговоркой ругнулся...

Он и не заметил, как наступил вечер, в воздухе тонко похолодало. Перед лицом висела прозрачная золотистая паутина, и он вспомнил, что так и не перекусил ни разу. Достал из кармана газетный свёрток, развернул его: пара красных помидоров и свежепросольных огурцов, мягкий с хрустящей корочкой хлеб, густой медный чай в бутылке с капроновой пробкой. Перекусив на скорую руку, он быстро добрал и второе ведро, — но уже без желания, по необходимости и через силу.

В груди жгло и покалывало, гудела голова. Он чувствовал, что так, пожалуй, никогда не уставал. Удивляясь своей слабости, нашёл мету с ягодами, вскинул рюкзак за спину, подтянул брезентовые рубчатые лямки и, взяв в левую руку другое ведро, направился к озерку.

Под его ногами похрустывали сучки, а вечер был тих, с мглистым и далёким кругом солнца. Низко неслись тяжёлые тучи, как будто куда-то опаздывая. Одна остановилась над озерком и словно набухла, потемнела...

Он отыскал в шумевшем чутко и тревожно ольшанике лодку, столкнул в воду. Аккуратно устроил на корме ягоды.

Ягоды... А ведь он звал про себя Надьку-то Сурикову ягодкой... Вон как выходит, вот отчего и вспомнилось сегодня всё это, хотя что всё-таки случилось на болоте, он так и не понял...

Ягодка, ягодка сладкая, ягодка горькая... Он оглянулся по сторонам, точно кто-то мог подслушать то, что он думал, затем надвинул кепку низко на лоб и удобнее сел за вёсла.

И в третий уже раз за сегодняшний день он ощутил под сердцем укол — раскалённый, огненный, нетерпимый...

Он ещё успел подумать, что так, наверное, устал на ягодах и, приложив руку к сердцу, вскинуть голову: тёмная, набухшая туча стремительно и мягко обрушилась на него, заслонив собой белый свет.

И он, привстав, вдруг ничком рухнул прямо в ягоды, выбросив перед собой сразу ставшие безвольными изувеченные работой, крупные, тёмные руки в изжёлта-зелёных набухших венах...

Антонина Сытникова

АНТРАЦИТ

Святочный рассказ

Полина торопилась домой после утренней дойки на колхозной ферме. В свои неполные сорок лет она всё ещё была красива той неброской, как бы подсвеченной изнутри, почти иконописной красотой, свойственной многим русским женщинам. Но старый ватник не по размеру, валенки в огромных галошах и коричневый клетчатый полушалок, надвинутый на лоб и повязанный узлом вокруг шеи, превращали её в старуху. Тем бóльшим контрастом выплывала красота предрождественского утра. Заснеженные поля искрились в первых лучах солнца, каждая веточка деревьев и кустарников была густо усеяна инеем, отчего всё окружающее приобретало нереально сказочный вид. Казалось, морозный воздух звенит тысячей бубенцов, приветствуя Рождество Христово, а дары волхвов рассыпаны под ногами и развешаны на деревьях. От природного великолепия, а может, просто от мороза, перехватывало дух, и Полине хотелось остановиться, навсегда растворившись в этой красоте.

Но дома, в нетопленной хате, её ждали трое ребятишек, которых она поднимала одна. Муж сгинул на фронте ещё в первые дни войны, а она, сама сирота, с тремя малолетками вернулась с Дальнего Востока, куда они с Тихоном уезжали на заработки, к родителям мужа. Спасибо свёкру, в то лихое время он приютил под своей крышей всех невесток с детьми. А позже построил какие-никакие хатёнки и выделил каждой часть хозяйства.

И вот в первый раз Полине пришлось зимовать самой. Всё бы ничего, да зима выдалась больно суровой, а топить нечем. Конечно, дети уже подросли и помогают матери. Приносили из ближнего леса хмызник, всё лето собирали на лугу и сушили коровьи лепёшки. Полина невесело улыбнулась – у людей поленницы с дровами, а у неё с кизяками. За мыслями не заметила, как подошла к дому.

Из-под калитки куском антрацита выкатился Черныш и с радостным

Антонина Сытникова, член Союза писателей России, известный поэт, автор нескольких поэтических книг, пишет также прозу. Её стихи неоднократно публиковались в журнале «ДОН_новый», в настоящем номере журнал предлагает читателю первую прозаическую публикацию автора.

Живёт и работает в г. Орле.

лаем запрыгал вокруг женщины. Потрепав собаку за ухом и поправляя на голове сбившийся полушалок, она вздохнула: полмашины угля, пусть не антрацита, а хотя бы бурого, ей хватило бы на всю зиму. Но уголь на селе выдают только учителям и служащим, а она просто доярка и должна сама о себе заботиться.

Почуяв хозяйку, из сарая призывно замычала Зорька. «Кормилица зовёт», — с теплотой подумала Полина, и в душе её разлилась тихая, благодарная нежность к бурёнке-трёхведёрнице. Молоко, творог, масло — всё своё, всегда есть чем накормить детей. Трудно, конечно, особенно одной, держать корову, а без неё было бы совсем лихо. Нащупывая в кармане ватника кусочек хлеба, густо приправленный солью, Полина решила первым делом заглянуть в сарай, но, зайдя во двор, в изумлении остановилась.

Посреди двора, в полуметре от крыльца, высилась гора угля. Настоящего антрацита! Солнечный свет вспыхивал на его глянцевых гранях множеством искр, и Полине почудилось, что к ней во двор заходили волхвы и оставили гору чёрных бриллиантов. Она опустилась на колени и стала гладить руками куски угля, перекладывая их с места на место, иногда сжимая в руке до боли и всё не решаясь поверить в свалившееся на неё невесть откуда богатство. Наконец, опомнившись, она вбежала в хату и бросилась к старшему сыну:

— Ваня, Вань, откуда уголь? Кто его привёз?

— Да не знаю, я спал, когда загудела машина, пока оделся, она уехала, — сын, смущённый тем, что не усмотрел за двором, опустил голову.

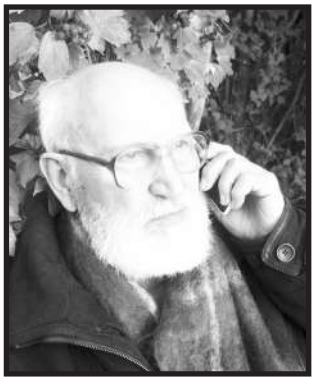
Полина, схватив зольное ведро, выскочила во двор, быстро набросала в ведро угля и, вернувшись в хату, затопила печь. Тепло, распространяясь от грубки, постепенно заполняло все уголки их неказистого жилища. А вместе с теплом к ним приходило настоящее Рождество с настоящим чудом, которое останется в душах детей на всю жизнь.

Позже они узнают, что уголь им выделили из своих долей брат Тихона Семён и муж его сестры Пётр, один – учитель, другой – служащий сельпо, но это знание не выветрит в них ощущение чуда, случившегося перед Рождеством.

Позже младший сын Полины Михаил станет священником и построит в своём селе церковь Рождества Христова, и всякий раз на всенощной с особым чувством будет петь: «Рождество твое, Христе Боже наш…». Песню, которую он выучил с матерью в вечер рождественского чуда.

Утрата

Алексей Горобец
(1936 – 2016)



О НЕИЗБЫВНЫХ ГЛУПОСТЯХ ЛЮБВИ

***

О неизбывных глупостях любви
Я знал, пожалуй, больше понаслышке.
И всё же вычитал в какой-то ветхой книжке:
«Твори любовь, зови её, лови!»
Сбывалось всё,
но чаще – на словах.
О, как мешал всегда избыток лени – мне!
Движенье соков в старых деревах
Не поспевало за движеньем времени.
И мы терялись, вязли в пустяках –
И прозевали
точку невозврата...
Наверно, это время виновато!
И кто-то торопливый, впопыхах,
Обнимет нас и сгинет в облаках –
Там, за дверями…
Где-нибудь…
Когда-то…

2012

Горобец Алексей Борисович, член Союза писателей России, жил и работал в станице Полтавской Краснодарского края. Он автор десяти поэтических сборников. Лауреат литературной премии им.М.А. Булгакова, учреждённой «Медицинской газетой».

Иногда он присылал свои замечательные стихи в журнал «ДОН_новый», и мы с удовольствием их печатали.

Эта подборка его стихов — дань памяти выдающемуся кубанскому поэту.

***

Поют-звенят деревья. –
Спозаранку
Всё обретает звук и чистоту.
Дыхание цветов (для пчёл приманка!),
Слюда стрекоз… изящных ос осанка…
И вот чуть-чуть – и я тебя найду:
В обрывках сна, в дремотной светотени
Рассветных бликов, в зареве воды,
В мерцанье той, смиренной полулени,
Где ты во сне, и сон мой – тоже ты...
А утро в день сойдёт, как будто мало
Нам бед, давно расписанных в судьбе!
И птичий хор трубит мне запоздало –
О нас, о невозвратном...
О тебе.

2012

***

Предчувствие нездешнего огня!..

Обняв крапиву, смотрит на меня
Сухой лопух, наивный старый олух.
Крыжовник спит.
И замер у плетня
На солнце заглядевшийся подсолнух.

Побитый градом,
День сгорит дотла!
Сгорит в снегу – и ждать уже не долго.
В предчувствии холодного тепла
И жарких холодов дрожит убого
Багульник,
И несчастный баклажан,
Что был тобой ухожен, зван и ждан –
Иссохнет, всуе поминая Бога...

И в сердце хмарь, и на душе тревога...

И льнут к земле высокие миры
В постыдной связи
Сне́га и жары.

2012

***

Зимой я зябну и старею.
Многозначительный камин
Средь стен один, как среди льдин,
Плывёт, пылая и не грея.
И ни о чём не сожалея,
Мой ветром тронутый чердак –
Не от любви, а просто так –
Скрипит себе…
И цепенея,
Луны задумчивая тень
На окнах пишет что-то – всклень
Его печальным ахинеям.
А ветер в зимней ворожбе
К печной всё ластится трубе,
И, оплывая, тают льдины…
И спят стихи в золе каминной…
И рифмы гнут худые спины,
Напоминая о себе.

2012

***

Страницы жизни. –
Кто-то их напишет,
А кто-то мудрый их, глядишь, прочтёт.
Росой умыты, смотрят в небо крыши,
И звёзды в небе – все наперечёт.

И мысли высоко, и стоп-сигналы
Твоих воздушных чудо-кораблей
Мигают, завершаясь в листьях палых,
И жизнь сбылась, и время не устало
Считать за малость
Бесконечность дней.

И шевелятся паруса-страницы,
И манит в путь их ветреная суть:
Всё перечесть, поверить,
Удивиться –
И зачеркнуть –
И счастливо вздохнуть...

2012

Владимир Моисеев
(1941 – 2016)

КАК ДИКИЙ САД…

***

Река ворожит берега, не спеша…
В природе покой и доверие.
И стала похожа моя душа
На вечернее дерево.
Я не могу в белом храме молиться. –
В зелёную глушь, как во сне, забреду.
Душа говорит, что с дороги я сбился…
Устала она и глядит на Звезду.
Ей тяжко со мной, далеко не безгрешным.
Одно я прошу: «Жизнь мою – не бракуй!
Коль хочешь, лети – в холод звёздный кромешный.
И всё ж, напоследок – в груди поворкуй…»

ТАГАН

Ржавый обруч скифского тагана
Из пласта я вытащил с трудом:

Моисеев Владимир Валентинович, член Союза писателей России, жил и работал в Таганроге Ростовской области. Он несомненно был одним из лучших поэтов Донского края и, как оказалось после публикации в «Российском писателе», — совершенно российского уровня. Выдающийся лирик, в жизни он был очень скромным, добрым человеком, каким и остался в памяти коллег-писателей и широкого круга почитателей его таланта.

Публикация посвящена памяти замечательного донского поэта.

Шкура продублённая, кургана –
С ним срослась, как с вековым тавром.
Я принёс его домой под вечер
И повесил в комнате на гвоздь.
Может, приживётся этот вечный,
Молчаливый, темноликий гость?..
Но с тех пор безлунными ночами
Стены тряс коней степных галоп,
Как хмельные зарева качались,
Смерчи поднимали потолок…
И о стёкла, что во мгле искрились,
Насмерть разбивались крики птиц.
Выла степь, бурьяном ощетинясь. –
Дикая, не знавшая границ.
И подобьем рокового знака,
Что вобрал пески и небеса,
На меня глядел таган – из мрака,
Накалившись гневом до красна…
И тогда я встал однажды рано,
Вышел в степь… и долго в ней кружил…
И под бок кудлатому кургану
Я таган на место положил.

ЖАЖДА

…Небо долго молчало. – Там не было влаги ни капли.
И тогда – поднимая великую пыль в небосвод –
По оврагам, полям… по степи, по глухим перекатам
В безысходности двинулся крестный спасительный ход.
И деревья угрюмые кроны несли, как хоругви. –
В них давно пересох переливчатый птичий галдёж.
И – валун, как безногий калека, забыв про недуги,
Вслед за ними тащился… и тоже вымаливал дождь.

***

Погост цветёт, как дикий сад…
Здесь не красуются ни мрамор, ни гранит.
Но каждый нищий крест – крылат,
Хоть в землю насмерть врыт.
Когда протрёшь ты жизнь до дыр
И трав услышишь голоса, –
Возьмёт он душу на буксир
И вознесётся в небеса…
Пока я жив (признаюсь, кстати,
Что бесконечно грешен я) –
Прошу одно лишь: не оставьте
Пригорок мой – без журавля.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Главный редактор
Галина Студеникина

Редактор отдела
прозы-публицистики
Ксения Баштовая

Редактор отдела поэзии
Дмитрий Ханин

Корректор
Юлия Жура́влева

Вёрстка
Диана Зяблицкая

Корректор
Ольга Лозбенева

Директор издательства
«Донской писатель»
Алексей Береговой

Вниманию писателей и читателей!

Редколлегия журнала «ДОН_новый» сообщает, что с 2016 года журнал будет выходить с периодичностью — 1 номер в полугодие или 2 номера в год.